

история / география / этнография

Александр Амфитеатров

Льявол
в быту, легендах
и литературе
Средних веков

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Александр Амфитеатров

Дьявол в быту,
легендах
и литературе
Средних веков

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2020

УДК 94(4)“375/1700”
ББК 63.3(0)4
А63

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

От автора

Предлагаемая вниманию читателей книга вышла из подготовительных работ к роману «Жар-цвет» и трагедии «Роберт-Дьявол». Накопив довольно много материала по демонологии, я познакомился три года тому назад с «Il Diavolo» — книгой туринского профессора литературы Артуро Графа¹, с огромным успехом выдержавшей несколько изданий, что для итальянского исторического труда не весьма обыкновенно. Мне очень понравилась эта ясная, материалистическая книга в оригинале — настолько, что я поручил сделать ее перевод. Но, когда перевод был сделан, я увидел, что главным очарованием книги был его великолепный итальянский язык, который своей красотой скрадывал длинноты, разноо-

бразил повторения и придавал блеск общим местам. В переводе все это исчезло, и из достоинств книги Графа сохранились только удачная схематизация содержания и превосходное изучение средневековой теологической литературы. Тогда я предпочел воспользоваться схемами Графа для самостоятельного труда.

1912. II. 3. Fezzano

Глава первая

Родословие и эволюция Сатаны

Всем известен поэтический миф о возмущении и падении Ангелов. Этот миф внушил Данте несколько стихов — из числа прекраснейших в «Аде», а Мильтону незабвенный эпизод «Потерянного рая». В христианстве этот миф разными Отцами и Учителями Церкви по-разному излагался и окрашивался. Между тем под ним нет решительно никакого иного основания, кроме толкования одного стиха у Исайи и нескольких довольно темных мест в Новом Завете. В чем заключается точная причина бунта духов против своего Творца, легенды изъясняют схоже в общей психологии мифа и очень разно в подробной мотивировке. В Коране говорится, что ангелам было повелено преклониться пред Адамом, заместником Аллаха на земле, но Эблис (дьявол), полный гордыни, отказался совершить это поклонение. Другой миф, совершенно иного характера, но не менее поэтический и усвоенный писателями, как еврейскими, так и христианскими, рассказывает об ангелах, или сынах Божьих, которые, увлекшись дочерьми человеческими, пали с ними и, в наказание за грехи, были изгнаны из Царства Небесного и из ангелов обратились в демонов.

Этот второй миф освещен, как излюбленная тема, стихами Мура и Байрона. Таким образом, оба мифа признают демонов падшими ангелами, а падение их связывают с грехом: в первом случае — с гордостью или завистью и с преступной любовью — во втором.

Но это лишь легенда, а не история Сатаны и товарищей его. Происхождение Сатаны, рассматриваемого как мировое олицетворение злого начала, гораздо менее эпическое и вместе с тем более давнее, глубже уходит в века. Сатана старше годами всех могучих и страшных богов, память о которых осталась в истории человечества. Он не с неба низвергся, но взвился выспрь из бездн человеческого духа, в современности тем темным богам древнейших эпох, чьих имен не напоминает даже ни один камень: люди пережили их и забыли их. Современник их и часто смешиваемый с ними Сатана, как все живое, зачинается зародышем и лишь постепенно возрастает и развивается в личность. Закон эволюции, управляющий всеми бытиями, движет также и Сатаной.

Уже никто из мало-мальски образованных людей нашего века не думает, будто религии сравнительно грубого типа возникли из разложения и распада какой-либо религии более совершенной; напротив, всякий отлично знает обратное: что более совершенные религии развились из первобытно грубых, и, следовательно, в этих последних и надо искать происхождение того мрачного образа, который под различными именами представляет собою зло и становится его началом. Мы не можем узнать непосредственным исследованием, какова была религия наших тогдашних предков, но мы в состоянии сделать о ней заключение. В их воображении мир был полон духами вещей и душами умерших, и на счет духов относилось все дурное и хорошее, что случалось в жизни. Мысль, что одни из этих духов благодетельны, а другие зловредны, одни друзья, а другие враги, подсказывал уже самый опыт житейский, в котором постоянно чередуются удачи и потери. Солнце, свет дающее, заставляющее землю вновь одеваться зеленью и цветами, посылающее зрелость плодам, должно было привести к умозаключению, что оно, по существу своему, сила благотворная. Вихрь, кроющий небо мраком, ломающий деревья, разрушающий и разметывающий худо сколоченные лачуги,

внушал считать его силою по существу зловредною. Духи разделялись на два больших воинства, в зависимости от того, казалось ли людям, что они получают от духов — пользу или вред.

Но не этим определился истинный и решительный дуализм. Верующий никогда не мог поручиться за настроение духов, под опекою которых он находился; боялся оскорбить друзей, боялся разозлить врагов и старался расположить к себе всех их, не веряясь слишком никому. Между добрыми и злыми не было определенного морального противоречия, но только противоположение действий. Они не могли иметь морального характера, которого еще не было и у их поклонников, едва вышедших из животного состояния, и добрыми или злыми называться могут они лишь постольку, поскольку первобытному человеку представляется добром все, что ему на пользу, и злом все, что ему во вред. То, что в наши дни называется бушменскою моралью: я украд барана — это хорошо, и дух, который помог мне украсть, — добрый дух; у меня украли барана — это худо, и дух, который помог вору воровать, — злой дух. Дикие поклонники воображали свои божества во всем подобными себе: переменчивыми, покорными страстям, то ласковыми, то свирепыми и добрых не почитали более высокими и почетными, чем злых.

Конечно, в злых появляется уже тень Сатаны, вырисовывается дух зла, но зла еще чисто физического. Зло — то, что вредит, и злой дух — тот, который низвергает молнию, воспламеняет вулканы, наводняет землю, сеет голод и болезни. Злой дух еще не выработался в представление морального зла, потому что различие моральных добра и зла еще не сложилось в умах человечества; из двух ликов Сатаны, разрушителя и развратителя, он являет только один первый. Злой дух не отмечен еще своею собственною, специальною низостью, не имеет никого, кто был бы выше его и господствовал над ним.

Но мало-помалу моральное самосознание разбирается в себе, и религия приобретает этический характер. Самое зрелище природы, где силы противостоят силам и где одна из них разрушает то, что создает другая, подсказывает идею о двух враждебных началах, которые взаимно отрицают друг друга и борются между собою. Затем человек, развивая союз общежития, не замедлил заметить, что кроме добра и зла

физических есть еще добро и зло моральные, то есть сумма требований и уступок человека человеку, без которых союз общежития невообразим и неисполним. И вот — в эволюции этой — ему сдается, что в себе самом он узнает то же самое двуборение, которое видит и испытывает в природе. Он чувствует себя то добрым, то злым, понимает, что однажды он лучше, в другой раз — хуже, но собственную благость ли, преступность ли он не признает за свои, за выражение своей же собственной природы. Привыкнув приписывать силам божественным и демоническим физические добро и зло, он точно так же приписывает тем же божественным и демоническим силам добро и зло моральные. И вот от доброго духа исходят уже не только свет, здоровье, все, что поддерживает и умножает жизнь, но еще и святость, понимаемая как совокупность всех добродетелей; от злого духа приходят не только тьма, болезни и смерть, но еще и грех. Совесть, то есть проснувшееся в зачатках культуры моральное самосознание, естественно, по инстинкту самосохранения, признает превосходство добра над злом и смутно мечтает о победе первого над вторым. Отсюда она настаивает на том, что демон становится, во-первых, подчиненным Богу, а во-вторых — чем живее и повелительнее совесть, тем ярче представляет она недостойность демона. И вот демон, который в первом начале своем смешивался с Богом в одном разряде нейтральных духов, одинаково способных как на добро, так и на зло, мало-помалу различается от Бога, пока наконец не отторгнется от него во всем. Он будет духом тьмы, а его противник — духом света; он — духом ненависти, а его противник — духом любви; он — духом смерти, а его противник — духом жизни. Обителью Сатаны будет бездна, обителью Бога — Царство Небесное.

Так устанавливается и определяется дуализм. Так его понятие, в медленной работе веков, развивается из понятий, усвоенных людьми о природе и самих себе. Дуализм, развитый или в зачатке, выраженный или подразумеваемый, находится во всех религиях. Но он движется по разным ступеням, принимает многие формы, скрашивается пестрыми особенностями в зависимости от различия народов и культур.

Мы видели, что злые духи появляются уже в самых грубых религиях, еще едва различимых; но там они плохо определены

и как бы разлиты в природе. В более возвышенных религиях злые духи являются с большей определенностью, приобретают известные атрибуты и личность. Из великих исторических религий наиболее отдаленные, но и сравнительно достоверные сведения мы имеем о религии Древнего Египта. В ней божествам благодетельным, подателям жизни и благоденствия, каковы Пта, Ра, Аммон, Озирис, Изида, противопоставляются змей Апоп и чудовищный Сет, опустошитель и отец обмана. Финикийцы противопоставили Ваалу и Ашере Молоха и Астарту. В Индии жизнедавец Индра и хранитель справедливости Варуна получили противниками демона Вритру и Асуров. В Персии Ормузду, который царствует в светлом небе, противопоставлен непримиримый противник Ариман, который повелевает подземным миром. В Греции и Риме, в противовес божествам Олимпа, впрочем, тоже не всегда благодетельным, возникло множество злых гениев и вредных чудовищ — тут и Тифон, и Медуза, и Герион, и Питон, лукавые демоны всякого рода, лемуры и ларвы. Точно так же обнаруживается дуализм в мифологии германской, славянской и вообще — во всех и каждой.

Ни в одной из религий древних и новых не достигал дуализм формы более полной и ярко выраженной, чем в маздеизме — то есть в религии древних персов, как излагает ее «Зенд-Авеста». Но замечается он во всех религиях, и везде возможно, по крайней мере отчасти, обличить его связь с великими явлениями природы, с чередованием дня и ночи, со сменой времен года. Различные представления, образы фантазии, события, в которых дуализм находит форму и выражение, отражают не только характер и культуру народа, дающего ему место в системе своих верований, но также и климат, состояние почвы, ход истории. Обитатель жаркой страны видит действие злого духа в ветре, дующем из пустыни, раскаляющем воздух и убивающем хлеба, тогда как обитатель северной полосы узнает беса в холоде, который замораживает жизнь вокруг него и самому ему угрожает смертью. В местностях, где почва колеблется частыми землетрясениями, где вулканы изрыгают пепел и опустошительную лаву, человек легко воображает себе подземных демонов, злобных гигантов, погребенных под горами; там же, где атмосфера часто волнуется бурями, он воображает, будто

это демоны носятся по воздуху. Народ, побежденный неприятелем, подвергшийся нашествию и порабощению, не упустит случая перенести на злого духа или на злых духов, в которых он верит, наиболее ненавистные черты народа-угнетателя. Например, на заре Средних веков объявлены были детьми дьявола гунны.

У греков, как и у римлян, не было Сатаны в нынешнем значении слова. Станным кажется, что народы, обожествившие множество отвлеченных понятий, например юность, согласие, целомудрие, позабыли выдумать настоящее божество зла, хотя сочинили богиню Лихорадку и других в том же роде. Однако и в греко-римской религии нет недостатка в силах антагонистического характера и в образах, имеющих вид как бы раздвоенный; если же мы несколько углубимся в характер, условия быта и историю обоих народов, то станет ясно, что у них дуализм и не мог принять размеров, значительно отличных от тех, которых он достиг. Примите во внимание хотя бы уже то обстоятельство, что ни в Греции, ни в Риме не было священных книг установленной морали, не было теократического кодекса в полном смысле слова. Все это пришло в эллино-римскую культуру поздно — лишь с восточными влияниями, с культом Митры, с иудаизмом, христианством, когда, по выражению римского поэта, сирийский Оронт начал впадать в Тибр. И вместе с сирийским Оронтом полилась в мир, концентрированный вокруг великого города на Тибре, определенная и побеждающая дуалистическая струя. «Несомненно, что дуализм, если понимать под этим именем противоположение между духом и материей, разумом и чувственностью, явился уже раньше в греческой философии и образует одну из законоположных стезей неопифагоризма и Филонова учения. Но существенно отличает от этого дуализма учение магов то обстоятельство, что в последнем злое начало обожествлено. Оно противопоставлено высшему божеству в качестве соперника с утверждением, что обоим принадлежит чествование посредством культа. Эта система, нашедшая столь очевидно простое разрешение для проблемы существования зла, этого подводного камня теологического мышления, привлекла к себе образованные умы, равно как понравилась и массам, которые нашли в ней объяснение своим

страданиям. Как раз в то самое время, когда в Риме распространяются мистерии персидского Митры, Плутарх излагает дуалистическую теорию весьма благосклонно и склоняется к тому, чтобы ее принять. И с того самого времени мы начинаем встречать в литературе термин “противобоги” (antitheoi): он означает тех демонов, которые, находясь под командою мрачной силы, воюют против небесных духов, посланников или “ангелов” высшего божества. Это дивасы Аримана против язатасов Ормузда. Одно замечательное место у Порфирия² показывает, что уже первые неоплатоники включили персидскую демонологию в свою систему. Ниже высшего божества, которое бесплотно и невидимо, ниже легких планет живут бесчисленные демоны; многие из них имеют свои особенные имена, — это боги наций и государств, — остаток образует анонимную массу. Они распадаются на два полярно противоположных класса. Одни духовно благодетельные; они посылают плодородие растениям и зверям, хорошую погоду природе, человеку — знание. Они служат посредниками между божествами и их служителями через то, что возносят хваления и молитвы на небо, а с неба приносят знамения и предсказания. Наоборот, другие суть злые духи: живут в пространствах, смежных с землею, и нет такого зла, которое они усомнились бы причинить. Деятельные насильники, коварные предатели, буйные и предусмотрительные вместе, они родоначальники всякого несчастья, постигающего землю: засух, голода, бурь, землетрясений, — все это их дела! Они зажигают в сердце человека нечестивые страсти и запретные желанья, они толкают людей к войнам и революциям. Вечные притворщики, они имеют склонность ко лжи и обману; они покровительствуют плутовству и мистификациям волшебников и устремляются к кровавым жертвам, которые приносят маги им всем, и в особенности их предводителю Ариману. Культ его до сих пор сохранился на Востоке у езидов³ или поклонников дьявола. И когда Федор из Мопсуестии⁴ в своем писании против магов говорит об Аримане, он называет его *Сатаною*. В самом деле, между этими двумя образами, на первый взгляд, замечается поразительное сходство. Оба они главы бесчисленного воинства демонов. Каждый из них дух заблуждения и лжи, мрака,

искуситель и погубитель. Это или двойники, либо одна и та же фигура» (Cumont⁵).

Дуализм выливается в определенные формы и принимает специальный характер в религиях семитического происхождения: иудаизме, христианстве, исламе. Зыбкий, многообразный, всепроницающий призрак Сатаны, под теми или другими именами, скользит тенью в глубине всех религий, даже самых первобытных, но личность Сатаны, со всеми свойственными ему ныне качествами и атрибутами, создалась творчеством по преимуществу иудейской и христианской религий, в особенности же второй из них.

В Моисеевом учении Сатана еще не занимает видного места. Это, по остроумному сравнению Артуро Графа, его отрочество или юность, далекие до совершеннолетия. В Книге Бытия змей является еще животным — только мудрейшим и хитрейшим из животных: в дьявола обратило его позднейшее толкование. На протяжении всего Ветхого Завета Вельзевул упоминается только в качестве божества идолопоклонников. При этом надо заметить, что евреи пришли к идее единого всебожества поздно, и в течение довольно долгого периода, измеряемого сотнями лет, их единобожие сводилось просто к предпочтению своего национального бога, синайского громовника Яхве, богам других наций, которых существования они, однако, не думали отрицать, а только почитали их менее могущественными и святыми. Синайский договор Яхве с народом израильским ревниво отстраняет его от этих богов, которые, однако, частенько врываются в его культуру даже в весьма поздние ее периоды. И были боги, существование и известную силу которых должна была признать даже ревность Яхве. Евреи слишком долго жили кочевниками в жгучих пустынях, чтобы не вынести из них мифа о царящем в них злом духе Азазеле, — быть может, отголоске египетского Сета. Пресловутый обычай выгонять в пустыню, в жертву этому Азазелю, «козла искупления», нагруженного грехами Израиля, общеизвестен. Он держался в иудаизме едва ли не до падения иудейской государственной самостоятельности и, умирая, соприкоснулся с христианским символом-антитезой агнца, приившего на себя грехи мира.

По общепринятому ранее мнению, свою демонологию, то есть идею, теорию и феномен дьявола, евреи вынесли из плена Вавилонского, воспитав ее в соприкосновениях с маздеизмом. В настоящее время, когда доказаны вавилонские первоисточники и первовлияния, давшие основу праву и мифу Пятикнижия Моисеева, было бы слишком смело считать еврейского дьявола столь молодым. Однако нельзя не заметить, что понятие и образ злого духа, отличного от добрых, определяется в библейском мифотворчестве не ранее пленения. В Книге Иова Сатана еще является среди ангелов неба и отнюдь не рекомендуется заклятым противником Бога и разрушителем его создания. Это только дух-скептик, дух-малова, будущий Мефистофель, близость которого к человеческому сомнению и протесту против фатума прельстит впоследствии так многих поэтов и философов. Власть его — еще по доверенности от божества и, следовательно, одного с ним характера: она только служебность, истекающая из высшей воли. В бедствиях Иова он не более как орудие. Ответственность за необходимость непостижимых и внезапных страданий праведника божество, собственными устами, принимает на себя в знаменитой главе, которая даже нашего резонера Ломоносова сделала поэтом. Дьявол Книги Иова — скептик, дурно думающий о человеке и завидующий ему пред лицом Высшей Святости, но в конце концов он только слуга по такого рода делам, к которым Высшая Святость не может, так сказать, непосредственно прикоснуться, ибо это унизило бы идею ее совершенства. Еще выразительнее выступает роль такого фактотума⁶ по злым делам в знаменитом эпизоде Книги Царств о духе, принявшем от Бога поручение обманом своим погубить царя Ахава. Этот дух даже не носит еще клички злого, темного дьявола и т. п. Он — ангел, как все, как тот страшный ангел, который в одну ночь совершает необходимые бесчеловечные бойни: избиение первенцев египетских, истребление Сеннахеримовых полчищ и прочее.

Но мало-помалу Сатана определяется и совершенствуется.

У Захарии он уже враг и обвинитель избранного народа, желающий лишить его божественного благоволения. В Книге Премудрости Соломоновой Сатана — разрушитель и развратитель божественного миростроительства, тот, кто из зависти

подстрекнул прародителей к греху и из зависти же ввел в мир смерть. Он — яд, портящий и позорящий творение Божие.

В апокрифической Книге Еноха, в особенности же в ее древнейшей части, впервые звучит идея близости дьявола с человеком, и вина его изображается как отступничество от божества в сторону человечества, измены небу для земли. Дьяволы Еноха — ангелы, павшие чрез любовь к дочерям человеческим и позволившие оковать себя путами материи и чувственности. Этот миф, как замечает Артуро Граф, носит в себе глубокую идею отсутствия в природе существ, по самому происхождению злобно-демонических; такие существа, то есть мысли и действия в образах, — плоды человеческой эволюции. Действительно, в другой, позднейшей части того же апокрифа демоны оказываются гигантами, рожденными женщинами в союзе с ангелами, изменившими Небу.

Таким образом, хотя Сатана и прокрался в книги Ветхого Завета и раввиническое предание немало сделало для его эволюции, монотеистическая тенденция не дала Сатане ни достаточно материала, ни достаточно логического (вернее, алогического) простора, чтобы вырасти в образ соперника Божия. Идея Яхве слишком ревнива, чтобы допустить такую подыдею, как Сатана: самостоятельно обособленное зло, достаточно могущественное, чтобы противостоять — хотя бы и с постоянными поражениями — зиждителю и вседержителю мира. Яхве — единое самостоятельное божество мира, объемлющее собою без разделения все добро и зло. Он сразу и белый бог, и черный, и мы знаем из Библии, что во втором своем качестве он ужасен, этот «бог, топчущий, как глину, своих врагов». Он ревнив, свиреп, неумолим и часто несправедлив, что неоднократно доказывали ему талмудические мудрецы, выигрывая против него этические процессы. Кары его редко пропорциональны размерам совершенных преступлений и почти всегда несут месть чудовищную, слепую, бестолковую, поражая без разбора виноватых и невинных, людей и животных, взрослых и детей. Этот бог опутал свой народ мелкою сетью таких подробных предписаний, что вся жизнь еврейства обратилась в непрерывный страх оступиться в грех и погубить тем не только себя, но, по круговой поручке, и семью свою, и потомство, и колено, иногда весь народ.

Люди, не желающие жить в религии страха, ему ненавистны; это язычники, с ними Израиль должен беспощадно воевать, истребляя мечом население покоренных городов. Двойственный характер Яхве выражен устами Исаяи: «От меня и свет, и тьма, и мир, и злоба: я Владыка, творящий все это». Таким образом, будущий Сатана заключен еще в самом Яхве как злая часть его характера, вредная сторона его власти. Те духи зла, которых знает Ветхий Завет, повторяем, не более как его слуги, чиновники по особым дурным поручениям, род небесных жандармов и палачей.

Собственно говоря, иудаизм в этом своем фазисе предпринимает ту же операцию — извлечь из божества, объемлющего в существе своем и добро, и зло, отдельное и специальное злое божество, враждебно настроенное к доброму началу, — какую египетская религия провела много раньше изобретением злого бога Сета. Египетский Сет свирепое божество, известное грекам под именем Тифона, не всегда был злым разрушителем. Культ Сета чрезвычайно древен; он поднимается до V династии — по крайней мере, уже в ее эпоху был в Мемфисе храм, посвященный Сету. В наиболее цветущий период империи фараонов это божество было в величайшем почете, настолько, что государи вставляли в свой титул прозвище «любимец Сета»... В то время Сет пользовался теми же почестями, которые воздавались божествам светлой и доброй категории, в особенности в эпоху XVIII и XIX династии, когда культ его достиг величайшего развития, и он стал едва ли не верховным божеством. В поэме Пентаура⁷ фараон Рамзес II уподобляется богу Сету в виде величайшей похвалы. На барельефах изображаются цари, получающие от Сета символы силы, жизни и мудрости в том же самом порядке, как получали они такие же дары от Гора и других солнечных божеств. Сверх того, Сет изображается научающим их стрельбе из лука. Но вот в эпоху XXII или XXV династии произошла резкая религиозная революция, которую Сет был свергнут, изгнан из общества богов, его изображения подверглись изуродованию, надписи в честь его были истреблены. И, таким образом, божество доброе, Господь неба и земли, как имели обыкновение называть Сета, стал божеством беспримерно злобным, олицетворением всего порочного и извращенного в мире нравственном и всего

вредного в природе, — одним словом, полной противоположностью добра и врагом света. Ненависть против Сета доходит до того, что из списков населенных местностей вычеркиваются города, ему посвященные. В солнечном мире Сет теперь рассматривается не только как злейший и неумолимый враг своего брата Озириса, его убийца и похититель его престола, но также как злая сила в системе двух противоположных мировых начал; всякое благо приписывается кроткому и светлому Озирису и всякий вред ставится на счет свирепого и темного Сета. Вместо прежних лестных эпитетов Сет обзывается в заклинаниях «аспидом, вредным пресмыкающимся, которого яд сожигает, разбойником, приходящим для того, чтобы украсть свет божества», и так далее... Красный цвет, посвященный Сету, потому что в одном из превращений своих он принимал вид красного гиппопотама, объявляется проклятым, и в знак войны со злым божеством египетские жрецы закалывают на жертвенниках своих богов животных красной шерсти, словно пленников из враждебной побежденной армии. Развивается миф о мести Гора за отца своего Озириса и победе его над Сетом. Страною Сета объявляется жгучая пустыня — так называемый Красный пояс, обнимающий собою гористую часть Восточного Египта до берегов Красного моря, и в особенности часть пустыни, расположенная к югу Нижнего Египта, включая сюда и Синайский полуостров. Здесь вотчина и территория Сета, и в силу этого местности эти почитаются несчастными и отверженными. Таким образом, не перестав быть солнечным богом, Сет стал представлять собою, так сказать, отрицательное солнце: сосредоточил в себе злые и губительные стороны беспощадного африканского зноя, которые логика новой развивающейся морали не позволила более приписывать абсолютному Солнце-добру, Озирису и Гору.

По всей вероятности, отголоски древнего представления о Сете надо видеть в отношении кочующих цыган к их демоническому божеству, носящему имя Девель (дьявол). Это великий бог неба (Dewa, Deus). Но он скорее внушает страх, чем любовь, этим вечно живущим на воздухе, гонимым людям, так как своим громом и молнией, снегом и дождем затрудняет их странствия, а ночные светила его мешают их темным деяниям. Поэтому они жестоко клянут его, если их постигает

какое-нибудь несчастье, а в случае смерти ребенка говорят, что Девель съел его (Тейлор⁸).

Потребность очистить идею божества от злого элемента растет в еврействе вместе с культурой и приводит иудаизм на ступень христианства, в котором Бог безусловно благ, а зло в мире является отрицательной силой. Является идея Сатаны как черного под-Бога, анти-Бога, захватившего во власть свою чувственный мир и испортившего его настолько глубоко, что для спасения человечества становится необходимой со стороны всемогущего Бога великая жертва: Сын Божий должен предать себя в добычу той самой смерти, которую хитрость Сатаны ввела в мир. Громадный период человеческой истории проходит в христианских понятиях под такую безусловной и невозмутимой властью Сатаны, что от нее не могут избавить человека ни вера в Бога, ни добродетельная жизнь: все ветхозаветные святители очутились по смерти в аду, вместе с лютыми грешниками. Словом, с лишком пять тысяч лет церковного счета Сатане было не о чем беспокоиться: тяжелые дни наступили для этого вассала, привыкшего быть королем, только с приближением Искупителя. Идея Сатаны к моменту этому была уже настолько могущественна в иудейском мире, что Евангелие выводит Сатану дерзнувшим на, казалось бы, по существу своему бессмысленную попытку искусить самого Искупителя, а апостол Христов изображает дьявола львом рыкающим, ищущим, кого поглотити.

Акт Искупления свершился, но мир его не ощутил или ощутил столь частично, что за Сатаню, потерявшим из ада великое множество спасенных Христом мертвых, остались неисчислимы миллионы живых в настоящем и будущем, причем последнее оставлено бессрочным. Течение веков после Искупления не явило себя в человеческих глазах практически различным от течения веков до Искупления. Последнее, таким образом, принимает в воображении верующих вид как бы счастливого перерыва между двумя долгими пытками. «Христос разбил врата адовы, проник в царство мрака, вывел населявших бездну; но вслед за тем врата снова укрепляются, мрак сгущается, и бездна вновь заселяется». И никогда на земле не было столько речи о Сатане и не боялись его столько, как в искупленном христианском человечестве, после победы

Христа над вечным врагом. Напрасно апостол Павел уверял свою паству, что победа эта совершенная и окончательная и что царь смерти уничтожен смертью Христа. Зрелище настоящего было против него, и христиане, веря в решительность победы Христа над Сатаной, предпочитали, однако, относить ее, вслед за Апокалипсисом Иоанна, на конец мира. В текущей же жизни, среди разлагающейся языческой культуры, они чувствовали Сатану и трепетали пред ним более чем когда-либо. Отпечаток извечного зла, зримый каждому хоть сколько-нибудь философскому уму, не мог быть стерт одним прикосновением религиозной доктрины. На Сатану было взвалено так много ответственности, что убрать из мира столь деятельную и творческую силу оказалось весьма нелегко: она густо обволокла землю своими следами, и «нежный, душистый цветок учения Христова едва пробивался сквозь эти слои» (А. Граф). Не творением ли Сатаны был пестрый политеизм, который очаровывал и соблазнял души? Юпитер, Минерва, Венера, Марс и все боги Олимпа не были ли его воплощением или, по крайней мере, служителями его воли, исполнителями его планов? Жизнерадостная, роскошная культура язычества, процветание искусств, отважная философия, власть богатства и честолюбия, идеалы любви и праздности, беспредельный разврат — не его ли все это обманы, не способы ли и орудия его владычества? Римская империя — не царство ли Сатаны? О, конечно. Это Сатану обожают в храмах, это его славословят на публичных празднествах, это Сатана сидит на троне цезарей и триумфатором восходит на Капитолий. Во всяком проявлении практической жизни, вокруг шумевшей, христианин видел отражение вечного врага Христова, который после своего поражения как будто еще больше обозлился, осмелел и усилился. Ядовитые Гидры и многообразней Протея полз он из каждой щели житейской, наполняя ужасом и унынием христианские души. Тертуллиан⁹ и другие советуют и внушают прекратить всякое общение с язычниками, отказаться от их игрищ и празднеств, от профессий, так или иначе соприкасающихся с идольским культом. Ну а тогда — жить-то как же? И если умудришься, как быть уверенным на этой земле и в этом воздухе, пропитанных нечестием и грехом, что сохранишь чистыми мысль свою и сердце?

Но Сатане мало соблазнов и казней, так сказать, оборонительных. Он переходит в наступление, со всех сторон осаждает вновь основанную Церковь, день и ночь таранит он ее стены и успешно пробивает их, то стараясь утопить Христову веру в крови воздвигаемых гонений, то увлекая бесчисленное множество агнцев паствы Христовой в пагубные ереси. Наглядность столь очевидно царящего зла все более и более смущает веру в победу Христову как факт, уже бывший, и обостряет надежды на второе пришествие, которого ждут скоро, и вдохновенные ясновидцы, вроде автора Апокалипсиса, упования эти подогревают своими обещаниями.

Но второе пришествие не спешит, и извечное зло стоит, как было, и даже растет. Тогда в христианстве начинается реакция в сторону дуализма. Возникают еретические секты, которые проповедуют дуалистическое христианство, мало чем отличающееся от персидского язычества. В теориях гностиков Сатана вырастает значением, это уже не порочный и падший узурпатор, подхвативший отпавшие от божества средства и свойства зла, а создатель вещественного мира, самостоятельное и независимое злое начало, современное добру и находящееся с ним в борьбе. Это возвеличение Сатаны влияет на теорию Искупления. И если Климент Александрийский¹⁰ (ум. 217) и Ориген¹¹ (ум. 253) еще утверждали, что вся тварь, не только люди, но и сам дьявол, рано или поздно возвратятся к Богу, то бл. Августин¹² (354—430) уже полагает, что Бог спасет лишь немногих избранных, большая же часть рода человеческого достанется в добычу дьяволу.

В столкновении противоположных доктрин и влияний, во взаимообмене философских мирозерцаний, в особенности в соприкосновениях неоплатонизма с каббалою, в блестящей фантастике ересей и борении их с еще колеблющимся ортодоксальным догматом, в наплывах из чудовищного языческого синкретизма последних лет римского язычества сложилась почти не поддающаяся определению смесь нелепых верований и безумных культов, из хаоса которых, конечно, не один элемент вошел в состав все растущего и крепнущего образа Сатаны. И когда наконец Церковь, восторжествовав и над язычеством, и над собственными внутренними бурями, вознесла над миром и властно утвердила свой догмат, то одинако-

во был готов уже и новый христианский Сатана с новой, паче прежнего страшною властью.

Христиане считали языческий мир созданием Сатаны. История скажет: напротив, Сатану воображение христиан создало по языческому миру. Без нравов Римской империи Сатана был бы очень отличен от того, каким он явился в Средние века. Весь разврат, все гнусное и дьявольское, чем облепилось в упадке своем величие языческой культуры, объединяется и сгущается в идее Сатаны; он делается естественною приманкою для всего бесконечного разнообразия слов, дел, помышлений, обычаев, всего ведения и неведения, которые христианская совесть классифицирует под именем «греха». Боги, потеряв свои храмы и алтари, не умерли, не исчезли, но превратились в бесов, причем некоторые из них потеряли свою красоту, но дурные свои качества сохранили в преувеличенных размерах. Юпитер, Юнона, Диана, Аполлон, Меркурий, Нептун, Вулкан, Цербер, фавны и сатиры, пережив свои культы, переселились в христианский ад и окружились тучею страшных легенд, помрачивших светлые легенды их в едва узнаваемые искажения. Известно, что христианская Церковь не решилась сразу сделать то, что в известное время своей религиозной истории сделали евреи: резко и категорически отвергнуть существование языческих богов. Христианская Церковь не отрицала существования божеств — пусть языческих, но все-таки божеств, — а только настаивала на их ложности и злобности. Такое рассуждение обратило их в демонов. Это самый излюбленный пункт апологетов и Отцов первобытной Церкви, на котором они настаивают с особенно пылким жаром. Отзвуки и отблески языческого мифа находятся во многих описаниях христианского ада, начиная от первых веков Церкви и вплоть до времен, когда все эти представления объединил своим поэтическим синтезом Данте. Тартар, Фигетон и другие адские реки, Стигийское болото, Харон, Цербер упоминаются беспрестанно. Ад, описанный в «Романе Розы»¹³, считает в числе своих обитателей Иксиона, Тантала, Сизифа, Данаид, Тиция; Алан Лилльский¹⁴ называет хозяйками адских рек классических фурий. Что касается Данте, то он смешал языческий миф вместе с новыми повериями христианства и произвел этим как бы путаницу двух враждебных элемен-

тов, за которую его неоднократно упрекали. С одной стороны, у него Сатана, Вельзевул, Люцифер; с другой — Харон, Минос, Цербер, Медуза, Минотавр и прочие. В этой смеси хотели видеть влияние на Данте первых лучей гуманизма. Артуро Граф в своей статье о «Дантовской демонологии» хорошо показал, что это зависело совсем не от новой литературной моды, а, напротив, от накопления народных преданий и легенд, сохранивших в течение тысячелетия память старых божеств почти не поколебленной и не поблекшей, хотя и с изменениями цветов белых в черные. Так что, может быть, именно тут-то Данте и явил себя верным собирательным фокусом народной фантастики. Боги померкли, но не померли, они здесь и готовы захватить в старую власть свою каждого неосторожного. Диана бродит полуденным бесом, а в глубокую полночь мчится в воздушном полете под звездным небом, сопровождаемая ватагами ведьм, которым она передала свою волшебную науку. Венера, богиня любовной страсти, сохранив и в чертовках всю свою прелесть и очарование, по-прежнему распаляет людей неугасимой влюбленностью, отнимает новобрачных мужей у жен, увлекает в подземный чертог средневекового Адониса — рыцаря Тангейзера¹⁵, что так прекрасно рассказано Генрихом Гейне и еще в тысячу раз прекраснее музыкою Рихарда Вагнера. Даже на папском престоле мы увидим новых язычников, знающих, что старые боги живы в новом дьявольском виде. Папа Иоанн XII провозглашает тосты за здоровье дьявола, и он же, играя в кости, призывает в помощь Юпитера, Венеру и других демонов.

К эпохе торжества Церкви слагается и подробная биография Сатаны. Ее написали те же Отцы, которым Церковь обязана своим торжеством. Сатана был создан добрым, но сделался злым; пал по собственному греху, увлекая за собой бесчисленное множество своих последователей. Позднее утверждали, что за бунт этот десятая часть небесного воинства (совсем как при подобных же обстоятельствах в римской армии) была низвергнута на землю и поглощена бездною. Еще позже появилась легенда об ангелах, сохранивших нейтралитет. Острова, заселенные такими ловкими двуручниками, видел в своих полных приключений паломничествах св. Брандан¹⁶. Вольфрам фон Эшенбах¹⁷ (ум. ок. 1220) заставил их

в своем «Парсифале» быть первыми хранителями св. Грааля. Данте поместил их в преддверии Ада с презренными трусами, в которых никогда не говорило живое сердце. Это всецело средневековое изобретение. В Библии о таких нейтральных ангелах нет ни единого слова.

Тем временем эволюцию Сатаны берут в свои руки аскеты. Бежав от мира, они думали уйти и от дьявола, но в пустыне встретили его еще более сильным и могучим, и история их святости становится в то же время историей неведомых до той поры дьявольских хитростей, насилий, жестоких обманов и распутных бесчинств. В позднейших веках Церковь вынуждена была или вовсе упразднить, или смягчить новую редакцией многие жития святых, служащие более к соблазну верующих, нежели к наставлению. Такую чистку «Пролога» произвел в России, как известно, св. Димитрий Ростовский¹⁸ (в конце XVII века).

Но вот в расшатанный античный мир врывается буря переселения народов. Римская империя рушится, языческая культура угасает, а заря новой преемственной культуры еще не занялась. Над обломками язычества воцаряется мрак безнадежного варварства. Многим кажется, что пришел конец на земле правлению человеческому, наступает правление диких зверей. Неизреченные бедствия, зрелища новых зол, бесчисленных, неизмеримых, вполне последовательно придали новые рельефы и краски образу того, кто есть начало и виновник всякого зла. Сатана взял на себя не только злодеяния варваров, но и многие их верования, притягивая к себе все то — а этого было немало, — что было в их религии соответственного и сродного его существу. Если в греко-римском мире этот персо-иудей эллинизировался и романизировался, то общение с северными варварами его германизировало. Множество образов германской мифологии — бог Локи, волк Фенрир, эльфы, сильфы, гномы — присосалось к образу Сатаны и придало ему новые формы, характер и поступки.

Так строится и формируется Сатана то в быстром, то в медленном нарастании последовательных международных наслоений и просачиваний, в непрерывно изменяющихся фазах сложной и долгой эволюции. Простая стихийная сила в первом начале своем, он приобретает мало-помалу сложнейший

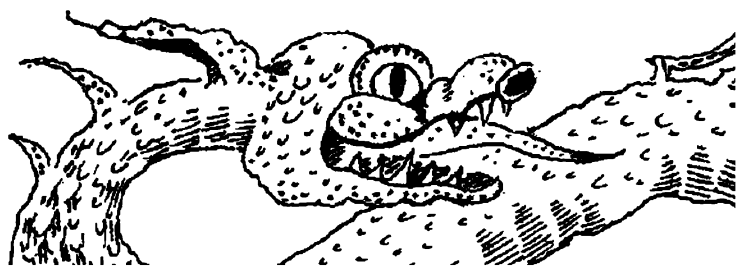

моральный характер, анализируя историческую сущность которого, приходишь в изумление от громадности, разнообразия и многочисленности составляющих его элементов. Не только силы природы и боги различных мифологий, но даже люди входят в состав Сатаны.

Средние века — эпоха зрелости Сатаны. Он сын печали, тайны, тени, греха и страдания, и, конечно, дозреть в могущественную величину он мог только в религии ужаса, которую хотел быть и был католицизм XIII века, отрицатель жизнерадостности, прямого взгляда на вещи, света, веселости и наслаждения. Мечты и бреды смущают в это время умы. Отшельник, проведя многие часы в молитве на коленях, выходит, еще в экстазе, из кельи и видит: в воздухе несутся ужасные полчища дьяволов в образе апокалипсических чудовищ. Они освещаются пламенными знаменами небесными, светила меняют свой вид и обливаются кровью, что служит печальными предвестиями грядущих бедствий. Во время эпидемий, косивших людей как траву, в воздухе видят стрелы и дротики, бросаемые незримыми руками, со свистом поражающие жертву и затем исчезающие. И то и дело проходит по перепуганному миру грозное предчувствие близкого конца света, проносятся слухи, что Антихрист уже родился и не сегодня-завтра наступит страшная катастрофа, предреченная в Апокалипсисе.

Сатана растет в унылой тени огромных соборов, за массивными колоннами, за решетками хора; растет в тиши монастырей, оцепенелых в созерцании смерти; в зубчатом замке, где тайные угрызения совести гложут душу сурового барона; в тайной лаборатории, где алхимик делает опыты превращения металлов; в глухом лесу, где колдун творит свои волшебные заклинания. Сатана, в условиях этого века, становится всемогущим и вездесущим. Множество людей постоянно видит его, беседует с ним, вступает в переговоры и договоры.

И тут опять Церковь помогла внедрению мифа в народ, направив свою запугивающую политику к тому, чтобы то, чего люди не хотели сделать из любви к Богу или по духу послушания, они делали бы хоть из страха к дьяволу. Католицизм обратил Сатану в своеобразную систему народного воспитания «от обратного»: если не с нами, то, значит, с Сатаной, а что такое Сатана — вот, любуйся. Сатану пишут и ваяют

во всевозможных ужасных видах. Пугалом Сатаны страшат каждую фразу в устах проповедника, каждое увещание в устах духовника. Сатана стал героем бесчисленных дидактических легенд и притч, отвечающих решительно на каждый случай, на каждую мысль житейского обихода. Даже в общей политике Средних веков дьявол играл очень важную роль. Что же касается политики чисто церковной, то в ее области он сослужил гораздо большую службу, чем инквизиция и костры, которыми его впоследствии изгоняли. Уже в 811 году Карл Великий в одном из своих капитуляриев обвинил священнослужителей, что они злонамеренно запугивают прихожан дьяволом и адом с целью выжимать этим обманом деньги и захватывать имущество суеверных простаков.

Насколько велик был страх пред Сатаной, настолько же велика была и ненависть к нему как к источнику всякого зла и противнику всякого блага. Чем более был любим Христос, тем более должен был быть ненавистен его заклятый враг. Но и в этом случае страх и ненависть породили свои обычные результаты, доводя суждение о Сатане и образы его до таких крайностей отвратительного, что чувство меры воспротивилось им даже в народных недрах, создавших пословицу: «Не так страшен черт, как его малюют».

Глава вторая

Физиология дьявола

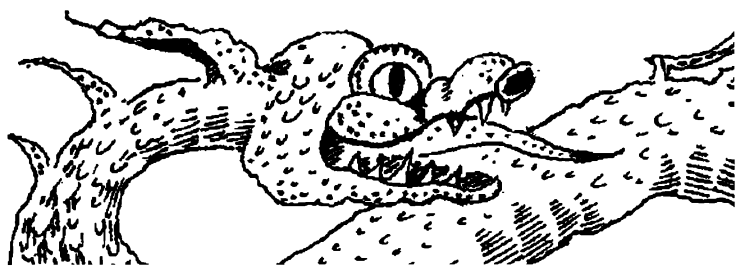
Только с величайшим трудом удастся человеку, если вообще удастся, составить себе понятие о какой-либо бесплотной субстанции. Обыкновенно бесплотность понимается как наименьшая плотность: такое разрежение вещества, что последнее становится подобным воздуху или огню либо даже и их тоньше. В первом представлении, разделяемом едва ли не всеми народами земли, душа есть дыхание или легкий пар. Боги всех мифологий — более или менее, но всегда — телесны. Греческие боги питаются амброзией и нектаром, имеют тело, физиологически чувствительное как к удовольствию, так и к страданию. Когда они вмешиваются в битвы смертных, то не только сами

наносят, но также и получают болезненные, заставляющие их плакать и выть ушибы и раны. Общеизвестны эпизоды «Илиады», как Диомед, сын Тидея, ранил в битве сначала Афродиту, спасавшую своего сына Энея, а потом самого Ареса, бога войны.

Естественным результатом этих взглядов явилась пневматическая доктрина, приписывающая обладание некоторым телом как ангелам, так и демонам. При этом некоторые добавляют, что тело демонов плотнее и тяжелее ангельского, став таким после падения с небес, в силу приспособления к земной атмосфере. Зато, сравнительно с телом человеческим, тело демона едва плотно. Однако демон достаточно материален, чтобы иметь вес и тяжестью своей выдавливать следы на сыпучих веществах. Довольно распространен обычай сыпать золу на пол, чтобы видеть следы демонов. Способ древний, известный еще из легенды о Бэле и Драконе¹⁹, где следы ног на золе, которою был посыпан пол, выдают плута-жреца, приходившего через потаенную дверь поесть яства, которые ставили пред изображением Бэла. В середине XIX века в одном из английских городов распространился рассказ о бесе, прогуливавшемся по стенам домов и потолкам и оставлявшем на снегу отпечатки своих дьявольских, вывернутых назад ног (Тейлор).

Во втором веке Татиан²⁰ считал плотность демонов равною воздуху (также Исидор Севильский²¹ в VII веке) или огню, а св. Василий Великий²² полагал, что они еще тоньше и легче. Наоборот, Данте наградил Люцифера, мерзнувшего во льдах Коцита, телом настолько крепким и грубым, что поэт и вожатый его Вергилий взбираются по нему, как по скале.

Наличность тела обуславливает наличие физиологических потребностей и отправления. Будучи телесными, демоны должны питаться. Ориген, Тертуллиан, Афинагор²³, Минуций Феликс²⁴, Фирмик Матерн²⁵, св. Иоанн Златоуст²⁶ утверждают, что любимая пища демонов — пар и дым приносимых язычниками жертв. Некоторые раввины добавляют к этому кровь, на которую дьявол бросается всюду, где только может ее достать. А немецкая пословица уверяет, что голодный черт и мух жрет. Чувство вкуса дьяволу, по-видимому, чуждо. В русских и немецких сказках его вечно надувают, подсовывая ему вместо ореха пулю, вместо сыра — камень, и глупый

черт всю эту дрянь добросовестно жует, только удивляется, что люди находят в ней хорошего. Индусские демоны Буты представляются народному воображению какими-то кишечными паразитами, живущими за счет человеческого тела. Получив возможность войти в человека, Бута помещается в нижней части брюха и питается там всеми нечистыми выделениями. В продолжение своего пребывания там он, расстраивая у человека пищеварение и обращение соков, является причиной всяких припадков, параличей, временных умопомешательств, взрывов бешенства, судорог и ревматических болей. Все это вполне согласуется с поверьями, относящимися к одержимости, весьма распространенными у евреев и древних христиан. Первые, например, были уверены, что нечистые духи, вследствие своего малого объема, вдыхаются вместе с воздухом и незаметно пробравшись в тело и действуя на внутренности, причиняют вред здоровью и заставляют свою жертву выполнять их злые желания. Главным местонахождением их в теле считались наиболее жирные его части; сверх того, раввины полагали, что на земле в каждом отхожем месте обязательно живет какой-нибудь злой дух. Христианские поверья Средних веков подтвердили это поверье легендами, в которых иные подвижники подвергались атакам беса именно в этих неприятных помещениях.

— Теперь ты мой, потому что совершаешь смертный грех! — сказал один такой дьявол священнику, который читал требник во время отправления естественной надобности.

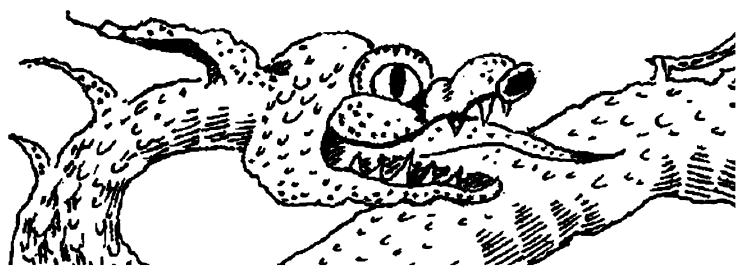
Но находчивый патер отвечал:

— Молитва моя возносится ввысь и, следовательно, принадлежит Богу. Ну а то, что падает вниз, — пожалуй, так и быть, можешь взять себе.

Как бы особенною разновидностью дьявола, среднею между демоном и «злым мертвецом», надо указать чертей-людоедов и трупоедов. Это страшные гулы индусских и арабских сказок. Перелетев с Востока, они под разными именами расселились по Европе и хорошо знакомы романско-германскому и славянскому фольклору. Но в европейских поверьях «людоед», «великан», «огр» обыкновенно только демоническое существо, вассал дьявола, а не сам дьявол. Чистокровный, так сказать, гул является в русской сказке о дьяволе на вечернице (№ 206

у Афанасьева²⁷⁾ 28. Бес является в виде бравого парня на вечерницу и ухаживает за красавицей Марусей. Желая узнать, кто этот неведомый обожатель и где он живет, Маруся запаслась клубком ниток и, когда стала прощаться с гостем, тихонько «накинула петельку на пуговицу, пошел он своею дорогою, а она стоит да клубок распускает; весь распустила и побежала узнавать, где живет ее названный жених. Сначала нитка по дороге шла, после потянулась через заборы, через канавы и вывела Марусю прямо к церкви, к главным дверям. Маруся попробовала — двери заперты; пошла кругом церкви, отыскала лестницу, подставила к окну и полезла посмотреть, что там делается. Влезла, глянула — а названный жених стоит у гроба да упокойника ест; в церкви тогда ночевало мертвое тело». Бес догадался, что Маруся его выследила, и стал требовать, чтобы она в том призналась. Маруся отрекается, а нечистый за это последовательно убивает ее отца, мать и, наконец, ее самое... Но смерть Маруси только очарованный сон. Душа ее живет в прекрасном цветке, растущем на ее могиле. Один боярский сын пленился цветком, вырыл его с корнем и посадил в горшок: «Пусть у нас цветет!» Однажды боярский сын застал, как Маруся из цветка превращается в прекрасную девушку, — и они поженились и прижили сына. Вот однажды «они и поехали в церковь; муж входит — ничего не видит, а она глянула — сидит на окне нечистый: “А, так ты вот она! Вспомни-ка старое: была ты ночью у церкви?” — “Нет!” — “А видела, что я там делал?” — “Нет!” — “Ну, завтра у тебя и муж, и сын помрут!” Маруся прямо из церкви бросилась к старой бабушке. Та ей дала в одном пузырьке святой воды, а в другом — живущей и сказала, как и что делать. На другой день померли у Маруси и муж, и сын; а нечистый прилетел и спрашивает: “Скажи, была у церкви?” — “Была”. — “А видела, что я делал?” — “Мертвого жрал!” Сказала, да плеснет на него святой водою — он так прахом и рассыпался».

О пищеварении беса известно больше по трагикомическим случаям, обнаружившим в разных трудных для него столкновениях, что дьявол — существо весьма нервное и с перепуга слабое на желудок. Великое множество знаменитых виноградарников Западной Европы приписывают свое происхождение тому обстоятельству, что, мол, черт над сим местом встре-

тился с небесным воинством и с перепуга впал в «медвежью болезнь». Великолепно записана и рассказана нормандская легенда о подобном сражении у Ги де Мопассана²⁹. Аналогичные сказания имеются и у нас в эпосе, как великорусском, так и малорусском. Гриммы, наш Афанасьев и вообще мифологи стихийной школы обратили на сказки о разных проявлениях дурного пищеварения у черта, быть может, даже уж слишком много серьезного внимания, пристегивая их к пережиткам мифов о боге-громовнике.

Обмен веществ изнашивает материю. Все телесное должно стареть. В народных поверьях старость знает и дьявол. «Когда черт стареет, то он идет в монахи». В раввиническом предании черти не только стареют, но и умирают. Русский сказочный черт вполне человеческое существо: он охотно ест и пьет все, что люди, стареет, болеет, умирает, бывает ранен и убит и даже по смерти разлагается.

О болезнях черта много рассказали под пыткой ведьмы в колдовских процессах: когда он болел, они должны были ходить за ним в качестве сиделок.

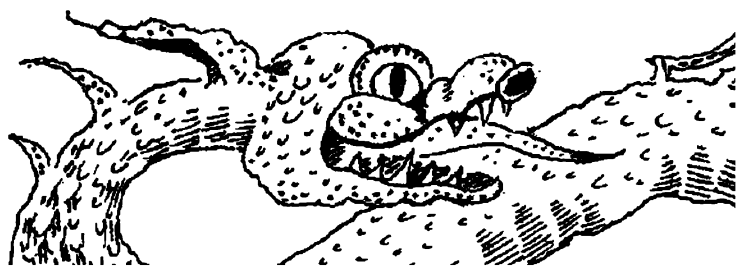
Некоторые Отцы Церкви, в том числе св. Григорий Великий³⁰, почитали дьявола совершенно бесплотным, но мнение их не нравилось народу. Св. Фома Аквинат³¹, изложив голоса за и против, вывел заключение, что вопрос о телесности или бестелесности дьявола для веры не важен. Народная фантазия не согласилась с этим и продолжала воображать черта телесным в полном смысле этого слова.

Тело дьявола предполагается человекоподобным, однако нетождественно человеческому. В результате своего падения Сатана, «создание великой красоты», по словам Данте, огрубел и уплотнился телом, а прелесть лица его превратилась в позорное безобразие. Та же судьба постигла его сообщников. Дьяволы стали чудовищами, в которых человеческое смешано со звериным, и часто второе берет верх над первым. Если бы дьяволы подлежали зоологической классификации, то могли бы составить отдельную семью антропоидов (Артуро Граф). Наш Костомаров³² в своем послесловии к «Повести о Соломонии Бесноватой» хорошо говорит, что русские бесы, столь ярко обрисованные в этом любопытном памятнике демонологии, — «какие-то земноводные люди, подверженные, как и мы, усло-

виям материальной жизни: они едят, пьют, имеют половое общение, рождаются и умирают; они безобразны и по наружности скорее похожи на зверей, чем на людей; они как люди мыслят и говорят, имеют общественные связи, ибо сознают между собою братство, имеют религию и поклоняются божеству, называемому Сатаню; отличаются от людей тем, что могут принимать различные образы, способность, которой, однако, не лишены безусловно, по народному верованию, и люди — если они колдуны; бесы, кроме того, что они звери по наружности и люди по жизни, еще все как бы колдуны, то есть все, по природе своей, способны на то, что доступно между людьми только некоторым, обладающим таинственной наукою». В главе об инкубах мы встретимся с любопытными галлюцинациями одной дамы, которая определяла демонов, на нее нападавших, удачным именем «человекоживотных» (*homanimaux*).

«Бесов вообще рисуют безобразных» (Лермонтов)³³. Вообразить Сатану отвратительным требовали ненависть и страх к нему, которые внушала и которых требовала Церковь. Авторы житий, сказочники, поэты, художники и скульпторы усердно тратили вдохновение и силы на изображение Сатаны в самом гнусном виде и иногда преуспевали в нем настолько, что сам дьявол выходил из терпения, находя, что это уж слишком. За подобный пасквильный портрет он даже столкнулся одного художника с лесов, на которых тот работал, но, к счастью мастера, Мадонна, которую он незадолго пред тем написал совершеннейшею красавицей, протянула руку с картины и удержала его в воздухе.

Знаменитый художник XIV века Спинелло из Ареццо³⁴ (1308—1400), человек крупного дарования и чрезвычайно живой фантазии, писал для церкви San Agnolo в Ареццо картину, изображавшую падение ангелов, причем придал Люциферу такой ужасный вид, что сам не выдержал созданного им зрелища. Старику всюду начал представляться дьявол, упрекающий Спинелло за безобразие, в котором художник его вообразил. Постоянная галлюцинация эта так подействовала на Спинелло, что он заболел и вскоре умер. Бриер де Буамон³⁵ прибавляет, что бедный Спинелло пробовал искупить свою вину пред взыскательным бесом, придав ему, — первый из художников, — более человеческий образ, но, должно быть,

опоздал с этим своим покаянием, потому что бесы не давали ему покою и замучили-таки бедного галлюцината до смерти.

Вообще дьявол довольно-таки ревнив к репутации своей наружности. Гоголевский кузнец Вакула преследуется ведь чертом, подобно художнику Спинелло, отчасти и за то, что нарисовал дьявола в аду в таком мерзком виде, что бабы им стали детей пугать: «Ось, бачь, яка кака намалевана!»

Человекоподобность дьявола признавали все визионеры, удостоившиеся его лицезреть, но о точной его наружности, даже о росте, не только каждый из них, но часто один и тот же говорит разное. Св. Антоний³⁶ видел его однажды черным гигантом, который головою касался облаков, другой раз — в виде голого негртенка. Манихеи, еретики второй половины III века, приписывали Князю тьмы гигантские размеры. Анахореты пустыни Фиваидской видели беса обыкновенно в виде эфиопа, что естественно для белых людей, поселившихся среди чернокожих. Но в Средние века эфиоп этот перекочевал из Африки в Европу, и таковым видел беса даже св. Фома Аквинат. В русской церковной литературе, а в особенности в старообрядческой, «эфиоп» и «мурин» играют весьма важную роль — настолько, что оба имени, потеряв свое этническое значение, стали нарицательными кличками дьявола, обратились из эпитетов в синонимы предмета.

Эфиопы, видом черные,
И — как углие, глаза

грезятся Власу³⁷ Некрасова в адских видениях его горячечного бреда.

Черный цвет дьявола естественно приличен ему как Князю тьмы. исполинский рост он получил по наследству от языческих и библейских гигантов, воплощений злой, антикультурной силы, враждебной идеям божества и религиозной цивилизации. Титанов греческой мифологии Данте нашел нужным перенести на мучение и в свой христианский ад, хотя последнему, казалось бы, совершенно бесполезна расправа с врагами Христом низверженного Зевса. Злая воля в средневековом эпосе всегда воплощается в великане, и великан этот — либо сам черт, либо сын черта. Дантов Люцифер — гигант, горе подобный.

В «Видении Тнугдала»³⁸ (XII век) Князь демонов, осужденный вечно жариться на раскаленной решетке, имеет, подобно Бриарею³⁹, сто рук. Таким же сторуким и стоногим видела Сатану в XIV веке св. Бригитта⁴⁰. Иногда, впрочем, воображают дьявола карликом, в чем А. Граф видит влияние германской мифологии.

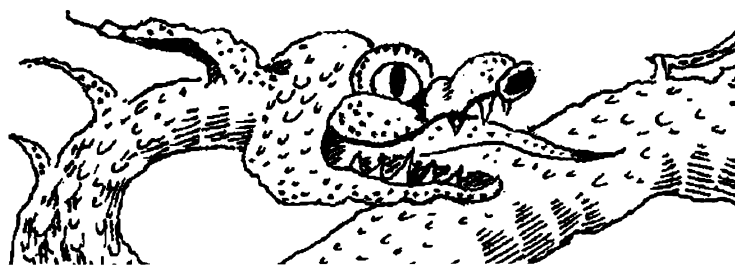
Данте дал Люциферу три лица, подражая подобным же средневековым изображениям в виде человека с тремя лицами Троицы небесной: как обезьяна божества и вечный контраст его, Сатана должен был, конечно, изобрести свою собственную дьявольскую черную троицу, пародируя ипостаси и отражая благодать их в карикатуру. Люцифер с тремя лицами изображался много раз в скульптуре, в живописи на стекле, в миниатюрах на манускриптах, с головою, то украшенной венцом, то обезображенной рогами, а в руках — скипетр, иногда меч, а то и два меча. Такое тринитарное изображение Сатаны гораздо старше и Данте, и Джотто, который дал ему место в одной своей фреске: Сатану писали так уже в XI веке. Более того, еще в апокрифическом евангелии от Никодима, памятнике VI века, упоминается «трехглавый» Вельзевул.

По мере того как в народах рос внутренний страх к дьяволу, все страшнее воображалась и его наружность. Понятно, что результаты воображения варьировались — сообразно верованиям той или другой местности и субъективно-художественному темпераменту воображавшего. Самый обычный и частый образ Сатаны — высокий изможденный человек, с лицом черным, как сажа, или мертвенно-бледным, необыкновенно худой, с горящими глазами навыкате, всею мрачною фигурою своею внушающий ужасное впечатление призрака. Таким не раз описывает его в XII веке цистерцианский монах Цезарий из Гейстербаха⁴¹, таким же и в веке XIX вывел его Гофман в гениальном своем романе «Чертов эликсир».

Другой вид его, бесконечно воспроизведенный искусствами, — это черный ангел.

Вот так являюсь я певцам,
И живописцам наипаче, —

рекомендуется черный ангел-Сатана в «Дон Жуане» гр. А.К. Толстого⁴². Этот художественный тип Сатаны варьируется с беско-

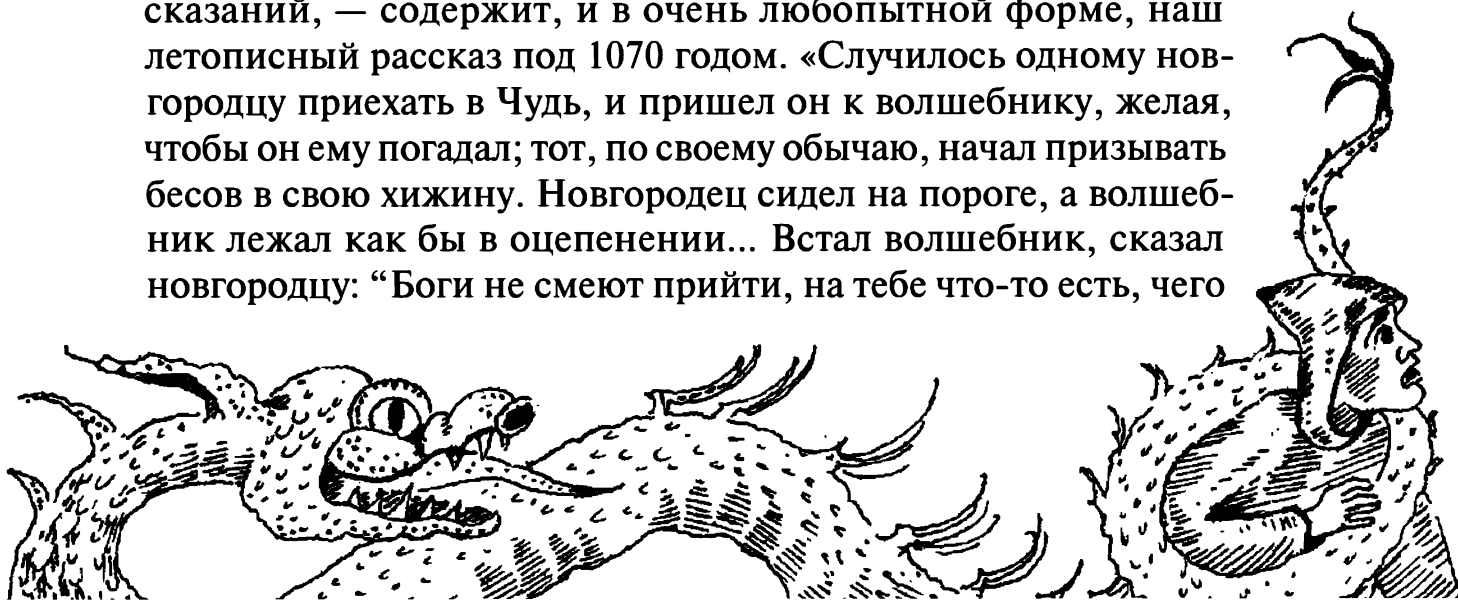

нечную растяжимостью, начиная с того сверхъестественного безобразия, в котором нашел Данте в восьмом кругу «Ада» беса, мучителя корыстолюбцев:

Я увидал, как некий дьявол черный
 Вверх по крутой тропе бежит на нас.
 О, что за облик он имел злоторный!
 И до чего казался мне жесток,
 Раскинув крылья и в ступнях проворный!
 Он грешника накинул, как мешок,
 На острое плечо и мчал на скалы,
 Держа его за сухожилья ног⁴³.

Лицо у такого черного ангела обгорелое и безобразное, тело сухое и волосатое, крылья — как у летучей мыши, на голове рога — и хорошо, если только пара, а то и больше, нос крючком, длинные острые уши. Для совершенной красоты усердствующие придавали бесу еще свиные клыки, когти на руках и ногах, хвост с змеиным жалом или стрелой на конце. Страшные морды, подобные фантастическим маскам на фонтанах, разевали пасти на коленях, локтях, груди, брюхе и, в особенности, на заду; половой орган принимал громадные размеры и безобразно изощренные формы, напоминая бесстыдные карикатуры античного художества. Ноги иногда козлиные, на память о сатирах языческой древности, либо одна человеческая, другая лошадиная; ступни то вооружены ястребиными когтями, то как гусиные лапы. Этот европейский черт с рогами и с хвостом получил распространение гораздо более широкое, чем даже, казалось бы, позволяло непосредственное европейское влияние. Так, в некоторых первобытных племенах, при первом с ними знакомстве, европейцы, к удивлению своему, открывали злого духа, живущего в подземных странах и причиняющего все бедствия, от которых страдают люди, в виде хорошо знакомого им на собственной родине рогатого и хвостатого существа, хотя между туземными животными не встречалось ни одного рогатого (Тейлор — о духе Варругура). Очевидно, черт зашел сюда издалека и понравился населению по слухам. Вообще понятия о дьяволе появились у многих диких народов только с прибытием европейцев и началом

христианского миссионерства. Если последнее не обращало эти дикие племена в христианство, то своими отголосками, молвою и перетолками своих заповедей создало, в смешении с местным первобытным культом, нечто вроде новой религии, обыкновенно резко дуалистического типа. Так, один миссионер XVIII века сообщает следующие интересные данные о племени ирокезов: «Они, по-видимому, не имели понятия о дьяволе как Князе тьмы до прибытия европейцев в их страну. Теперь они считают его могущественным духом, не способным делать добро, и потому называют его *Злым*. Они держатся теперь веры в два существа, одно бесконечно доброе, другое — бесконечно злое. Первому они приписывают все хорошее, а второму — все дурное. Около тридцати лет тому назад в религиозных понятиях индейцев произошли большие изменения. Некоторые из их собственных проповедников стали уверять, что получили откровение свыше, были на небе и беседовали с Богом. Они рассказывали различно о своих похождениях во время этих странствий, но все сходились на том, что путь на небо сопряжен с большими опасностями, потому что дорога проходит около самых ворот ада. Там дьявол лежит в засаде и ловит всякого, направлявшего свой путь к Богу. Те, которым удалось счастливо пробраться мимо этого опасного места, пришли сначала к Божьему Сыну, а через него к самому Богу, от которого будто бы получили повеление указывать индейцам путь к достижению неба». От этих проповедников индейцы узнали, что небо есть жилище Бога, а ад — жилище дьявола. Намек на такую первобытную, соседнюю с христианством мифологическую религию дан в рассказе Лескова «На краю света» из уст остяка, убегающего от миссионеров, чтобы его не могли окрестить... А нечто совсем подобное — о хвостатом, рогатом и черном дьяволе, созданном первобытными язычниками по слухам из проникших к ним христианских сказаний, — содержит, и в очень любопытной форме, наш летописный рассказ под 1070 годом. «Случилось одному новгородцу приехать в Чудь, и пришел он к волшебнику, желая, чтобы он ему погадал; тот, по своему обычаю, начал призывать бесов в свою хижину. Новгородец сидел на пороге, а волшебник лежал как бы в оцепенении... Встал волшебник, сказал новгородцу: “Боги не смеют прийти, на тебе что-то есть, чего

они боятся”. Тот вспомнил, что на нем есть крест, отошел в сторону и поставил крест вне избы. Волшебник стал снова призывать бесов, а те, натешившись им, сказали, зачем пришел новгородец. Потом новгородец начал спрашивать его: “Почему бесы боятся креста, который мы носим на себе?” Тот отвечал: “То знамение небесного Бога, и его боятся наши боги”. Новгородец спросил: “А каковы боги ваши, где они живут?” Тот отвечал: “В безднах, а видом они черные, с крыльями и хвостами, восходят к небу послушать ваших богов. Ваши — это ангелы на небе. Если кто умрет из ваших людей, то его уносят на небо; а если кто умирает из наших, то его относят к нашим богам в бездну”».

К числу физических недостатков дьявола надо отнести, что он хромым — вследствие своего падения с неба. В этом случае на него перенесена примета древнего арийского мифа о хромом огненном божестве. Хром эллинский Гефест — и по той же причине: раздраженный Зевс схватил его за ногу и стремительно низвергнул с высокого Олимпа на землю. Хром скандинавский Локи. Хромота черта — общеевропейское поверье, сохраняющееся даже на высоких культурных высотах. «Was hinkt der Kerl auf einem Fuss?» («С чего этот малый припадает на одну ногу?») — восклицает в Гётевом «Фаусте» Зибель, глядя на Мефистофеля.

Некоторые утверждали, будто у дьявола телесна только внешность, а внутри он пустой, вроде дерева, изъеденного дуплом. Св. Фурсей⁴⁴ видел однажды толпу дьяволов с головами, подобными медным котлам на длиннейших шеях. Дьяволы в видениях св. Гутлака⁴⁵ имели огромные головы, длинные шеи, лица тощие и отвратительные, бороду, колючие уши, свирепо наморщенные лбы, зверские глаза, лошадиные зубы и гривы, огромные рты, высокую грудь, волосатые руки, узловатые колени, кривые ноги, толстые пятки, вывернутые ступни; говорили они крикливыми и хриплыми голосами и с каждым словом изрыгали пламя изо рта. Эту способность имели все отверстия на дьявольском теле. Если дьяволы св. Фурсея немного смахивали на котлы или кубы для кипячения воды, то еще более хозяйственно устроенного дьявола видела однажды св. Бригитта⁴⁶: голова его была подобна раздувалу, снабженному длинным дулом, руки были как змеи (веревки), ноги как

педаль, а вместо ступни — крючки. Нельзя не сознаться, что это дьявольское видение, превратившее в Сатану невинные кузнечные или кухонные мехи, как нельзя более напоминает галлюцинацию Ивана Солдата в известном русском читателю «Тише воды, ниже травы» Глеба Успенского⁴⁷: «Однажды Иван валялся пьяный около корыта, где мок в овсянке овчинный рукав; этот рукав целую ночь ругал его: “Камбала!” — очевидно, намекая на его кривой глаз».

Уловить общий тип дьявола тем труднее, что, по весьма распространенному мнению, каждый демон имел свою индивидуальную наружность, соответственную его характеру, рангу в адской иерархии и специальности. В человекоживотном смешении дьявола иногда зверь подавляюще берет верх над человеческим составом, как, например, Герийон у Данте, который, взяв это имя из эллинской мифологии, одел его в апокалипсические формы:

Вот острохвостый зверь, сверлящий горы,
Пред кем ничтожны и стена, и меч;
Вот, кто земные отравил просторы...

Он ясен был лицом и величав
Спокойством черт приветливых и чистых,
Но остальной змеиным был состав.

Две лапы, волосатых и когтистых;
Спина его, и брюхо, и бока —
В узоре пятен и узлов цветистых.

Пестрей основы и пестрей утка
Ни турок, ни татарин не сплетает;
Хитрей Арахна не ткала платка.

Иногда животное вытесняет из дьявола человеческое подобие — и тогда является адский зверь, чудовище, зародившееся в мифологических образах Вавилона и Египта, а также на страницах Апокалипсиса и получившее необычайно подробное развитие в видениях средневековых аскетов и дидактически-благочестивых романах. Бредовые звери эти, созданные воспаленным воображением из обрывков действительных

животных, сложены самым фантастическим образом, совмещая в себе признаки всех животных царств, словно нарочно затем, чтобы символизировать, как каприз и злоба дьявола ругаются над законами природы и насилуют ее строй. Звери египетской мифологии, при всей их причудливости, куда проще. Так, мистическим животным Сета рисуется довольно скромное и почти правдоподобное четвероногое плотоядного типа, вроде собаки или шакала, удлинённую хищную мордую напоминающее ближе всего, пожалуй, борзую, с прямыми торчащими ушами и длинным хвостом, на конце раздвоенным.

Иногда Сет изображается в виде этого адского зверя, иногда в виде человека, но с головою своего символического животного. Из настоящих представителей животного мира Сету были посвящены гиппопотам, коршун и многие другие хищные животные, вид которых он иногда принимал. И эти уже без всяких демонических изменений и прикрас.

Отступления от правила изображать дьявола безобразным в Средних веках очень редки. В одной латинской Библии IX или X века, находящейся в Парижской национальной библиотеке, Сатана, искушающий Иова, сохранил еще свой прежний ангельский вид — крылья и даже ореол вокруг головы; дьявольство его характеризуется только когтями на ногах и сосудом с пылающими углями, который он держит в левой руке. Во французской героической поэме двенадцатого века «*La Bataille Aliscans*»⁴⁸ дьявол выведен совсем красавцем: его портят только большой рот и горбатый нос. Эстетическое направление Возрождения сказалось и на представлении о дьяволе. Вот как описывает Сатану поэт Федерико Фреци (ум. 1416), епископ в Фолиньо и автор «*Quadriregio*» («Четвероцарствие»):

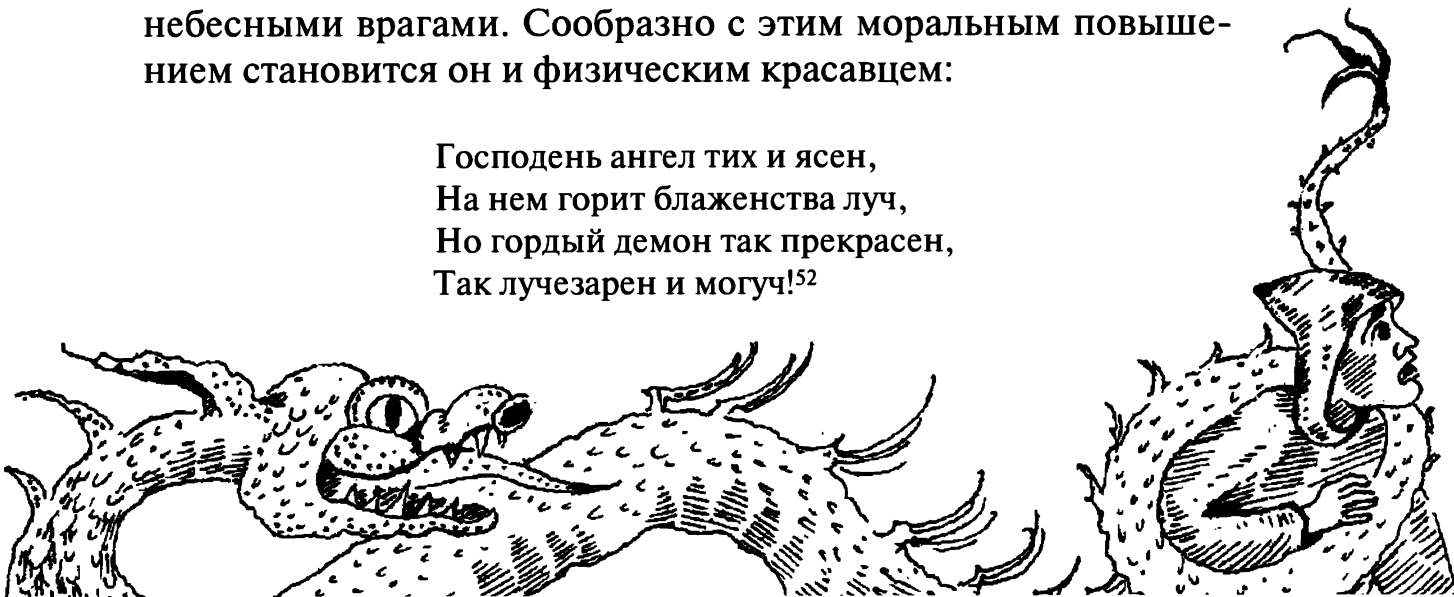
«Я думал увидеть злое чудовище, ждал увидеть погибшее и унылое царство, а нашел его торжествующим и славным. Сатана оказался велик, прекрасен и имел такой благосклонный вид, такую величественную осанку, что казался достойным всякого почтения. На голове его сиял великолепный тройной венец, лицо было веселое, глаза смеялись, в руках он держал скипетр, как прилично великому властителю. И хотя ростом он был в три мили вышины, надо было удивляться, как соразмерны его члены и как он хорошо сложен. За плечами его шевелилось шесть крыльев из таких нарядных и блестящих

перьев, что подобных не имеют ни Купидон, ни Килленийский бог (Гермес)» (Артуро Граф).

Правда, все это оптический обман: взглянув на Сатану вооруженным взглядом, сквозь алмазный щит Минервы, своей вожатой, поэт видит адского царя свирепым чудовищем, чернее негра, с дико горящими глазами; голова его украшена не венцом, а переплетающимися драконами, он оброс по всему телу как будто волосами, но в действительности это ужасные змеи, руки у него с когтями, а брюхо и хвост — как у скорпиона. Но тем не менее почин украшать Сатану сделан и пришелся по вкусу века.

Из художников, как сказано выше, первым придал Сатане «страшную красоту» Спинелло Аретино, которого Бриер де Буамон зовет за это «предшественником Мильтона». В «Страшном суде» Микеланджело демоны уже мало чем отличаются от грешников: художник достигает в них впечатления не внешним безобразием, но ужасною экспрессией внутренних страстей. Демоны Мильтона, равным образом и Клопштока⁴⁹, сохранили и после падения немалую долю прежней своей красоты и величия. Однако демоны Тассо⁵⁰, наиболее народного из четырех законоположных поэтов Италии, сохранили чудовищные и ужасные формы и воспроизводят все страшные призраки античной мифологии. Восемнадцатый век, погасивший костры ведьм и обративший дьявола в философскую идею, увенчанную, после многих второстепенных немецких «Фаустов», гениальным синтезом в «Фаусте» Гёте, окончательно очеловечил Сатану. А протестующий романтизм XIX века усилиями Байрона, А. де Виньи⁵¹, Лермонтова и др. настолько облагородил и возвысил его, что Люцифер, Демон, Мефистофель становятся излюбленными владыками-символами человеческой мысли, решительно торжествующими в воображении бунтующего человека над своими исконными небесными врагами. Сообразно с этим моральным повышением становится он и физическим красавцем:

Господень ангел тих и ясен,
На нем горит блаженства луч,
Но гордый демон так прекрасен,
Так лучезарен и могуч!⁵²

Это эстетическое отношение к дьяволу как олицетворению прекрасной и гордой мысли нашло себе, уже в наши дни, конечное и блистательное увенчание в гениальном «Демоне» несчастного Врубеля.

И даже когда нынешний дьявол некрасив, он сохраняет в наружности своей ту значительность и, как говорится, «интересность», которая привлекает к нему уважительное внимание. Мефистофель в мраморе Антокольского⁵³, в сценическом гриме Эрнста Поссарта⁵⁴ и Шаляпина сделал европейскому обществу близкою и фамиллярною зловещую фигуру кавалера в бархатном колете, шелковом плаще, в берете с тонким, колеблющимся петушьим пером и длинною шпагою на бедре...

В одежде златотканой, красной,
В плаще материи атласной,
Как франт, кутила и боец,
С пером на шляпе, с длинною шпагой...⁵⁵

Этот образ дьявола — несомненно, из всех художественных самый популярный, несмотря на то что он сравнительно из новых: появляется не ранее XVI века... Но он сразу так фантастически полюбился и привился к поверьям Европы после ею пережитой Реформации, что его надо считать как бы средним между собственной формою дьявола и излюбленными его метаморфозами, о которых речь пойдет ниже.

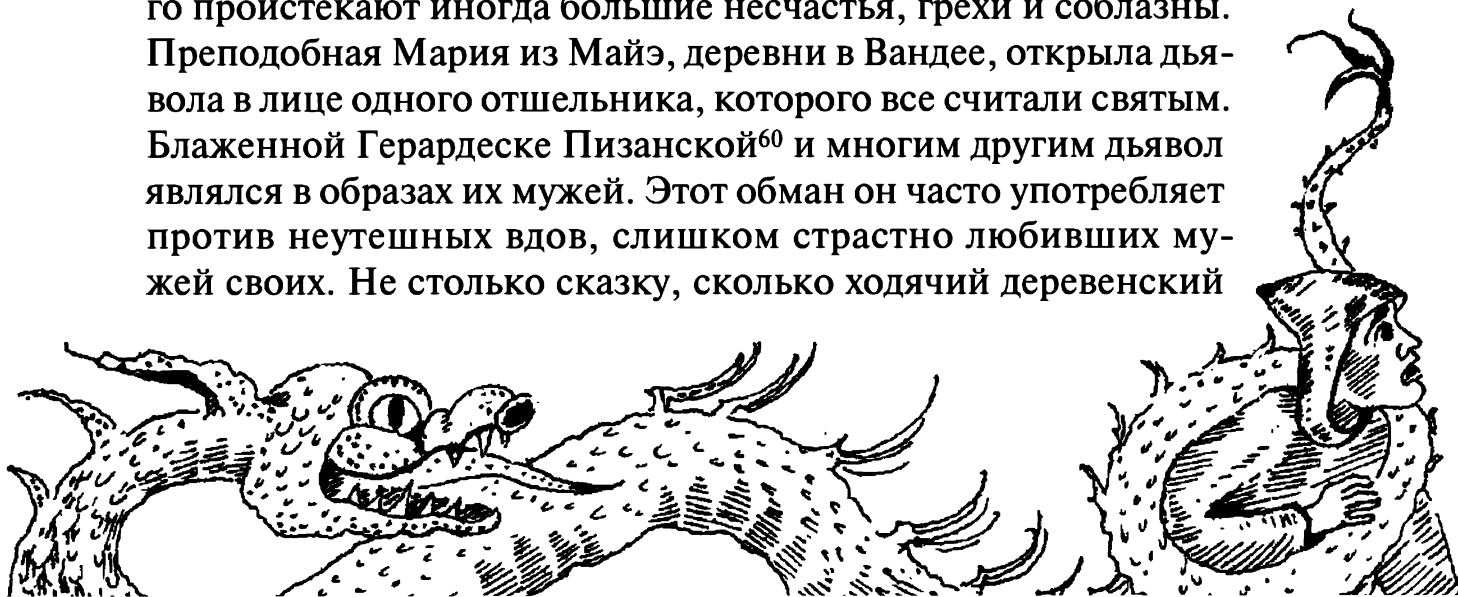
Имея свой собственный индивидуальный образ, демон, сверх того, обладал способностью изменять свою наружность по желанию в другие образы, причем в этой своей способности он совершенно неограничен и вполне заслуживает название адского Протея, которое ему давали богословы. Злые духи, говорит Мильтон, «принимают по своему желанию тот или иной пол или сливаются вместе. Так мягка, так проста бестелесная сущность, что, будучи свободною от мускулов и сочленений и не прикрепленная, подобно телу, к брэнной поддержке костей, она может вливаться, следуя планам воздушных существ, в любую форму, ясную или темную, жидкую или твердую, и, таким образом, приводит к намеченным результатам деяния своей любви и злобы». Будучи по природе безобразным, дьявол мог искусственно принимать красивую

и обольстительную наружность либо облекаться в пугающее безобразие, но отличное от собственного.

Наследники олимпийских божеств, дьяволы долго мучили христиан памятью и образами отошедшего в прошлое язычества. В четвертом веке они посещали св. Мартина, знаменитого епископа Турского⁵⁶, в образах Юпитера, Меркурия, Венеры и Минервы. Галлюцинации, хорошо понятные в эпоху, когда боги умирали, воскресли вместе с эпохой «воскресших богов», как удачно назвал Мережковский⁵⁷ века Возрождения. Уже в XIII веке св. Райнальд⁵⁸, епископ Ночеры, бредил дьяволами в виде давно, казалось бы, забытых Юпитера, Венеры, Меркурия, Вакха и Гебы: несомненный результат чтения классических авторов или, быть может, слишком прочной памяти язычных призраков местности, которая и сейчас носит выразительное название Ночеры Языческой, *Nocera dei Pagani*. Чтение классиков весьма не одобрялось духовенством и, наоборот, весьма было угодно Сатане. В X веке одному равеннскому грамматiku по имени Вильгарду явились однажды ночью три дьявола и, отрекомендовавшись Вергилием, Горацием и Ювеналом, благодарили его за прилежание, с которым он комментирует их произведения, и обещали в награду, что после смерти он разделит их славу. Двусмысленная признательность эта заставила грамматика призадуматься: ему было известно, без сомнения, что Христос, являсь в сонном видении бл. Иерониму⁵⁹, повелел ангелам жестоко высечь его за слишком усердную любовь к Цицерону.

Чаще всего дьявол меняет свою человекоподобную форму на ту человеческую, которая в данном случае лучше соответствует его намерениям. К отшельнику он приходит обольстительной женщиною, к отшельнице — красивым навязчивым юношей. Нередко дьявол является тем, против кого злоумышляет, под видом их друзей, родных, близких и знакомых, из чего проистекают иногда большие несчастья, грехи и соблазны. Преподобная Мария из Майэ, деревни в Вандее, открыла дьявола в лице одного отшельника, которого все считали святым. Блаженной Герардеске Пизанской⁶⁰ и многим другим дьявол являлся в образах их мужей. Этот обман он часто употребляет против неутешных вдов, слишком страстно любивших мужей своих. Не столько сказку, сколько ходячий деревенский

анекдот об этом поместил в свое собрание «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьев:

«Жил-был мужик, была у него жена-красавица; крепко они любили друг дружку и жили в любви и согласии. Ни много ни мало прошло времени, помер муж. Похоронила его бедная вдова и стала задумываться, плакать, тосковать. Три дня, три ночи бесперечь слезами обливалась; на четвертые сутки, ровно в полночь, приходит к ней бес в образе ее мужа. Она возрадовалась, бросилась ему на шею и спрашивает: “Как ты пришел?” — “Да слышу, — говорит, — что ты, бедная, по мне горько плачешь, жалко тебя стало, отпросился и пришел”. Лег он с нею спать; а к утру, только петухи запели, как дым исчез. Ходит бес к ней месяц и другой; она никому про то не рассказывает, а сама все больше да больше сохнет, словно свечка на огне тает! В одно время приходит ко вдове мать-старуха, стала ее спрашивать: “Отчего ты, дочка, такая худая?” — “От радости, матушка!” — “От какой радости?” — “Ко мне покойный муж по ночам ходит”. — “Ах, ты дура! Какой это муж — это нечистой!” Дочь не верит. “Ну, слушай же, что я тебе скажу: как придет он к тебе в гости и сядет за стол, ты урони нарочно ложку, да как станешь подымать — посмотри ему на ноги”. Послушалась вдова матери; в первую же ночь, как пришел к ней нечистой, уронила под стол ложку, полезла доставать, глянула ему на ноги — и увидала, что он с хвостом. На другой день побежала она к матери. “Ну что, дочка? Правда моя?” — “Правда, матушка! Что мне делать несчастной?” — “Пойдем к попу”. Пошли, рассказали все как было; поп начал вдову отчитывать, три недели отчитывал — насилу отстал от нее злой бес!»⁶¹.

Чтобы скомпрометировать св. Кунигунду⁶², бес однажды вышел из ее спальни в виде рыцаря. Фома Кантипратийский⁶³ видел однажды дьявола в образе монаха, который с нарочной непристойностью обнажился, будто бы по естественной нужде. Когда Фома окликнул бесстыдника, он тотчас исчез. Тот же Фома жалуется на дьяволов, которые компрометировали кельнское монашество, устраивая по ночам пляски на пригородных полях и одеваясь для этих балов в свои белые рясы.

Из животных дьявол в старину охотнее всего являлся драконом или змием. Но дракон не всегда метаморфоза черта,

иногда он сам черт и есть, в подлинном своем виде. В румынском языке оба они — и черт, и дракон — совершенно совпадают в нарицательном имени дьявола: dracul. В Апокалипсисе Иоанна и видениях многих святых Дракон или Змий несомненно тождествен дьяволу. В VIII веке Иоанн Дамаскин⁶⁴ описывал дьяволов как драконов, летающих по воздуху. Змий, как истинный образ Сатаны, весьма привился к русским фантастическим представлениям как в старинной церковной литературе, так и в духовных стихах и сказочной словесности. В старообрядческой полемической литературе этот образ получил особенно широкое и яркое развитие, которым красиво воспользовался Майков⁶⁵ в поэме «Странник»:

Великий змий вселенную обвил
И царствует... Про змия то читаем:
«И было зримо, како по ночам
Сей змий, уста червлены, брюхо пестро,
Ко храмину царевой подползал
И царское оконце отворялось.
Царь у окна сидел, а змий, вздымаясь
По лестнице клубами, подымался
Вверх до окна и голову свою
Великому царю клал на плечо.
(И так он был огромен, что лежал
По лестнице всем туловищем темным,
А хвост еще из патриаршей сени
Не вылезал.) И так, к цареву уху
Припав, шептал он лестные слова:
“Не слушай честных старцев, о царю!
И старых книг, владыко, боронися!
Во тесноты они тебе хотят!
А полюби, царь, Никоновы книги:
В них обретешь пространное житье,
И по средам и пятницам всеястье,
И телесам твоим во услажденье
Все радости мирские и утехы”».

Иногда, однако, дракон является существом более телесным, чем дьявол, и как бы средним между бесом и животным. Таковы все безусловно смертные драконы-людоеды романского и германского эпоса, многие змеи наших русских

богатырских былин и сказок. Иногда, наконец, дракон просто страшное животное, природная сила, злость и безобразие которого сделали его любимцем Сатаны, охотно принимающим его образ для удобнейшего исполнения своих злодейств.

Чтобы надоедать людям, мучить их и пугать, дьявол не брезгует никаким животным видом. Рыкающими львами бродили бесы в пустыне вокруг св. Антония, ползали у ног его змеями и скорпионами. С лишком тысячу лет спустя св. Колета⁶⁶ видела их лисицами, жабами, змеями, улитками, мухами и муравьями. В XIII веке св. Эгидий⁶⁷ угадал дьявола под панцирем гигантской черепахи. В образе льва демон убил мальчика, которому, однако, св. Елевферий, епископ Турнейский, возвратил жизнь. В образе ворона демон являлся не менее часто, и точно так же не всегда можно определить, приемлемый ли это дьяволом вид или его собственный. Черный цвет ворона сделал его символом демона в католическом искусстве, особенно в архитектурных украшениях средневековых церквей. Долголетний, черный и мрачный ворон — великий любимец дьявола, унаследованный последним от эллинского Аполлона и германского Вотана. «Ворон черту молится» — это русское присловье сохранил Некрасов в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо». Совершенно дьявольским существом является фантастическая птица «морской ворон» в фламандских сказках: одна из них обработана Генрихом Гейне в изумительной народной балладе его о «Германе, веселом герое». Наши русские сказки также знают Ворона Вороновича — полуптицу, полудемона, который, подобно бесу-змею, похищает красавиц и сражается с богатырями. Таковы же вороны — «железные носы», залетевшие в русские сказки из арабских сказок «1001 ночи». Не лучшей репутацией пользуются летучие мыши — св. Ведаст⁶⁸ видел однажды, как дьяволы, взлетев стаяй нетопырей, помрачили белый день, — сова и коршун. Когда черт не целиком нетопырь, то крылья у него от нетопыря взяты.

Относительно собаки Запад расходится с Востоком. На Востоке собака, друг человека, считается врагом дьявола, на Западе же она — его обычное превращение. Эта двойственность весьма старого происхождения. По дуалистическим легендам, представляющим собою смесь манихейской космогонии и финно-тюркских сказок, Бог и дьявол творили мир

вместе, пока не рассорились из-за дьяволова непослушания, озорничества и проказ. Адама Бог творил уже один, сложив его из «восьми частей». «И поиде очи имати от солнца и остави Адама единого лежаща на земли. Прииде же окаянный Сатана ко Адаму и измаза его калом и тином и възгрями. И прииде Господь ко Адаму и восхоте очи вложити, и виде его мужа измазана, и разгневался Господь на дьявола и нача глаголати: окаянне дияволе, проклятый! не достоин ли твоя погибель? что ради человеку сему сотворил еси пакость — измаза его? и проклят ты буди! И диявол исчезе, аки молния, сквозь землю от лица Господня. Господь же снем с него пакости Сатаны и смесив со Адамовыми слезами, и в том сотвори собаку, и постави собаку и повеле стрещи Адама; а сам отъиде в горний Иерусалим по дыхание Адамлево. И прииде вторья Сатана и восхоте на Адама напустити злу скверну, и виде собаку при ногах Адамлевых лежащу, и убоился вельми Сатана. Собака начала зло лаяти на диявола; окаянный же Сатана взял дерево и истыка всего человека Адама, и сотвори ему семьдесят недугов»⁶⁹. Здесь собака является слугою Бога, стражем человека, тварью благодетельною. Но то же самое предание в сказаниях мордвы и черемисов варьируется совсем в другом направлении. «Юма, создавши человеческое тело, отправился творить душу, а к телу приставил пса, который тогда еще не имел шерсти. Злой Керемет произвел такой холод, что пес едва не замерз; потом дал собаке шерсть и, допущенный к человеку, охаркал его тело и тем самым положил начало всех болезней»⁷⁰. В виде пуделя дьявол сопровождал папу Сильвестра II⁷¹, Фауста, Корнелия Агриппу Неттестеймского⁷². Черным козлом возит он ведьм на сборища и председательствует на шабаше. Котом мурлычет в кухне колдуньи, и, мало того, по чешскому поверью, каждый черный кот — только до семи лет кот, а потом обращается в дьявола. Надоедливою мухою пристаёт к монаху, разбивая его молитвенное внимание.

Средние века строили мост между демонологией и зоологией с искренней верою. Целый ряд животных в христианской символике объявлен был как бы иероглифами дьявола: змей, лев, обезьяна, жаба, ворон, нетопырь и др. И наоборот, дьявола часто зовут «скотом» — не только в ругательной метафоре, как показывает один средневековый «бестиарий» (зо-

ологический сборник), в котором дьявол классифицируется как животное, подобное другим зверям (А. Граф). Бесовских зверей видели не только тайновидцы в аду, мистики признавали их и на земле — и не только в легендарных драконах и василисках, но и, например, в реальной и невиннейшей по существу жабе. Злополучное пресмыкающееся это горько платилось за свое безобразие. Бесовская репутация установлена за ним в христианстве еще Апокалипсисом: «И видел я *выходящих* из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам: это — бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя» (XVI, 13, 14). Начиная со II века, устами Мелитона Сардийского, и сквозь все Средние века жаба несет свое проклятие, зачатое еще в языческой магии и зоологическом баснословии Плиния (Hist. natur. lib. XXX). В XII веке у Алана Лилльского и Петра Капуанского⁷³ жаба — образ похабных поэтов, еретиков и... философов-материалистов, обращающих ум свой только к земным предметам! Затем она сделалась эмблемою жадности и распутства, а отсюда и бесом, карающим за смертные грехи этой категории. В кафедральном соборе в Пуатье и во множестве старинных церквей Франции можно видеть изображение казней, ждущих женщин за жадность, скупость, роскошь и кокетство: жабы и змеи кусают их за груди. На великолепном южном портале в средневековом аббатстве в Муассакке интереснейшая скульптурная группа изображает дьявола, со всеми отличительными его признаками, выплевывающего жабу — по направлению к нагой женщине, к грудям которой присосались две змеи, а нижнюю часть живота грызет другая жаба. Аббат Обер, автор «Истории и теории религиозного символизма», отмечает, что жаба в символике лишена «контрастного значения», которое имеется даже у змеи как эмблемы мудрости, а в Медном Змии даже прообраза Спасителя, у ворона как спутника св. Бенедикта⁷⁴ и т. д. Жаба всегда — порок, грех, животное-дьявол. В этом качестве оно наказывает в немецкой сказке, записанной Гриммами⁷⁵, скупость и жестокость сына, отказавшего в пропитании своему престарелому отцу. Жареная курица, которою недостойный сын обедал после

своего жестокого дела, обратилась в жабу и, прыгнув на лицо грешника, вцепилась в него так крепко, что он должен был носить ее и кормить своим мясом уже до самой смерти. Но злоба и месть жабы-демона не всегда воодушевляются столь дидактическими побуждениями, а весьма часто отвечают сами за себя. Цезарий из Гейстербаха рассказывает о молодом человеке, который, найдя в поле такую демоническую жабу, умертвил ее. Однако затем мертвая жаба преследовала своего убийцу, не давая ему покоя ни днем, ни ночью и не обращая нисколько внимания на смертельные удары, которыми ее поражали. Не помогло даже то, что ее сожгли, — она немедленно воскресла из пепла. Наконец несчастный преследуемый, не видя другого средства спасения, сдается на капитуляцию — позволяет проклятой жабе укусить себя и тотчас вырезывает укушенное место кинжалом. Этою мстью страшная жаба удовлетворилась, удалилась и не показывалась более. Легенду эту следует сравнить с индусским поверьем, согласно которому человек, убивший нечаянно очковую змею, может искупить свою вину только человеческою жертвою; в силу этого избранная жертва получает рану в бедро, притворяется умершею и затем притворно воскресает, а вытекшая кровь считается жертвою, заменяющею жизнь.

В одной старинной заклинательной формуле мы встречаем моление к Богу об охране земных плодов от червей, мышей, кротов, змей и *других нечистых духов* (А. Граф). Св. Патрикий⁷⁶, св. Готфрид⁷⁷, св. Бернард⁷⁸ и многие другие святые предавали анафеме мух и других вредных насекомых или гадов, избавляя таким путем от них дома, города и провинции. Процессы против животных возбуждались не только в Средние века, но и в расцвете Возрождения. В 1474 году в Вазеле судили и сожгли дьявола-петуха, который надумал снести яйцо. Вызывались на суд обвиняемыми и свидетелями животные, вызывались демоны. Еще в XVII веке иезуит Синистрари д'Амено⁷⁹, если только не подложно его сочинение, доказывает, что инкубы и суккубы суть животные особого рода, почему и грех прелюбодеяния с демоном, так интересовавший казуистов Возрождения, он подводит под рубрику скотоложества.

С тою же легкостью, как в животный мир, обращается дьявол в неодушевленные предметы. Св. Григорий Великий со-

общает о монахиня, которая стала бесноваться оттого, что проглотила дьявола, обратившегося в листик салата. Одного из учеников св. Илария, епископа Галатского⁸⁰, дьявол дразнил в виде аппетитной кисти винограда. Другим он представлялся стаканом вина, слитком золота, туго набитым кошельком, деревом, катящеюся бочкою, кто-то догадался узнать его даже в виде коровьего хвоста. Опять невольно вспоминаются белогорячечные галлюцинации Ивана из «Тише воды, ниже травы»: «К нам Иван поступил в припадке величайшего уныния и, боясь быть выгнанным, покуда не пил, не переставая, однако же, слышать голоса, проклинавшие его и выходящие откуда-то из графина или с потолка. Иногда неожиданно он совал в щели между половицами папиросу, так как солнечный луч, ударявший в пол, представлялся ему в виде головы, которая говорила: “Нет ли покурить?”».

Джин, кипевший в крови голландских художников едва ли не менее чем водка в крови этого несчастного Ивана, сделал их величайшими и изобретательнейшими иллюстраторами дьявольской трагикомедии, в которой оживала для галлюцината мертвая природа: деревья, камни, строения, домашняя утварь, кухонная посуда, рабочие инструменты.

Одни фантасты получали сатанические галлюцинации, разбивая свои нервы алкоголем и пороками, другие, наоборот, взвинчивали себя до них аскетическими подвигами. В препятствиях им демон не жалел метаморфоз и доходил в последних до дерзости невероятной, перенося превращения свои из мира вещественного в мир невещественный, принимая на себя вид святых, ангелов света и даже Девы Марии, Христа и Саваофа, симулируя пред каким-либо честолюбивым подвижником, чтобы погубить его грехом гордости, полное видение горных небес. Замечательнейшую легенду в этом роде дает Печерский Патерик.

«Этот преподобный отец наш Исакий, когда он еще жил в миру, был богатым купцом, родом торопчанин. И вот он, решив стать монахом, раздал все имущество свое бедным и монастырям и пришел к великому Антонию⁸¹ в пещеру, умоляя постричь его в монахи. И принял его Антоний, и постриг в монахи, и дал ему имя Исакий, мирское же имя его было Чернь. И стал этот Исакий вести жизнь строгую, облекся во влася-

ницу, велел купить себе козла и содрать с него шкуру, и надел ее на власяницу, и обсохла на нем сырая шкура. И затворился в пещере, в одном из проходов, в небольшой келий, в четыре локтя, и тут молил Бога со слезами. Пищей же ему была одна просфора, и то через день, и воды в меру пил. Приносил же это ему великий Антоний и подавал в оконце, куда рука едва проходила, и так принимал он пищу. И в таком житии провел семь лет Исакий, не выходя наружу, не ложился на бок, но сидя спал понемногу. Однажды, как обычно, когда наступил вечер, он стал класть поклоны и петь псалмы, и так до полуночи, и, утомившись, сел на сиденье свое. И когда он сидел так, как всегда свечу погасив, внезапно засиял свет в пещере, как от солнца, такой, что мог ослепить человека. И подошли к нему двое юношей прекрасных с лицами блистающими, как солнце, и сказали ему: «Исакий, мы — ангелы, а вот идет к тебе Христос с ангелами». Исакий встал и увидел толпу бесов, и лица их были ярче солнца, а один среди них светился ярче всех, и от лица его лучи исходили. И сказали ему: «Исакий, это Христос, пав, поклонись ему». Исакий же, не поняв бесовского наваждения и забыв перекреститься, вышел из келий и поклонился, как Христу, бесовскому действию. Тогда бесы воскликнули и сказали: «Теперь ты наш, Исакий!» Ввели они его в келию, посадили и сами стали садиться вокруг него. И вся келия и проход пещерный наполнились бесами. И сказал один из бесов, тот, что назывался Христом: «Возьмите сопели, и бубны, и гусли и играйте, а Исакий нам спляшет». И грянули они в сопели, и в гусли, и в бубны, и начали им забавляться. И, измучив его, оставили его еле живого, и ушли, надругавшись над ним».

Превращений своих демоны достигают тем, что сгущают вокруг себя воздух, принимающий угодную им форму, или же, сперва создав эту форму из какого-либо элемента, они входят в нее, как душа в тело. И наконец, они могли вселиться уже в готовые чужие тела и, овладев ими, пользоваться, пока надо, как собственными. Проникая таким образом в живые тела, они обращали людей и животных в одержимых, бесноватых. Но они могли проникать и в мертвые тела, которые их силою получали всю видимость и деятельность жизни. Данте устами монаха-братоубийцы Альбериго ди Манфредо рассказывает

страшную судьбу политических предателей: души их мучаются в Птолемею, третьем отделении ледяного девятого круга, в то время как тела остаются еще некоторое время на земле как бы живые, движимые и управляемые вселившимися в них демонами, и казнимый в аду человек не знает, что они творят от его имени и в его облике.

Мертвец, движущийся дьявольскою силою, — старинный гость демонологических легенд. Цезарий рассказывает мрачную историю, как в некотором монастыре появился клирик, певший удивительно сладким голосом, так что богомольцы, заслушавшись его, забывали о молитве. Но некий святой отшельник, послушав немного, сказал: «Это не человеческое пение, это голос проклятого дьявола!» — и произнес должные заклинания. Дьявол тут же бежал из тела, которое он оживлял, а на церковном полу остался холодный труп давно умершего клирика. Фома Кантипратийский знал благочестивую деву, которую, когда она одна молилась в церкви, дьявол пробовал запугать, заставив двигаться покойника, положенного там в ожидании отпевания; но дева, поняв, чьи это штуки, не растерялась, а дала покойнику хорошего тумака по голове, после которого бедняга, конечно, уже не пошевелился. Иаков из Вораджио* в «Золотой легенде» своей пересказывает древнее сказание о дьяволе, вселившемся в тело мертвой красавицы с целью соблазнить одного злополучного затворника. В «Небожественной комедии» Зигмунта Красинского⁸², одном из гениальнейших творений европейского романтизма, с поразительною силою и красочностью изображен этот страшный процесс — переселения злого духа в прах мертвой красоты. В житии св. Гильберта⁸³ дьявол, вселившись в покойника, снял перевоз через реку — с целью топить всех, кто ему поверялся; в другом житии, св. Одрана⁸⁴, дьявол поддерживал живым труп одного выгодного ему злодея. Богословы допускали возможности подобных случаев, за исключением того, чтобы дьявол осмелился завладеть телом человека, скончавшегося

---

* Иаков из Вораджио близ Генуи (de Voragine), доминиканец, 1230—1298 годы; его «Legenda aurea» — собрание житий святых, переполненное самыми невероятными историями. — *Здесь и далее постранично — примеч. автора.*

в благости и в совершенном мире с Церковью, а тем паче — мощами. Однако на попытки к тому дьявол дерзал неоднократно. Известно апокрифическое сказание о споре между Михаилом Архангелом и Сатаной из-за тела Моисеева. Оно вскользь упоминается и в Новом Завете*. Казуисты Средних веков изъяснили, зачем дьявол добивался овладеть прахом пророка: вселясь в мертвое тело, он создал бы оракул и таким образом увлек бы Израиль на путь волшебства и идолопоклонства.

Какие бы привлекательные и даже святые образы ни принимал на себя дьявол, он, однако, не мог и в них избыть своего дьявольства. Даже облачась в образ прекраснейшей девушки, ангела либо самой Девы Марии, самого Христа, он выделял какие-то особые дьявольские флюиды, влияние которых тревожило и пугало человеческую природу, и сквозь восхищение и благоговейный восторг визионер чувствовал, сам себя не понимая, внутри души своей только необъяснимый страх, смятение и отвращение.

Приближение дьявола было опасно, даже когда он маскировался привлекательно. По словам Цезария, двое молодых людей заболели после того, как видели его в образе женщины. Но было убийственно, если он показывался в собственном виде или придумывал себе какую-нибудь чудовищную маску, достойную его адской изобретательности. Многих он умертвил уже одним своим появлением. Фома Кантипратийский говорит, что вид дьявола наводит на человека оцепенение и немоту. Данте в присутствии Люцифера чувствует себя оледеневшим и слабым — ни мертвым, ни живым:

Я не был мертв, и жив я не был тоже;
А рассудить ты можешь и один:
Ни тем, ни этим быть — с чем это схоже.

Итак, бесконечны были превращения дьявола, бесконечны и обманы, в которые он своими способностями оборотня вводил людей. Но бывали святые мужи — например, св. Мартин Турский, — которые умели выводить его на чистую воду,

* Соборное послание от апостола Иуды.

распознавая решительно под всякою личиною. Тогда сконфуженный дьявол либо мгновенно исчезал, либо принимал свой всегдашний вид.

Глава третья

Государство, силы и средства дьявола

Когда слово «дьявол» употребляется в единственном числе, оно обозначает или 1) как имя нарицательное, одного из дьяволов либо сравнение с дьяволом, или 2) как имя собирательное, всю дьявольскую расу, весь дьявольский народ (как «турок» вместо «турки», «немец» вместо «немцы» и т. п.), или, наконец, 3) как имя собственное, повелителя дьяволов, Князя тьмы.

Дьяволов было не только много, им числа не было. По общему мнению богословов, в возмущении против Бога приняла участие десятая доля ангелов. Но были добросовестные теологи, которые, не удовольствовавшись такою неопределенною статистикой, вычислили точное число злых духов. По одному такому вычислению, их не меньше 10 000 биллионов⁸⁵.

Для такого огромного народа нужно было немало места, а потому дьяволы распределились на жительство по двум областям: в аду и в воздушных сферах. Витая в последних, они получали возможность искушать и мучить живых людей, а ад устроен был для их собственного наказания, одновременно с которым они приводили в исполнение кары, предназначенные умершим. Воздушные квартиры отведены им только до Страшного суда. Его приговор всех их забьет в ад, и ни один из них оттуда уже не выйдет.

Не все дьяволы были равны качествами, положением, способностями. Бесконечна их классификация по месту жительства (водяные — «нептуны», лесовики — «дузии» и т. п.) или по роду деятельности (инкубы, суккубы и пр.). Так как одному дьяволу лучше удалось одно, другому другое, то отсюда выработалось известное разделение труда, повлекшее за собою нечто вроде социального строя. Казалось бы, дьявол, олицетворение именно беспорядка и смуты, должен быть завзятым

анархистом, отрицателем каких бы то ни было государственных и сословных форм. Однако, напротив, св. Фома Аквинат и многие другие теологи из самых уважаемых нашли в дьявольском народе такую же иерархию, как и в сонмах ангелов, и даже более точную, так как у дьяволов есть их собственный глава, тогда как ангелы не имеют иного начальника, кроме Бога, который есть владыка всей Вселенной, а не только их одних.

В Евангелиях от Матфея и Луки и в писаниях большинства богословов князь и владыка демонов носит имя Вельзевула. Но также часто зовут его Сатаной и Люцифером. Данте соединил все эти три имени вместе, как определяющие одного и того же великого дьявола. Но обыкновенно это три разных беса и не одинаковой власти.

О дьявольских чинах упоминают уже в первом христианском веке апокрифическая Книга Еноха и Новый Завет. Св. Фома Аквинат, упомянув о дьяволах высших и низших и вообще об иерархическом их устройстве, не входит в дальнейшие подробности. Но подобная сдержанность не могла удовлетворить демонографов, теоретиков магии и, в особенности, ее практиков. Для них было важно знать дьявольскую иерархию точно, а также и способности и компетенцию каждого в ней чина и, по возможности, и каждого отдельного беса. Систему чинов строили двояко: одни демонологи — в зависимости от классификации грехов, вверенных дьяволам, другие — по степени общего могущества и влияния, предполагаемыми за известными имьярек дьяволами.

Данте называет Люцифера императором царства скорби. Для него мир делится поровну на три великие монархии: вышнюю небесную — Божескую, среднюю земную — человеческую, нижнюю адскую — дьяволу. Но идея ада, как царства, не принадлежит Данте. Старая на земле, как само государство, она свойственна всем историческим религиям, и христианство приняло ее из эллино-римского мира уже в весьма тщательно выработанном виде. Понятие об адском царстве находится уже в Евангелиях, и уже Отцы Церкви снабжали Люцифера атрибутами верховной власти: скипетром, венцом и мечом. Во многих аскетических легендах Сатана изображается сидящим на высоком троне, окруженным царскою пышностью, возвышаясь над огромною толпою служителей и свиты. Таким

путем народная фантазия выработала мало-помалу целый сатанинский двор, во всем подобный дворам великих государей земли. В волшебной истории Иоганна Фауста, послужившей основой знаменитой трагедии Гёте, мы находим такое расписание чинов: король ада — Люцифер, вице-король — Белиал, губернаторы — Сатана, Вельзевул, Астарот и Плутон. Мефистофель и еще шесть других — в титуле князей. При дворе Люцифера имеется пять министров, один статс-секретарь и двенадцать служебных демонов вроде флигель-адъютантов. В других же магических и демонологических книгах упоминается о дьяволах-герцогах, маркизах, графах, с точным исчислением, сколько легионов дьяволов каждый имеет под своей командой.

В русской старинной литературе подобную картину ада как царства и царского двора Сатаны дает знаменитая «Повесть о Савве Грудцыне» — роман XVII века, повествующий якобы о событии времени первого самозванца («бысть убы в лето 7144»). Купеческий сын Савва Грудцын, живучи в городе Орле-Усольском, влюбился в жену купца и за обладание ею продал душу бесу, представшему ему в виде доброго товарища и выманившему у него хитростью «богоотметное писание». Но так как черти большие формалисты и плутовски добытая расписка, по-видимому, не твердо гарантировала право беса, то он, обманом же, приглашает Савву Грудцына лично поднести ее Сатане:

«Как-то раз позвал бес Савву, и пошли они оба за город. И на поле за городом бес спросил Савву: “Знаешь ли ты, кто я? Ты думаешь, что я Грудцын, но это не так. Теперь я за любовь твою ко мне расскажу всю правду. Ты только не смущайся и не стыдись называть меня своим братом: я ведь, совсем как брата, полюбил тебя. Но если хочешь знать, кто я, то знай — царский сын! Пойдем, я покажу тебе славу и могущество отца моего”. Сказав такое, он привел Савву на какой-то голый холм и показал ему видневшийся вдаль дивный город; стены, мостовые и крыши в нем были из чистого золота и блистали нестерпимо! И сказал ему бес: “Тот город — творение отца моего. Пойдем и поклонимся вместе ему. А бумагу, что ты мне дал, теперь возьми и сам вручи отцу, и почтит он тебя высокой честью!” ...

Пришли они к привидевшемуся им городу и подошли к воротам. Встречают их темные юноши в украшенных золотом одеждах, низко кланяются, воздавая почести “царскому сыну”, а вместе с ним и Савве. Вошли они во дворец, и вновь встречают их юноши в блестящих одеждах и так же кланяются. А когда вошли в царские апартаменты, вновь там встретили их юноши и воздали почести “царевичу” и Савве. Они вошли в зал, и Савва услышал: “Брат мой, Савва! Подожди меня здесь: я извещу отца о тебе и представлю тебя ему. А когда предстанешь перед ним, то не теряйся и не пугайся, а подай ему свое письмо”. И сказав это, пошел во внутренние палаты, оставив Савву одного. Там он задержался ненадолго, потом вернулся и привел Савву перед лицо Князя тьмы. Тот восседал на высоком троне, украшенном золотом и драгоценностями; одет он был в блестящие одежды. Вокруг трона Савва увидел множество крылатых юношей — лица у одних были синие, у других смолянисто-черные. Приблизившись к царю, Савва пал на колени и поклонился. Царь его спросил: “Откуда ты пришел и какое у тебя дело до меня?” А безумец наш подносит ему богоотметное свое писание и вещает: “Пришел, великий царь, послужить тебе!” Сатана, этот старый змей, взял бумагу, прочел ее и спросил своих черных воинов: “Хотел бы взять к себе этого молодца, не знаю только, верным ли он будет мне слугой?” И призвав сына своего, Саввина мнимого брата, сказал ему: “Ступай пока, отобедай с братом своим” ...»

Легионы демонов и глава их образуют армию. Демоны по самой натуре своей духи воинственные. Полчища их, противопоставляемые небесному воинству, воображаются, конечно, по образу земных армий. Петр Достопочтенный⁸⁶ видел однажды, как огромный отряд дьяволов, одетых солдатами, двигался ночью через лес. Часто повторялись видения вооруженных полков, несущихся в воздухе, подобно тучам.

Так как ад — государство, а Сатана — государь, то естественно ему иметь и свой государственный совет, в котором обсуждались важные вопросы адской политики, чинился суд, произносились приговоры. Время от времени Сатана, наскучив адским дворцом своим, отправлялся с компанией любимцев на охоту в земных лесах и проносился ураганом, вырывая с корнем деревья на пути своем, рассыпая вокруг себя ужас

и смерть. Артуро Граф справедливо заметил, что государи земли в то бесправное время охотились с меньшей стремительностью, но не с меньшим вредом для полей и пастбищ вилланов. В качестве государя Сатана требовал себе присяги от тех, кто ему предавался.

Относительно разумности и знаний демонов теологи много спорят. Все согласны в одном: после падения демонов разум их затмился настолько, что если он еще намного превосходит разум человеческий, то далеко ему до разума ангельского. Дьявол знает прошлое, но в настоящем только то, что Бог не считает нужным от него скрывать. Некоторые церковные писатели утверждают, что Сатане была неизвестна тайна Христа пришествия и он не узнал в Иисусе вочеловечившегося Бога. Действительно, в Евангелии от Матфея Сатана искушает Иисуса условными предложениями: «Если ты Сын Божий, то преврати эти камни в хлебы», — что показывает как бы нетвердую уверенность в том, кого именно он испытует. Это незнание дорого обошлось Сатане, так как, добившись от людей безвинной казни Иисуса, он тем самым способствовал акту Искупления и завершил свою собственную гибель.

Расходятся мнения и о том: зная все тайны природы, знают ли демоны также тайны человеческой души? Могут ли они проникать в глубину совести, вызнать наши мысли и чувства? Некоторые отрицают это на том основании, что в таком случае человек оставался бы совершенно беззащитным против их наущений и искушений. Поэтому демонам не дано видеть душу человека и они только большие физиономисты: по внешним признакам угадывают мысль и волю, читают в уме и чувстве, что, собственно говоря, может делать и человек, но у дьявола в тысячи раз больше умения, опыта и навыка. Другие богословы, и между ними Фома Аквинат, наоборот, полагают, что демоны читают в душе нашей, как в раскрытой книге. Гонорий из Отена⁸⁷ думал, что демонам надо знать злые стремления человеческой мысли и воли, добрые же — нет. Дело в том, что свое знание первых дьявол много раз доказывал, внезапно обличая своих заклинателей при всем честном народе в самых тайных и сокровенных грехах их, не исключая и мысленных.

Не менее спорный вопрос — знают ли дьяволы будущее. Большинство теологов высказывается отрицательно: если бы

дьявол, зная прошедшее и настоящее, знал еще и будущее, то чем же его знание отличалось бы от знания Бога? И как бы Бог потерпел, чтобы дьяволы заранее знали его предначертания через веки веков? Подобным знанием они не обладали и раньше своего изгнания из рая, так как иначе не подняли бы бесполезного восстания. Ведь и добрые ангелы не имеют непосредственного знания будущего, а знают его лишь постольку, поскольку Бог допускает их читать мысли Его.

Как же объяснить предсказательные способности дьяволов? Ориген говорит, что они узнавали будущее по движению планет, — мнение, плохо примиримое со взглядами Лактанция⁸⁸, который именно астрологию признавал ложным изобретением демонов. Св. Августин полагал, что дьяволы не имели непосредственного и прямого знания будущего, но благодаря способности переноситься с места на место быстрее молнии, а также благодаря изощренности своих чувств и интеллекта они были облегчены в логической работе настолько, что по заключениям настоящего могли воображать и угадывать будущее чуть не наверняка. Св. Бонаventura⁸⁹ полагает, что они не знают будущего как возможности, а только угадывают его как закономерность, так как они великолепнейшие натуралисты и до тончайшего совершенства выучили все законы и тайны природы.

Глубокие научные познания дьявола заставляли Церковь подозревать в сношениях с ним каждого ученого. Однако Данте считает, что философия для дьявола недоступна, так как «в нем умерла любовь, а чтобы быть философом, любовь необходима». Это нисколько не мешает ему вывести превосходным диалектиком черта, который тащит в ад Гвидо да Монтефельтро⁹⁰, хотя и получившего отпущение грехов от папы Бонифация VIII⁹¹, причем этот демон сам себя рекомендует своему грешнику «логиком» по профессии. Знаменитый Жан Боден⁹² пишет в своей «Демонии колдунов», что Ермолай Барбаро, патриарх Аквилейский (ум. 1493), вызвал однажды дьявола, надеясь узнать от него, что, собственно, хотел сказать Аристотель своею энтелехией⁹³? Во всяком случае, если демон не силен в философии, то в софистике он богатырь и учитель, и всякий софизм есть адоугодный грех мысли. По этому поводу Пассаванти⁹⁴ рассказывает страшную историю об одном

парижском студенте, который явился с того света перепуганному своему профессору в плаще, вышитом софизмами.

Итак, философия не давалась демонам. Но, в странном противоречии, они были знатоками богословия, цитировали на память Священное Писание и рассуждали о таинствах с точностью и определенностью профессиональных теологов. Из уст одержимых, телом которых они завладевали, демоны сыпали текстами из Нового и Ветхого Завета, мнениями и сентенциями Отцов и Учителей Церкви и часто вгоняли в стыд заклинателей, которые вдруг оказывались совершенными невеждами в сравнении с ними. Более того, св. Фурсей присутствовал при диспуте демонов о грехе и наказании даже не с людьми, а с ангелами, — и нечистые не ударили лицом в грязь ни в диалектике, ни в богословии. Известно, что в богословском споре дьявол припер самого Лютера к стене настолько плотно, что бедный реформатор, истощив все логические аргументы, предпочел просто запустить в него чернильницей.

Впрочем, не надо думать, чтобы все дьяволы стояли на одном уровне знания и умственных способностей. Между ними были свои интеллигенты и невежды, удачники и неудачники, ловкачи и простофили. «Глупый черт», любимец русских сказок, занимает в дьявольщине такое огромное место, что о нем лучше будет поговорить особо. Если дьявол заметно преуспевал в какой-либо области знания, ад так и пускал его по этой дороге. Цезарий знал дьявола-юриста Оливера: он был стряпчим и отлично вел судебные дела. Фра Филиппо Сиенский⁹⁵ рассказывает о некоем Джорджино да Монте Лючио, нотариусе, который после смерти своей получил место нотариуса также и в аду и, таким образом, сделался одним из чиновников царства Сатаны и, следовательно, тоже чертом. Но обычно черти предпочитают медицину и естественные науки: при их помощи варятся волшебные напитки, превращаются металлы и вообще осуществляются всевозможные насилия над материей.

Наука и сила — синонимы, а поэтому знание Сатаны делает его «могущественным духом». Так называет его апостол Матфей. Границы этого могущества определяются трудно. Конечно, оно несравнимо со всемогуществом Божиим, но все же велико и грозно. Как мятежник, Сатана сокрушен без на-

дежды на улыбку победы. Но побежденный по совокупности, он мстит за себя непрерывным бунтом в розницу. Он проникает в счастливые обители наших прародителей и вводит в гармонию божественного творчества грех, разлад и смерть. Он наполняет Вселенную ядом своим и побуждает ее к отречению от Бога. Правда, власти у него ровно настолько, сколько терпит Бог, но нельзя не признать, что пределы этого терпения чрезвычайно широки и, действуя в них, Сатана вооружен и собственной инициативой, и собственной внутренней, а не заимствованной или отраженной силой. Все зло мира истекает из него, и чрезмерность зла дает понятие о гигантском могуществе источника. Искупительное воплощение Христа, конечно, нанесло дьяволу жестокий удар — настолько, что однажды он, явившись к св. Антонию, протестовал, зачем люди продолжают осыпать дьявола проклятиями и ругательствами, тогда как он, после пришествия Христова, стал совершенно бессилён. Но дьявол хитрил. В язычестве умерла, быть может, его абсолютная власть над землею, но не умерла сила. Христос победил его, но не отнял у него оружия, и Сатана сейчас же начал новую борьбу, отвоевывая у победителя человечество шаг за шагом, душу за душой. И по прошествии нескольких веков по Искуплению царство Сатаны опять полно рабами, а картина мира столько же печальна, как и прежде.

Распространяясь одинаково как на природу, так и на человека, могущество демонов обуславливается их чудесными способностями. Они могут в мгновение ока переноситься с одного конца Вселенной на другой, углубляться в землю и воду, проникать в стихии. Вещественная природа в особенности подчинена им. Не надо забывать, что многие еретические секты считали материю творением Сатаны. По мере того как в религиозной идее обострялся контраст между материей и духом и материя-враг осуждалась на проклятие и гибель как сила темная и развращенная, — фантазия дрессируемых католичеством народов должна была все более склоняться к тому, чтобы видеть в природе великую лабораторию и царство Сатаны. Пусть не Сатана создал природу, но он, во всяком случае, осквернил ее.

Излюбленные стихии демонов — огонь и воздух. Теологи единогласно признавали за дьяволом самостоятельно распо-

ряжаться атмосферными явлениями: вызывать бури, сгущать тучи, метать молнии, проливать на землю разрушительные дожди, сыпать градом и снегом. Вой бури есть крик разъяренных демонов. Данте в Преддверии Чистилища говорит от имени Буонконте да Монтефельтро⁹⁶, без вести пропавшего в битве при Кампальдино (11 июня 1289 года), что тело его было унесено с поля сражения волнами наводнения, вызванного причиненною демонами грозюю.

Не меньшую власть имели демоны над землею, в центре которой отводилось место для ада. Их делом были или могли быть землетрясения, а тем более извержения вулканов, которые вообще почитались пастями и отдушинами ада. Когда дьявол спешил возвратиться в свой ад кратчайшим путем, он проваливался сквозь землю в любом месте, как в театральный трап.

Не все в природе подчинялось демонам в одинаковой степени. Некоторые вещества и условия местности их как бы притягивали, другие их, наоборот, отталкивали. Дьявол большой любитель романтического пейзажа: его излюбленное пребывание — среди уединенных скал, в ущельях обрывистых гор, в густых и темных лесах, пещерах, провалах — в тех угрюмых местах, среди которых зловеще передвигается грозный Самуэль Веберова «Волшебного стрелка»⁹⁷. Думали, что бес в таких местах особенно силен, — потому их и любит. Дуалистические легенды тюрко-финского язычества, усвоенные и славянством, полагают, что все подобные места и сотворены Сатаною. Когда Бог захотел сотворить Землю, то послал Сатану на дно морское за песком. Сатана несколько песчинок слизнул с ладони и спрятал во рту, еще сам не зная, на что они годятся. Когда Бог посеял из песка, принесенного Сатаною, землю на водах и благословил ее расти на все четыре стороны света, стали дуться и расти также во рту Сатаны утаенные им песчинки. Терпел-терпел Сатана, но стало невмочь, и побежал он по новозданной земле, ругаясь, плача и повсюду расплевывая камень, песчаные степи, скалы и целые горные хребты. Уже евреи считали пустыню жилищем злых духов, и всем известно, как последние надоедали селившимся в пустынях аскетам.

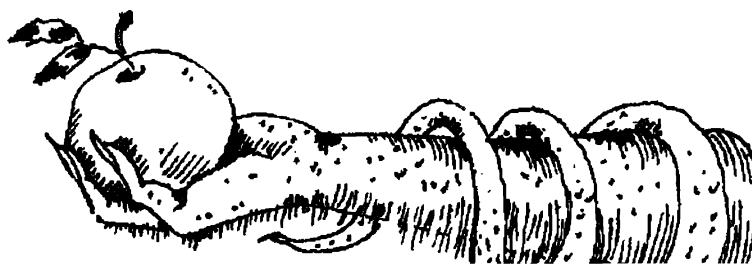
Из растений черту любезны орех и мандрагора, но ненавиден чеснок. Ему милы уголь и зола, но соль отнимает у него

всякую силу, то же действие имеют некоторые драгоценные камни. Из животных его лучший слуга и друг, иногда его воплощение — жаба, а петух — злейший враг и гонитель.

Во власти над человеком Сатана был ограничен известными условиями: над плотью он имел ее гораздо больше, чем над духом. Тело, плоть, материя, животная часть человека почиталась настолько дружелюбною и подчиненною Сатане, что некоторые еретики думали даже, что человек телесно создан Сатаною, а не Богом. Отсюда взгляд на тело как тюрьму духа, как на зачинщика всякого греха, как на развращенную силу, стремящуюся навстречу воле отца всех пороков и лжей, как на источник разлада в жизни человеческой, как на союзника бесов против Бога. Дьявол ценил своего союзника и ласкал его. Он обольщал тело, награждая его красотой и здоровьем, чтобы оно возгордилось перед бедной, серенькой душой и подавило ее; он обострял плотские аппетиты, вожделения, похоти, умножал его запросы, повышал требования от жизни, так что душа терялась перед ними и должна была тянуться на поводу у тела. Либо, наоборот, чтобы лишить душу терпения и довести ее до отчаяния, дьявол мучил тело болезнями и тысячами несчастий, как было это с многострадальным Иовом. Эпидемии и эпизоотии очень часто почитались делом рук дьявола.

В атаках своих на душу дьявол встречал преграду в свободной воле человека, которую все богословы единогласно считали сильнее его ухищрений. Но правило имело исключения, по которым во власти Сатаны оставались бесноватые, отлученные от Церкви и некрещеные. Что касается первых, то в них душа отравлялась как бы заразою от тела: проникнув в тело, дьявол понемногу просасывался и в душу, заставляя одержимого хотеть, думать, говорить и делать только то, что угодно Сатане. Хотя довольно трудно понять, как и почему, сталкиваясь в душе одержимого с всемогущим присутствием божественного начала, дьявольское начало могло над ним восторжествовать и вытеснить его из души, подменив его собою.

В душу нормального христианина — крещеного члена Церкви и не бесноватого — путь дьяволу открывает совершенный грех. Поэтому естественная забота дьявола — чтобы грешили как можно больше. Для этого демон смущает душу мятежными мыслями, нескромными грезами, будоражит чувства, посыла-

ет тысячи греховных призраков и мыслей. Он нападает на души во сне, когда разум потемней, а воля ослабла, и расставляет им сети и осаждает их видениями и снами, оставляющими по себе опасные тревоги и смуты. Даже души святых не свободны от его влияния.

Сильно влияя на индивидуальную жизнь человека, Сатана ярко отражал образ свой и в собирательной участи народов и всего человечества. Все Отцы и Учители Церкви согласны в том, что им изобретены ложные религии, ереси, тайные науки; он бросает семена раздоров, подсказывает заговоры, воспитывает мятежи, накликает голод, внушает войны, возводит на престолы злых государей, посвящает антипап, диктует вредные книги, а в промежутках между всеобщими бедствиями сеет частные: пожары, несчастные случаи, кораблекрушения, убийства, грабежи, соблазны, разорения. Для всего этого он располагает громадными средствами, так как ему известны и подвластны все сокровища, скрытые в земле. Со временем сын Сатаны и главный его наместник — Антихрист — получит все эти богатства в свое распоряжение, чтобы ценою их сделаться владыкою мира. Так как золото есть нерв войны, то, по замечанию Артуро Графа, потому, вероятно, папы и собирали так усердно этот металл, грабя его со всего мира, — чтобы насколько возможно ослабить бюджет будущего врага.

Технические способности Сатаны беспредельны. Он знает все искусства, ремесла и мастерства, но, разумеется, не разменивается в их области на пустяки, а предпринимает только работы, достойные своей ловкости и силы. В Западной Европе, где искони живут люди в камне, Сатана получил страсть к архитектуре и строительству. Великое множество мостов, башен, стен, акведуков и тому подобных построек приписывается этому странному зодчему и инженеру. Это он сложил знаменитую стену между Англией и Шотландией, воздвигнутую по повелению императора Адриана⁹⁸. При его содействии был перекинут мост через Дунай в Регенсбурге, через Рону в Авиньоне и другие, так называемые чертовы мосты. Страннее всего, что дьявол употреблял иногда свои архитектурные таланты также на сооружение церквей и монастырей. Но, конечно, в этом случае он либо преследовал какие-либо свои тайные цели, либо был побуждаем волею, сильнейшею его. Так, говорят,

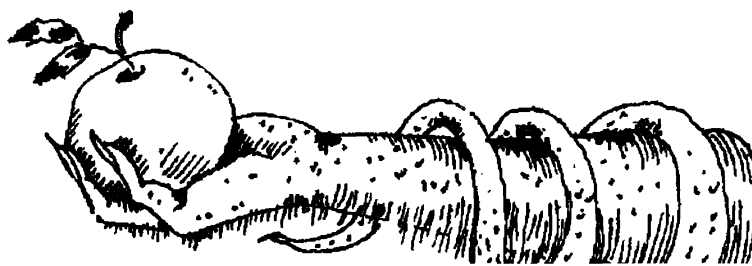
им были сделаны планы и другие рисунки для Кёльнского и Ахенского соборов, а последний даже отчасти, если не весь, им выстроен. В Англии считается постройкою дьявола аббатство Кроулэнд. Дьявол настолько гордится своим зодческим талантом, что однажды вызвал архангела Михаила, старого своего неприятеля, на конкурс, кто построит красивее церковь на горе Сен-Мишель в Нормандии. Архангел, как и следовало ждать, победил, но и дьявол не ударил лицом в грязь; притом архангелова церковь была за красоту взята на небо, так что грешный мир о ней судить не может, а дьяволом воздвигнутая осталась на земле, и ею до сих пор любуются туристы как готическим шедевром.

Чудесность дьявольских построек заключалась не только в их совершенстве, но и в скорости, с которою они создавались. Часто дьяволу давался для них срок не более как в одну ночь — и он успевал, если только люди его не надували, чего по отношению к дьяволу, кажется, никто и никогда грехом не почитал. Обязавшись на протяжении одной ночи выстроить церковь, дьявол переносил на место постройки из отдаленнейших мест целые гранитные скалы, глыбы и плиты цветного мрамора, иногда даже колонны, похищенные в каком-нибудь древнем языческом храме, вековые дубы и ели, металлические брусы и балки и не покладая рук рубил, строгал, буравил, тесал, ковал, лил, полировал, рыл, складывал, штукатурил, красил, рисовал, расписывал, ваял, так что с наступлением утра первый луч солнца уже зажигал на башнях яблоки из превосходного полированного золота и отражался в художественной живописи огромных стрельчатых окон. И уж за такую постройку нечего было бояться, что через год или два в ней обрушится потолок или обвалится стенная штукатурка. Единственно, от чего дьявол систематически уклонялся, это — увенчать свое здание крестом. Да и то один адский архитектор умудрился и выстроил для шведского короля Олафа Святого высочайший собор с крестом. Но однажды святой король, поднявшись на кровлю собора, с ужасом увидел, что то, что снизу кажется людям крестом, в действительности — золотая фигура коршуна с распростертыми крыльями.

Все это требовало от дьявола не только высочайшего гения, ловкости и энергии, но и, так сказать, мускульной силы, по-

истине чудодейственной. Следы этой силы рассеяны по всему миру. В Европе нет страны, где бы не лежало какого-нибудь валуна, принесенного дьяволом с отдаленных гор, чтобы раздавить келью какого-либо святого монаха, да по келье-то он промахнулся, а камень так и остался лежать где не надо. А то покажут вам огромную скважину в горе: это черт прошиб, обозлился на что-то, работая в своей подземной кузнице, и швырнул молот в потолок, так вот это от этого. Решительно повсеместно ставились на счет дьяволу эрратические камни, занесенные доисторическими ледниками на десятки и сотни верст от своих гор, а там, где они есть, также и друидические камни. На острове Коневец, что на Ладожском озере, черт не только приволок откуда-то громадный Конь-камень, но еще и развел в нем целую бесовскую колонию, благополучествовавшую, покуда св. Арсений⁹⁹ не разогнал чертей своими молитвами, и тогда они, стаяй черных воронов, улетели на финский берег, который с тех пор так и слывет «Чертовой Лахтой». Эта ладожская легенда любопытно сходится с мексиканскою о том, что, когда перестали поклоняться одному священному камню, из него перелетел в другой камень попугай, после чего стали поклоняться этому последнему камню (Тейлор).

Чудовищная сила сопровождается в дьяволе проворством и ловкостью величайшего акробата и фокусника. Еще Тертуллиан утверждал, что дьявол даже умеет носить воду в решете. На этой сверхъестественной ловкости дьявол обыкновенно попадает, когда хочет скрыть свою истинную породу, — забывшись, он непременно раскроет свое инкогнито, проделав что-нибудь такое, что далеко превосходит самые крайние пределы человеческих средств. Обыкновенно черт, когда берется возвести твердые стены, церковь или мост, в награду требует душу того, кто первый вступит в новое здание; но расчеты его обыкновенно не удаются. Так, однажды в двери возведенного им храма пустили прежде всех волка, и раздраженный черт бросился сквозь церковный свод и пробил в нем отверстие, которое потом — сколько ни заделывали — никак не могли починить.

Там, где однажды работал дьявол, человеческие средства бессильны и неприложимы. Если он оставил недоконченным здание, которое начал строить, — достроить уже нельзя. Рав-

ным образом вред, нанесенный дьяволом какому-либо зданию, уже никогда не поддавался исправлению, перестройке либо починке.

При всем своем непомерном могуществе дьявол не только может быть обуздан в своей дерзости, но и укрощен, приручен и даже поработан. Притом в самой природе есть условия и средства, в которых человек находит силу и защиту против дьявола, а дьявол слабеет и становится безопасен. Главнейшее из них — дневной свет. Все подвиги своего могущества дьявол обыкновенно совершает ночью. Днем, за исключением часа полуденного, он если и действует иногда, то далеко не с такою силою и дерзостью, как в ночи. Утренний же час для него совершенно несносен. Христианский фольклор не знает примера, когда бы Князь тьмы не бежал от первых лучей зари, от крика петуха, возвещающего утро, от благовеста к заутрени.

Запел петух... и смолкнувши бегут
Враги, не совершив ловитвы¹⁰⁰.

В этот час дьявольские силы настолько слабеют, что иногда, если почему-либо не успели убраться вовремя в свои адские бездны, они от этого даже погибают. Гоголь со всею художественною яркостью рассказал такой случай в насквозь народном «Вие»:

«Раздался петуший крик. Это был уже второй крик: первый прослушали гномы. И пуганые духи бросились, кто как попало, в окна и двери, чтобы поскорее вылететь; но не тут-то было: так и остались они там, завязнувши в дверях и окнах.

Вошедший священник остановился при виде такого посрамления Божьей святыни и не посмел служить панихиду в таком месте. Так навеки и осталась церковь, с завязнувшими в дверях и окнах чудовищами, обросла лесом, корнями, бурьяном, диким терновником, и никто не найдет теперь к ней дороги...»

Силач и насильник, Сатана тем не менее не только не чужд понятия о праве, но даже иногда является большим охотником становиться на почву юридических норм, в особенности договорных. Когда христианство коснулось Рима, не мог же такой юридический народ оставить без анализа права дьявола на

человека. Во II веке Ириней Лионский¹⁰¹ рассмотрел это право и доказал, что хотя оно не существует более, но существовало. Первородный грех законно предал людей в руки Сатаны. Чтобы законно выкупить человечество, не прибегая к насилию, Христос дал пролить свою кровь. Сатана, добившись безвинной смерти праведника, потерял ранее принадлежавшее ему право. Эта теория была встречена очень благосклонно и долго повторялась в духовной литературе, внушавшей, таким образом, своим неопитам, с истинно римской юридической настойчивостью, весьма понятную для них метафору, что они как бы вольноотпущенники Сатаны, выкупленные из его рабства Христом за великую цену. Сатана, конечно, ничего не имеет против признания законности его права в прошлом, но это не вознаграждает его за потерю того же права в настоящем и будущем. И, не признавая своего права уничтоженным, он, проиграв свой мировой процесс пред судом Высшей Справедливости, не удовлетворяется и апеллирует к бунту и мятежу, то есть требует удачи в «праве сильного». В этих опытах проходит вся его жизнь и деятельность. Ради них он устроил свое государство, свою армию, так точно копируя институты и устройство божественные, что заслужил от церковных писателей презрительное прозвище «обезьяны Бога». Церкви Христа он противопоставил свою собственную антицерковь и имел в ней своих служителей, свой культ и, по свидетельству Тертуллиана, свои таинства.

Глава четвертая

Дьявол-искуситель

Не надеясь более завоевать утраченное положение на небе, Сатана заботится об одном: остаться владыкою человечества и истребить из него следы Искупления, обратив землю во второй ад, а ее историю — в летопись скорби, греха и преступления. Лишенный общей, «оптовой», власти над человечеством, он обратился в мародера. Будучи не в силах опрокинуть Церковь, он ее расшатывает, выдергивая камни из ее стен, и иногда весьма фундаментальные. Пусть бодрствует

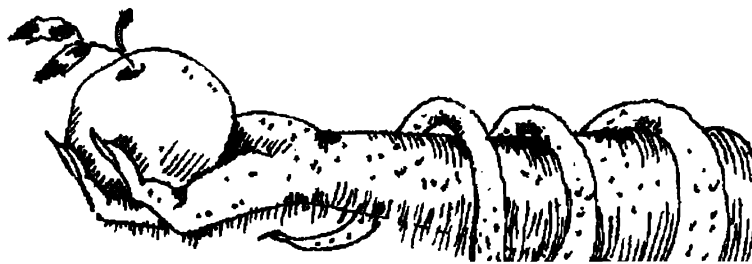
добрый пастырь и не спят псы его, Сатана, ходя вокруг стада, как сказал апостол, голодным волком или рыкающим львом, таскает овец с такою ловкостью, что из десяти едва уцелеет одна.

Сатана не может захватить душу, если раньше не испачкает ее и не развратит грехом, — но человеческая природа, хотя и искупленная, склонна к греху. Сатана не властен насилловать свободную волю, но в состоянии расставить ей сети. Он великий, неутомимый искуситель. Начав с Евы, он не остановился даже пред Христом. И массы, и отдельные люди становятся жертвою его искусства, и чем лучше и святее человек, тем лютее и хитрее нападает на него дьявол-искуситель. О людях, живших в миру, и говорить нечего: свет, светские люди, светские интересы, светскость — природное царство Сатаны, и не войти с ним в соприкосновение здесь так же трудно, как окунуться в море и не намочнуть. Но и уходя из мира, бежа из городов в пустыни и дебри либо отделяясь от мира монастырскими стенами, благочестивые спасатели душ встречали Сатану и там, да еще и более лукавым и жестоким. В свете он одолевал искушением по мелочам — вкрадчивым, постоянным, ежеминутно житейским. В пустыне искушение наплывало бурным натиском, подобно горячечному пароксизму. В свете оно было более внешним, в пустыне или затворе оно делало своим орудием самого человека — живую энергию организма, требующего нормального отправления физиологических потребностей.

Сатана зорко следил за каждым хотя бы малейшим поводом к грехопадению и быстро им пользовался. Если Бог приставил к каждому человеку ангела-хранителя, то Сатана точно так же приставил демона-искусителя. Ангел — справа, дьявол — слева.

«Василий Борисыч плюнул даже с досады. Да, забывшись, плюнул-то на грех не в ту сторону. Взъелась на него Виринея.

“Что плюешься?.. Что?.. Окаянный ты этакой! — закричала она на всю келарню, изо всей силы стуча по столу скалкой... — Куда плюнул-то?.. В кого попал?.. Креста, что ль, на тебе нет?.. Коли вздумал плевать, на леву сторону плюй — на врага, на дьявола, а ты гляди-ка что!.. На ангела Господня наплевал... Аль не знаешь, что ко всякому человеку ангел от Бога пристав-

лен, а от Сатаны бес... Ангел на правом плече сидит, а бес на левом... Так ты и плюй налево, а направо плюнешь — в ангела угодишь... Эх ты, неразумный!..» (П.И. Мельников-Печерский¹⁰². «В лесах»).

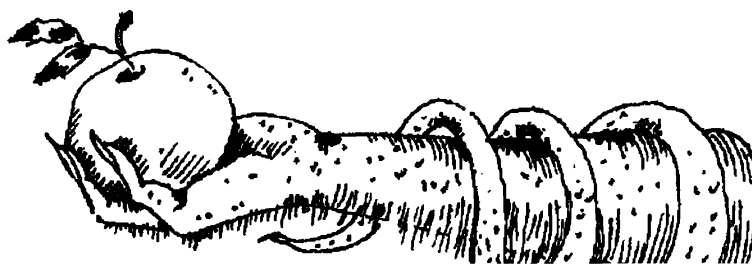
Искушению подвластны все люди, во всех возрастах и положениях, причем Сатана соответственно изменяет и характер, и энергию, и средства искушения, выказывая себя в приспособлении к своим жертвам тонким психологом и остроумным логиком. На святых он нападал с особенною силою по тому же рассуждению, по которому Бог больше радуется одному раскаянному грешнику, чем девяти праведникам. Обратное, соблазн монаха в демоническом мире ценится гораздо выше, чем величайшее зло, произведенное в обществе мирских людей. Об этом красноречиво свидетельствует следующая легенда. «Сказывал один из фивейских старцев: я был сын идольского жреца и, когда был еще мал, сидел в капище и неоднократно видал моего отца входящим в капище и приносящим жертвы идолу. Однажды я тайно вошел сзади его и увидел Сатану сидящего и все воинство, предстоящее ему. И вот один Князь демонский, подошедши, кланяется ему. Сатана говорит ему: «Откуда пришел ты?» — «Я был, — отвечает он, — в таком-то селе, возбудил там драки и большой мятеж и, произведши кровопролитие, пришел возвестить тебе». Сатана спросил его: «Во сколько времени ты сделал это?» — «В тридцать дней», — отвечал он. Сатана велел наказать его, сказав: «В столько времени ты сделал только это!..» Затем приходили еще два демона, сравнительно в короткое время натворившие также довольно много бед в мире, но Сатана был недоволен их медлительностью. Подошел еще один демон и поклонился Сатане. Сатана спрашивает: «Откуда ты пришел?» — «Я был, — отвечал он, — в пустыне; вот уже сорок лет имел я войну против одного монаха и в сию ночь низложил его в любодеяние». Выслушав это, Сатана встал и облобызал его, взял венец, который носил сам, возложил на главу его, посадил его на трон вместе с собою и сказал ему: «Великое дело совершил ты!»» (Тарновский¹⁰³.)

Не всякое время и не всякое место одинаково удобно демонам для искушения. Любимое их время, конечно, ночь, когда к людям подкрадывается усердный союзник дьявола — сон — и ослабляет волю и разум пред влиянием еще не погасших

в памяти впечатлений и воспоминаний дня. Отшельники боялись сна, как дьявольского наваждения, и считали необходимым спать как можно меньше.

Борьбе со сном, как губительным обаянием дьявола, посвящает весьма поучительные страницы «Житие» св. Феодосия Печерского¹⁰⁴ в Несторовой летописи, под 1074 годом: «Был же и другой старец, именем Матвей: был он прозорлив. Однажды, когда он стоял в церкви на месте своем, поднял глаза, обвел ими братию, которая стояла и пела по обеим сторонам на клиросе, и увидел обходившего их беса, в образе поляка, в плаще, несшего под полою цветок, который называется лепок. И, обходя братию, бес вынимал из-под полы цветок и бросал его на кого-нибудь; если прилипал цветок к кому-нибудь из поющих братьев, тот, немного постояв, с расслабленным умом, придумав предлог, выходил из церкви, шел в келью и засыпал, и не возвращался в церковь до конца службы; если же бросал цветок на другого и к тому не прилипал цветок, тот оставался стоять крепко на службе, пока не отпоют утреню, и тогда уже шел в келью свою. Видя такое, старец поведал об этом братии своей. Другой раз видел старец следующее. Обычно, когда старец этот отстоит заутреню, а братия, отпев заутреню, перед рассветом расходилась по келиям своим, старец этот уходил из церкви после всех. И вот однажды, когда он шел так, присел он отдохнуть под билом, ибо была его келья поодаль от церкви, и вот видит, как толпа идет от ворот; поднял глаза и увидел кого-то верхом на свинье, а другие идут около него. И сказал им старец: “Куда идете?” И сказал бес, сидевший на свинье: “За Михалем Тольбековичем”. Старец осенил себя крестным знаменем и пришел в келию свою. Когда рассвело и понял старец, в чем дело, сказал он келейнику: “Поди спроси, в келье ли Михаль”. И сказали ему, что после заутрени перескочил через ограду. И поведал старец о видении этом игумену и братии. При этом старце Феодосий преставился, и Стефан стал игуменом, а по Стефане Никон: все это было еще при старце. Стоит он как-то на заутрене, подымает глаза, чтобы посмотреть на игумена Никона, и видит осла, стоящего на игуменовом месте; и понял он, что не встал еще игумен».

Св. Пахомий¹⁰⁵ спал не иначе как сидя и молил Бога и ни-спослании ему бессонницы.

В бесконечном множестве и разнообразии искушений дьявол никогда не чуждается средств простых и грубых, действуя на психологию минуты. Бывшему богачу, как св. Антоний, искушения которого дали пищу стольким поэтам и художникам и вошли в пословицу, Сатана бросает под ноги слиток серебра, чтобы напомнить о покинутых богатствах. Изголодавшемуся св. Илариону¹⁰⁶ он подставляет вкусные кушанья. Св. Пелагею¹⁰⁷, бывшую антиохийскую актрису и куртизанку, когда она заключилась в келью на Масличной горе, дьявол дразнил любимыми ею прежде драгоценностями: перстнями, ожерельями, запястьями. Эти ложные признаки вещей исчезали так же быстро, как появлялись. Если простые средства не действовали, дьявол переходил все к более и более сложным, превращая смену галлюцинаций в великолепные спектакли ужаса, роскоши, смеха, сладострастия. Кому знакома великолепная поэма Густава Флобера «Искушение св. Антония», тому нечего искать других картин и примеров в «Житиях»: великий французский писатель выжал весь сок из идеи и из явлений искушения. Св. Илариона бес пугал волчьим воем, визгом лисиц, звери скакали и прыгали вокруг него, их сменяли сражающиеся гладиаторы либо умирающие, которые, корчась у ног святого, молили его о погребении. Однажды ночью его оглушили плач детей, блеяние стад, мычание быков, рыкание львов, вопль женщин — великий шум, как бы от военного лагеря. Едва он крестом прогнал это чудо, как вот новое: летит на него, при лунном сиянии, военная колесница, запряженная бешеными конями. Святой произносит имя Христово. Колесница проваливается сквозь землю.

Самыми тяжкими видами бесовского искушения были влечение любви, стремление в мир, духовная гордость и сомнение в вере.

Христианство прокляло плоть, покрыло позором любовь. Акт любви, олицетворенный в эллинизме самыми яркими и красивыми божествами Олимпа, христианство объявило зловредною гнусностью, Адамовым грехом, которого губительное влияние на человека парализуется только Искуплением и ишедшими от него таинствами. Безбрачие для христианина — состояние, гораздо выше брака, а целомудренное воздержание — одна из основных добродетелей. Для Лактанция

девственность — вершина всех добродетелей. Ориген, прозванный Адамантом, чтобы не упасть с вершины этой, собственной рукою лишил себя возможности к половому греху. Стоя на такой точке зрения, аскеты тратили лучшие свои силы на отчаянный труд борьбы с плотским вожделением, спеша гасить в себе — часто нечеловеческими усилиями — даже самомалейшую искру любовного пожара, душить хотя бы призрак, хотя бы темный намек страстного волнения. По мнению Вольтера, с равным успехом человек может добиваться того, чтобы у него не росли волосы и кровь не обращалась в жилах. В замечательном романе «Таис», принадлежащем перу Анатоля Франса, сильно, хотя и несколько театрально изображена эта страшная борьба с чувством, столь характерно определившая движение мысли в IV—VI веках нашей эры и давшая тон мировоззрению Средних веков. А. Франс взял сюжетом для своего романа случай, которого избегают «Жития святых», не замалчивая его, но и не любя о нем говорить подробно, — случай совершенного торжества искушения, полной победы любовного демона над устремившимся было к святости человеком.

Исторические судьбы аскетизма и, в частности, христианского монашества, — великий массовый пример того, как часты были в борьбе этой поражения человека и редки победы. Страх плотского искушения переходил в ужас и ненависть к женщине. В боязни любовной заразы затворники, после многих лет разлуки, отказывались видеть своих матерей и сестер. Спасало ли их такое острое отречение от двуполого мира, такое решительное заключение в свою однополость, которую стремились сделать бесполостью? Увы! Волосы не переставали расти, кровь обращалась в жилах, а идея женщины врывалась в аскетический мир такую бурною силою, что даже победители ее выходили из борьбы измученными и искалеченными. «О, сколько раз, — восклицает блаженный Иероним в письме к деве Евстахии, — уже будучи отшельником и находясь в обширной пустыне, сожженной лучами солнца и служащей мрачным жилищем для монахов, я воображал себя среди удовольствий Рима. Я пребывал в уединении, потому что был исполнен горести. Истощенные члены были прикрыты вретисцем, и загрязненная кожа напоминала кожу эфиоплян. Каждый день —

слезы, каждый день — стенания, и когда сон грозил захватить меня во время моей борьбы, я слагал на голую землю кости мои, едва державшиеся в суставах. О пище и питии умалчиваю, потому что даже больные монахи употребляют холодную воду, а иметь что-нибудь вареное было бы роскошью. И все-таки я, — тот самый, который ради страха геенны осудил себя на такое заточение в сообществе только зверей и скорпионов, — я часто был мысленно в хороводе девиц. Бледнело лицо от поста, а мысль кипела страстными желаниями в охлажденном теле, и огонь похоти пылал в человеке, который заранее умер в своей плоти. Лишенный всякой помощи, я припадал к ногам Иисусовым, орошал их слезами, отирал власами и враждующую плоть укрощал неядением по целым неделям. Я не стыжусь передавать повесть о моем бедственном положении, напротив, сокрушаюсь о том, что я теперь уже не таков. Я помню, что я часто взывал к Богу день и ночь и не прежде переставал ударять себя в грудь, как, по гласу Господнему, наставала тишина. Я боялся даже кельи моей, как сообщницы моих помышлений. Во гневе и досаде на себя самого, я один блуждал по пустыням. Где я усматривал горные пещеры, неудобовосходимые утесы, обрывы скал, — там было место для моей молитвы, там острог для моей окаянной плоти». Мейербер¹⁰⁸ пытался передать тяжкое состояние это красивою и довольно сильною музыкою к балладе «La Tentation» («Искушение»).

Весьма часто с целью плотского искушения дьявол сам принимал вид женщины и являлся в пустыню либо заблудившеюся красавицей, либо грешницею, ищущею покаянья, либо благочестивою девицею, жаждущею тоже приобщиться к аскетическим подвигам. По человеколюбии или слишком твердой уверенности в своей добродетели, пустынножитель принимал обманную деву в тесной своей келейке и обыкновенно в самом непродолжительном времени погрязал в грехопадении. Истории этого рода бесчисленны. В одной из них рассказчик, Руфин Аквилейский¹⁰⁹, отмечает, что демону мало уронить инока в запретнейший из грехов, — ему еще надо насмеяться. В рассказе его прельщенный заблудившеюся красавицей отшельник старался овладеть ею «наподобие бессмысленного скота». Но как только он заключил красавицу в свои объятия, демон исчез, а отшельник остался в смешной и непристой-

ной позе, которую Руфин, конечно, имеет добросовестность описать в деталях. В дополнение стыда, демоны, во множестве собравшиеся в воздухе, чтобы быть очевидцами скандала, подняли неистовый хохот, вопия к осрамившемуся пустыннонику: «Эй, ты, превозносившийся до небес! хорошо ли ты кувыркнулся в ад? Теперь ты понял, что значит — “кто возносится, тот унижен будет”?..» Печальное происшествие это так тяжело подействовало на отшельника, что, отчаявшись в своем спасении, он вернулся в мир, закутил, предался всяким злодействам и окончательно сделался добычей Сатаны. Руфин жалеет о его поспешности, замечая, что он мог бы омыть совершенный грех слезами раскаяния и вернуть себе прежнюю святость молитвою и постом. Едва ли надо говорить, что когда дело шло о соблазне святых жен, то дьявол прибегал к обратному превращению, то есть принимал вид прекрасного юноши. Таким оборотнем приходил он к св. Франческе Римлянке¹¹⁰ и очень ей надоедал.

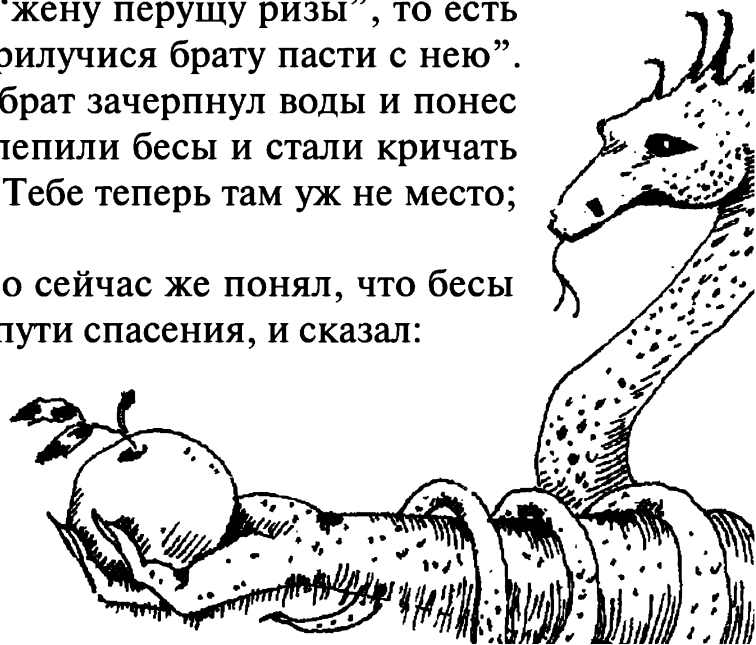

Гораздо чаще бес действовал проще и действительнее, насылая на отшельников визиты не призрачных, а настоящих женщин, охваченных похотливою шалостью — соблазнить праведника. Одна из таких легенд дошла из IV века в XX, чтобы в русском варианте превратиться в толстовского «Отца Сергия». В древлепечатном «Прологе», еще не отредактированном св. Димитрием Ростовским, было чересчур много подобных историй, которые Феофан Прокопович¹¹¹ относил впоследствии к разряду «пустых и смеха достойных басен».

Не всегда бесы, доведя подвижника до падения, повергали его в самоотчаяние: бывали люди крепкие, которые умели утешить себя в том смысле, что «сие есть не грех, но токмо падение». В «Прологе» же, под 21 мая, рассказывается, как «один брат вышел из скита на речку, чтобы почерпнуть воды, и вдруг заметил там на берегу “жену перуцу ризы”, то есть прачку, моющую одежды, и “прилучися брату пасти с нею”. По совершении же этого греха брат зачерпнул воды и понес водонос в скит свой, но его облепили бесы и стали кричать ему в уши: “Чего идешь в скит! Тебе теперь там уж не место; оставайся теперь с прачкой!”

Брат этим очень смутился, но сейчас же понял, что бесы этак хотят совсем отбить его от пути спасения, и сказал:

— Чего вы ко мне вяжетесь и для чего мне досаждаете! Я не хочу отчаиваться!»

Само собою разумеется, что, по мере того как аскетизм фанатический в течение веков перерождался в аскетизм лицемерный, плутоватые теории, что «сие есть не грех, но токмо падение», забирали все большую и большую силу и находили все усерднейшее применение. Но даже в самые поздние века аскетизма (например, в русском старообрядчестве XVII и XVIII веков) никогда не было недостатка в фанатиках, которые принимали искушения демона во образе жены совершенно серьезно и били, увечили или даже убивали чересчур ретивых своих поклонниц, вообразив их переодетыми бесами. Такой случай с насмешкою рассказывает в романе своем «В лесах» знаменитый расколовед П. И. Мельников-Печерский, автор, благодаря которому самое слово «искушение» вызывает ныне улыбку у читателя: так удался этому писателю тип молодого певца и начетника, благочестивого бабника Василия Борисовича, с постоянною поговоркою на устах: «Ох, искушение!..»

Но смешные анекдоты не уничтожают действительность, которая на этой почве порождала преступления без вины виноватых преступников, расправлявшихся с женщинами, повинными только в неуместной влюбчивости, со всею страшною свирепостью, какую мог накопить многолетне сдерживаемый гнев против лукавого беса, неуловимого вечного врага.

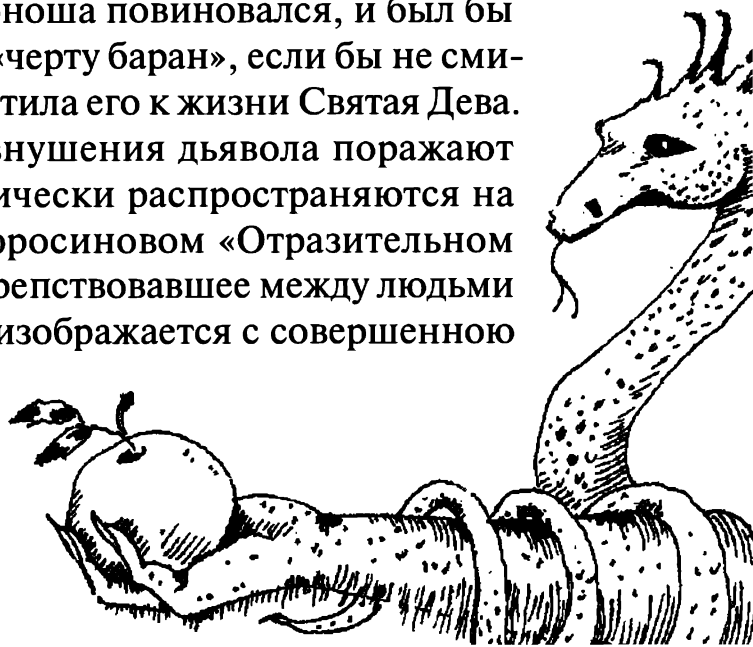
Чаще всего бес, искушая пустытника, не заходил в соблазнах своих до такого яркого реализма, как подсыл женщин или собственное воплощение в женщину, а довольствовался тем, что будил и раздражал желания, не находящие удовлетворения. По рассказу Григория Великого, дьявол однажды охватил таким сладострастным соблазном св. Бенедикта, но суровый подвижник справился с собой: разделся донага, лег в терновник и катался в нем, покуда колючие шипы не выгнали из тела наплыв адской страсти. Еще гораздо грознее вылечил себя другой инок в IV веке.

«Был, — читаем в Патерике, — в скиту один подвижник. Враг приводил ему на память женщину, весьма красивую собой, и сильно возмущал его. По смотрению Божию, пришел в скит другой брат, из Египта, и в разговоре упомянул, что

умерла жена такого-то. А это и была та самая женщина, которой соблазнился брат. Услышав об этом, брат взял ночью свой хитон и пошел в Египет, открыл гроб умершей, отер хитоном ее гниющий труп и возвратился с ним в свою келию. Он положил этот смрад возле себя и, сражаясь с помыслами, говорил: «Вот предмет, к которому ты имеешь похоть, он перед тобой, насыщайся!» Таким образом, он мучил себя этим смрадом, пока не кончилась его борьба».

Третье любимое искушение дьявола — возбуждение гордости и самодовольства — бывает причиной тех его явлений, когда он осмеливается брать на себя вид святых, ангелов, Девы Марии, Христа, Бога Отца. В предшествующей главе было рассказано, как в подобные сети бесы поймали Исакия, затворника Печерского. В монастырях хорошо знают это искушение и предупреждают новичков не вверяться его обману. Путем таких видений Сатана обыкновенно добивается от своих жертв страшного греха — самоубийства, к которому он некогда так неудачно убеждал Иисуса, предлагая Ему броситься с кровли Иерусалимского храма. Рассказывают об одном иноке по имени Эрон, который, пятьдесят лет прожив в пустынном монастыре, истязал плоть свою так сурово, что не ослаблял поста даже на Пасху. Однажды ему явился дьявол в образе ангела и приказал броситься вниз головою в колодезь, что Эрон немедленно и исполнил, рассчитывая, что останется невредим и чудо это явит перед всеми великую его святость. Но вместо того он страшно разбился, монахи едва могли его вытащить, и спустя три дня он умер самым жалким образом. Легенда относится к 1124 году. Губерт Ножанский¹¹² рассказывает плачевную историю юноши, к которому дьявол явился под видом апостола Иакова и приказал ему — в виде епитимьи за грех прелюбодеяния — сперва оскотиться, а потом перерезать себе горло. Богомольный юноша повиновался, и был бы он, как говорят о самоубийцах, «черту баран», если бы не смилостивилась над ним и не возвратила его к жизни Святая Дева.

Иногда самоубийственные внушения дьявола поражают не отдельные лица, но эпидемически распространяются на целые страны и народы. В Евфросиновом «Отрастительном писании»¹¹³ самосожжение, свирепствовавшее между людьми старой веры в конце XVII века, изображается с совершенною

определенностью делом ангелов тьмы, принявших вид ангелов света, чтобы вовлечь христиан в вечную погибель.

Но далеко не всегда кощунственные маскарады дьявола достигали своей цели. Однажды дьявол явился св. Мартину Турскому мужем в пурпурной тоге, с венцом на голове, в золотых сандалиях и сказал:

— Не узнаешь меня? Я Христос.

Но святой отвечал:

— Какой ты Христос! Христос не носил ни пурпура, ни венца, я знаю его только нагим, как был Он на кресте. А ты просто дьявол.

Ответ, по замечанию А. Графа, достойный того, чтобы призадумались над ним «наместники Христовы» — папы... Да и не они одни.

Гордец и возбудитель гордости, дьявол теряет свою силу, встречая отпор в смирении. В Патерике читаем: «Диавол хотел толкнуть Макария¹¹⁴, но не мог. И говорит ему: “Велика в тебе сила, Макарий, потому что я несилен против тебя. Если ты что делаешь, то это делаю и я. Ты постишься, а я совсем не ем, ты бодрствуешь, а я совсем не сплю. Одно только есть, чем ты меня побеждаешь”. Авва Макарий спросил: “Что же это такое?” Диавол ответил: “Смирение. И поэтому я несилен против тебя”». Проникнутый смирением, инок без труда отражал от себя искушение высокоумия. «Некому из братьев, — читаем в Патерике, — явился дьявол, преобразившись в ангела света, и говорит ему: “Я архангел Гавриил и послан к тебе”. Брат же сказал ему: “Смотри, не к другому ли ты послан; ибо я недостойн видеть ангела“. И дьявол тотчас стал невидим».

Исакий Печерский после злополучного своего видения тяжело болел, а потом долгим подвигом поста и смирения достиг того, что те же самые бесы, которые над ним насмеялись, приползли к нему в настоящем своем виде гадов и нечистых животных и покаялись: «Победил ты нас, — сказали наконец бесы». «Вы победили меня прежде, — отвечал им Исакий, — когда пришли в образе Христа моего и ангелов. Теперь, в подлинном своем виде, вы мне не страшны, вы точно гадки и злы».

Реже случалось, чтобы дьявол являлся искушать в своем собственном виде. Таков был он, искушая Христа. Десятки, если не сотни, художников пробовали свои силы над этим

сюжетом, одинаково находя камень преткновения как в лице Христа, так и в лице Сатаны. Самая известная картина — Ари Шеффера¹¹⁵ — балетна, а огненный дьявол нашего Репина¹¹⁶ хоть и оригинален, но надуманно груб. Св. Пахомий видел однажды ватагу чертей, которые тащили сухие листья и при-творялись, будто это им ужасно трудно. Это они рассчитывали рассмешить пустытника. Смех же был если не грехом, то началом греха.

Насколько бесоугоден смех, настолько же богоугодны слезы. Хорошие монахи никогда не смеялись, но часто плакали. Св. Авраамий Сирийский¹¹⁷ не проводил ни одного дня без слез.

Не всегда искушение дьявола направлялось на цели крупного греха. Весьма часто злой дух ограничивается как будто просто тем, что разобьет человеку молитвенное настроение, не даст ему сосредоточиться в благочестивом размышлении либо просто рассердит или выведет из терпения. Это дьявол повторяет гулким эхом слова читаемых молитв, заставляет чихать проповедника в чувствительнейшем месте его проповеди, это он назойливо муху садится десять раз на лицо засыпающего, покуда тот не обозлится и не обругается. У Лескова в «Очарованном страннике» это прелестно:

«Я соблазны большого беса осилил, но, доложу вам, — хоть это против правила, — а мне мелких бесенят пакости больше этого надокучили.

— А бесенята разве к вам тоже приставали?

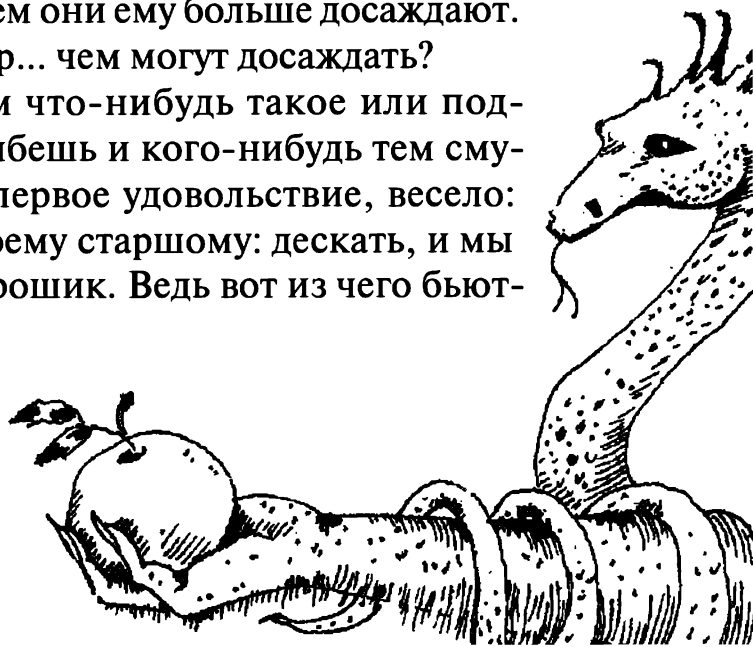
— Как же-с; положим, что хотя они по чину и самые ничтожные, но зато постоянно лезут...

— Что же такое они вам делают?

— Да ведь ребяташки, и притом их там, в аду, очень много, а дела им при готовых харчах никакого нет, вот они и просятся на землю поучиться смущать, и балуются, и чем человек хочет быть в своем звании солиднее, тем они ему больше досаждают.

— Что же они такое, например... чем могут досаждают?

— Подставят, например, вам что-нибудь такое или подсунут, а опрокинешь или расшибешь и кого-нибудь тем смутишь и разгневаешь, а это им первое удовольствие, весело: в ладоши хлопают и бежат к своему старшему: дескать, и мы смутили, дай нам теперь за то грошик. Ведь вот из чего бьются... Дети».

В скором времени «дети» едва не подставили «очарованного странника» под суд:

«На самого на Мокрого Спаса, на всенощной, во время благословения хлебов, как надо по чину, отец игумен и иеромонах стоят посреди храма, а одна богомолочка старенькая подает мне свечечку и говорит:

— Поставь, батюшка, празднику.

Я подошел к аналою, где положена икона “Спас на Водах”, и стал эту свечечку лепить, да другую уронил. Нагнулся, эту поднял, стал прилепливать — две уронил. Стал их вправлять, ан, гляжу — четыре уронил. Я только головой качнул, ну, думаю, это опять непременно мне пострелята досаждают и из рук рвут... Нагнулся и поспешно с упавшими свечами поднимаюсь, да как затылком махну, под низ об подсвечник... а свечи так и посыпались. Ну, тут я рассердился да взял и все остальные свечи рукой посбивал. “Что же, — думаю, — если этакая наглость пошла, так лучше же я сам поскорее все это опрокину”.

— И что же с вами за это было?

— Под суд меня за это хотели было отдать, да схимник, слепенький старец Сысой, в земляном затворе у нас живет, так он за меня заступился.

“За что, — говорит, — вы его будете судить, когда это его сатанины служители смутили”».

Но подобные искушения дьявола невинны только по виду. Дьявол бросает их в душу вроде маленького зерна, из которого должно вырасти развесистое дерево какого-либо крупного греха.

В древнерусском «Слове об иноце, молившемся Богу, дабы был, яко Иов или яко Исаак», к монаху, возгордившемуся до таких самонадеянных молитв, дьявол явился в виде воина и рече: «Молюся твоему преподобию, отче, помилуй мя гонима от некоего царя, и взем сия двести литр злата, и отроковицу сию, и отрочища, и оукрый оу себе, идеже веси; аз же, рече, идоу воину страну, идеже царь обрести мене не может». Монах после некоторого колебания согласился, «поругаем от беса. Поднех же неких влагает мниху рать (помысл) на отроковицу и растлити сию. Раскаяв же ся о прилучившемся ему, востав, оубив отроковицу. Глагола ему помысл: востав оуби и отрочища, яко да не повесть отцу своему бывшую вещь.

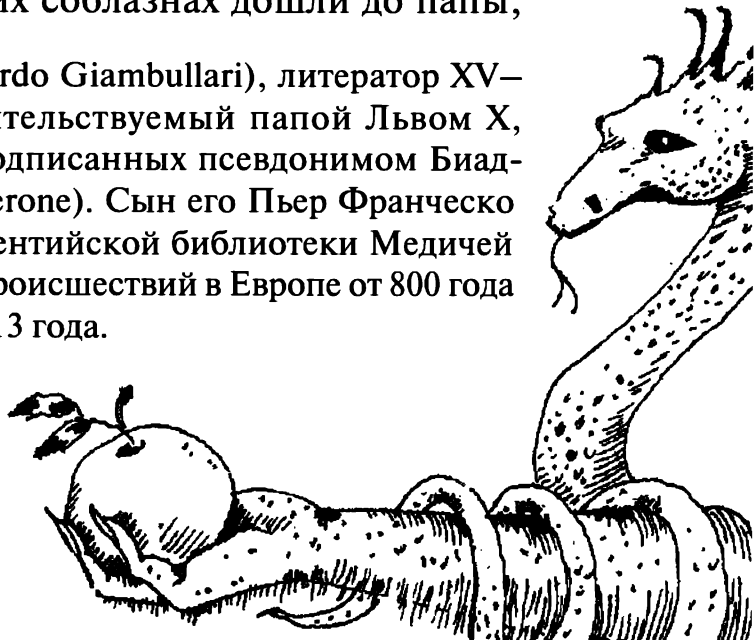
Востав же абие и оуби и отрочища. Рече же к нему помысл: взем врученное ти злато и бежи во ину страну, идеже воин не может обрести тя. Отшед же в некоую страну и созда себе от злата оного монастырь». Но воин-дьявол пришел требовать своих денег, выжил монаха из монастыря и заставил бежать в дальний город. Там грешный инок женился, вошел в честь и даже попал в полицеймейстеры (стал «рядником»), причем явил себя человеком страшно жестоким. Но воин-бес и тут его нашел, разжег корыстолюбивого князя в том городе на имущество «рядника» и, выставив против последнего прежние свои требования, довел монаха-рядника до виселицы.

Такого рода истории дают понятие лишь о самых четких способах искушения: дьявол в них дает греху лишь первый толчок, а до конца он уже сам докатится силою собственной тяжести. Но иногда планы дьявола удивительно сложны, тонки и дальновидны, и тогда он занимается ими с терпением и прилежанием, достойными лучшего применения. Вот история, весьма популярная в Средние века и записанная впоследствии Бернардом Джамбуллари*. Однажды дьявол, приняв вид младенца, добился того, что его взяли в монастырь, прославленный своей святостью. Аббат, добрый человек, дал ему образование. Мальчик учился с величайшею легкостью, был прекрасного нрава и вел себя так хорошо, что в монастыре не могли им нахвалиться. Когда мальчик вошел в возраст, он, к великой радости всей братии, вступил в духовное звание; а когда несколько лет спустя умер старый аббат, то — по единогласному избранию — настоятелем сделался его приемыш. Но в самом скором времени монастырь стал падать и ослабевать в уставе. Новый настоятель слишком сытно кормил братию, легко давал отпуска из монастыря и покровительствовал сношениям своих монахов с монахинями одной близ стоящей женской обители. Слухи об этих соблазнах дошли до папы,

* Бернардо Джамбуллари (Bernardo Giambullari), литератор XV—XVI веков, флорентиец, покровительствуемый папой Львом X, предполагаемый автор сонетов, подписанных псевдонимом Биаджо дель Капероне (Biagio del Carpegone). Сын его Пьер Франческо (1495—1564) был хранителем флорентийской библиотеки Медичей (Laurenziana) и автором «Историй происшествий в Европе от 800 года по 1200», доведенной, однако, до 913 года.

и он послал ревизорами двух монахов, прославленных святою жизнью. Очутившись под судом и следствием, дьявол предпочел снять многолетнюю маску и в один прекрасный день, при всем честном народе, провалился сквозь землю. В Дании, Германии, Англии одинаково известна история дьявола-монаха по имени Руус, Рёш или Рауш (Ruus, Rusb, Rausch): поступив в один монастырь поваром, он семь лет развращал аббата и братию отчаянным сводничеством, был принят в орден, и кто знает, каких бы еще мерзостей натворил, если бы не попался.

Черт настолько хитер, что иногда избирает для искушения дорогу, ведущую в сторону, как будто совсем противоположную тем целям, которых он достигает. Бывало, что, наметив своею жертвою какого-нибудь благочестивца, он не только не беспокоил его обычными своими светскими соблазнами, но, наоборот, старался изо всех сил укрепить его на аскетической дороге, внушал ему преувеличенно молиться и умерщвлять плоть свою и даже просвещал его совершенным знанием Священного Писания, пример чего можно видеть в жизни св. Норберта, епископа Магдебургского¹¹⁸. У нас в России подобное же рассказывает Патерик Печерский о св. Никите¹¹⁹.

«Явившийся в виде ангела дал ему совет оставить молитву и заниматься только книгами, а на себя принял молиться за него и молился в виду его. Скоро стал Никита прозорливым и учительным. Он послал сказать Изяславу: “Ныне убит Глеб Святославович в Заволочье, пошли скорее сына твоего Святополка на новгородский престол”. Как сказал он, так и исполнилось. Князь Глеб точно был убит в 1078 году мая 30 дня. Это оправдавшееся прозрение обратило внимание всех на Никиту: князья и бояре стали приходить к нему, чтобы слушать наставления его и предсказания. Никто не мог сравниться с ним в знании книг Ветхого Завета: он знал их на память, но книг Нового Завета он чуждался. По этой последней странности поняли, что он обольщен. Любовь отцов не могла быть равнодушною к несчастью брата. Игумен и подвижники печерские пришли к прельщенному брату и, помолившись, отогнали от него беса. Они вывели его из затвора и спрашивали о Ветхом Завете, желая что-нибудь услышать от него. Но он с клятвою уверял, что никогда не читал книг. Тот, который прежде знал

на память все ветхозаветные книги, теперь не знал ни слова, и отцы едва выучили его грамоте. С того времени он посвятил себя посту и чистому, смиренному, послушливому житию, так что превзошел добродетелями других подвижников» (М. Толстой¹²⁰).

Св. Симеон Тревирский¹²¹ рассказывает, что дьяволы заставляли его насильно служить мессу, будили его, поднимали с кровати, вели к алтарю, одевали в ризы, дабы он проникся сознанием своей святости и впал в грех гордости. И тогда бы бесы подстроили мнимому святому какую-нибудь такую ловушку, чтобы он оставил в ней все свои заслуги и, к собственному изумлению, оказался вполне заслуженной добычей ада.

Дьявол не имеет власти над свободною волею, но обладает всемогущею способностью волновать дух всевозможными эмоциями и отравлять память человека незабываемыми впечатлениями. Тонкий знаток каждого, к кому он приближается, он всегда во всеоружии, чтобы слепить грех из собственных психических средств человека. Он всегда на ловитве душ. За это его зовут охотником, рыболовом, развратителем, вором, убийцею душ, а св. Иероним даже — пиратом, разбойничавшим на море житейском. Вся гигантская масса искушений, на которые ад способен, разделена между соответственным количеством дьяволов. Каждый порок имеет своего дьявола. Черти-инструкторы получают распоряжения от Князя тьмы и обязаны ему отчетом, и тем, кто мало успевает, достается от него круто. Благодарная тема эта не раз служила канвою для художественной сатиры. У нас, в русской литературе, — «Почта духов»¹²² Ив. Ан. Крылова, «Большой выход у Сатаны» О. И. Сенковского¹²³ и др.

Что касается отпора искушению, то богословы утверждают, будто искушение никогда не превышает сил искушаемого, и, следовательно, падение является результатом лишь небрежности и лени нашей воли. Но любопытно, что, искушая, дьявол сам иногда терял терпение и переходил от соблазна к насильственным действиям, так что сопротивляться искушению не всегда было безопасно. Цезарий рассказывает об одном юноше, которого дьявол долго соблазнял вступить с ним в любовную связь, но так как честный малый упорно отказывался, то разозленный черт схватил его за волосы, поднял

на воздух и ударил об землю с такой силою, что бедняга зачах и год спустя умер.

В высшей степени типичен в мучительстве, претерпенном богобоязненным юношею за верность целомудрию и божественной религии, заключительный аккорд пытки: что бес низверг его с высоты. Этот мотив бесконечно повторяется в легендах и признаниях одержимых демономанией истеричек и эпилептичек. Им полны протоколы старинных колдовских процессов, дневники современных психиатрических учреждений, а отсюда это впечатление смертоносного полета перешло в народную литературу, сказки, мистерии и т. д. В книге Луи Метерлинка¹²⁴ «Péchés primitifs» («Грехи изначальные»), имеющей своим предметом очерки по старобельгийскому искусству и фольклору, рассказывается, между прочим, «Прекрасная, чрезвычайно удивительная, истинная история Марикен из Нимега, которая больше семи лет жила с демоном, ее соблазвившим». Эта Марикен терпит от своего демона, имя которому Менен, всевозможные богопротивные понуждения, и когда Марикен остается столь же твердою в вере, свирепый Менен совершенно так же поднимает ее в воздух, «выше колоколен и домов», и сверху бросает ее на улицу, надеясь, что она сломит себе шею. Но Марикен падает в центр церковной процессии, к ногам своего дяди, благочестивого священника, и остается жива. По всей вероятности, в страшных губительных полетах, почти непременно представляющихся воображению эпилептичек-демономанок, иллюзионизируется память их действительного падения в момент припадка. Подобный же эпизод имеется в нашей русской «Повести о Соломонии Бесноватой».

Когда же, наконец, прекращает это коварное, вкрадчивое обаяние греха свою роковую власть над человеком? Мы знаем одно: святые от нее не только не были избавлены, а, напротив, подвергались нападениям даже больше, чем грешники. Выход был один: когда человек покорял все свои инстинкты и подавлял в себе всякую энергию, когда, в усердии постов, бичеваний, бдения, молитв, он убивал свою плоть, затемнял память, погашал воображение, оцепенял разум, когда внутри себя он заживо обретал безмолвие и неподвижность смерти, — тогда и искушение погасало, как пламя, потухающее потому, что ему

нечего больше сжигать. «Кто, как св. Симеон Столпник, простоял пятьдесят лет на капители колонны, тот вправе смеяться над всеми ухищрениями искушителя» (А. Граф).

Но многие ли достигли этого совершенства — обращения тела в камень и воли в полет как бы по одному узкому лучу, прямолинейно упирающемуся в однажды намеченную точку неба? Чаше бывали случаи, что великие аскеты на смертном одре все-таки еще просили окружающих женщин не прикасаться к ним, простодушно объясняя, что опасное дело приближать огонь к соломе.

Глава пятая

Козни дьявола

Неутомимый устроитель всех бед и несчастий человечества: войн, болезней, голодовок, катастроф всякого рода, — смутитель и отравитель частной жизни, профессиональный мучитель людей, Сатана есть величайший лжец и обманщик во Вселенной — *qualis rex, talis grex*¹²⁵, — и таковы же его подручники и подданные. Обманы дьявола бывали ужасны. Один средневековый летописец повествует, как однажды дьявол явился в еврейской колонии на острове Крит под видом Моисея и убедил уверовавших в него плыть с ним вместе в Обетованную землю. Но едва корабли, переполненные евреями, вышли в открытое море, как дьявол всех их утопил. Обещания и предсказания свои дьявол — преемник древних оракулов, в которых, впрочем, по мнению Церкви, он же пророчествовал под разными псевдонимами, — дает столь хитро и двусмысленно, что часто они обозначают совершенно иное и даже противоположное тому, чего ждет получивший обещание.

Иногда его обманы просто наглы и грубы: он щедро раздает своим поклонникам деньги, драгоценные камни, убирает стол их дорогими яствами, но в действительности это сухие листья, уголь, помет или что-нибудь еще хуже. Когда морока спадает, одаренные дьяволом всегда видят себя одураченными и попадают в скверные истории. На эту тему сложилось

множество легенд и сказок как народных, так и вдохновленных ими искусственных, до Гоголева «Проклятого места»¹²⁶ включительно.

«Ну, хлопцы, будет вам теперь на бублики! Будете, собачьи дети, ходить в золотых жупанах! Посмотрите-ка, посмотрите сюда, что я вам принес! — сказал дед и открыл котел.

Что ж бы, вы думали, такое там было? Ну, по малой мере, подумавши хорошенько, а? золото? Вот то-то, что не золото: сор, дряг... стыдно сказать, что такое. Плюнул дед, кинул котел и руки после того вымыл.

И с той поры заклил дед и нас верить когда-либо черту.

— И не думайте! — говорил он часто нам, — все, что ни скажет враг Господа Христа, все солжет, собачий сын! У него правды и на копейку нет!»

Когда человек вступал в договор с чертом, ему приходилось смотреть в оба, чтобы каждый пункт условия был яснее дня, ибо рогатый юрист мастерски привязывался к каждой недомолвке и двусмысленности и обращал ее в свою пользу. Знаменитый польский волшебник пан Твардовский¹²⁷, воспетый Мицкевичем в юмористической балладе «Пани Твардовская», чуть было не пропал из-за такого промаха. По контракту своему с дьяволом он должен был отдать свою душу аду в Риме. Понятно, что, заключив контракт, «польский Фауст» поклялся, что никогда нога его не ступит за римскую черту. Но он позабыл написать: *в городе Риме*. И вот однажды, когда Твардовский пировал в какой-то корчме, из кубка выскочил черт:

А, Твардовский?! Встретить братца
Мне приятно, дорогой!
Что? Со мной не хочешь знаться?
Мефистофель пред тобой!
Договором нас связала
В полночь Лысая гора.
Дней с тех пор прошло немало,
Рассчитаться б нам пора!
Клялся ты на коже бычьей,
Что спустя два года сам
В Рим придешь свершить обычай,
То есть выдашь душу нам.

Ад служил тебе исправно,
Не жалел ни чар, ни сил,
Семь годков ты пожил славно,
Но о Риме позабыл.
Шел ты в сеть путем незримым,
Не страшился здешних мест,
Глянь, корчма зовется «Римом»,
Так что, пане, под арест!»¹²⁸

Твардовский сумел выкрутиться из скверного положения, но многие другие контрагенты дьявола погибали в подобной ловушке. Между ними — папа Сильвестр II (Герберт): по тем же причинам, как Твардовский от Рима, он отлынивал от Иерусалима, но однажды, отслужив мессу, он увидел пред собою дьявола, который заявил ему, что придел, в котором он служил, носит название Иерусалима, а потому не угодно ли его святейшеству расплатиться по контракту? И уволок бедного папу в ад...

Впрочем, и помимо договоров с дьяволом подобные предсказания о месте смерти, разрешавшиеся трагическим каламбуром, сыграли печальную роль в жизни многих исторических людей.

Король Генрих.

Как называют комнату, в которой
Я в первый раз лишился чувств?

Варвик.

Ее
Зовут Иерусалимом, государь.

Король Генрих.

Хвала Творцу! там встречу я кончину;
Мне предсказали, помните, давно,
Что будто я умру в Иерусалиме;
Я думал все, что это в Палестине,
Но вышло иначе. Перенесите
Меня туда и положите там,
Чтоб Генрих встретил смерть в Иерусалиме.

Шекспир. Генрих IV.

Страсть Сатаны досаждать людям и всячески издеваться над ними доводит его до того, что он, подобно лисице, опустошает курятники или вдруг возьмет да выпьет в чьем-либо погребе все вино. Св. Маранда¹²⁹ бес донимал, стаскивая с него одеяло, св. Гудулу¹³⁰ — туша ночник, когда она стояла на молитве, св. Теодеберта — опрокидывая подсвечник (чего так не любил лесковский «очарованный странник»), св. Франческу Римскую — насыпая мух ей в воду для питья. Его дело — украсть у монаха рясу, запрятать молитвенник, набросать гадостей в суп. У монахов св. Дунстана¹³¹ он тащил решительно все со стола. Когда ученики св. Бенедикта строили монастырь, они никак не могли сдвинуть одного нужного им камня, потому что на нем сидел смеющийся над ними бес. Он уступил только вмешательству самого святого. Любимым же его издевательством — самым наглым и грубым, но, увы, довольно частым — было свести влюбленную парочку на запретное свидание и в момент преступных объятий связать их — на позор людской — в неразрывность (А. Граф).

Когда Гамлет колебался, убить ли ему дядю и отчима своего Клавдия в отмщение за убитого отца, в числе его сомнений было и такое:

Дух — мог быть Сатана; лукавый властен
Принять заманчивый, прекрасный образ;
Я слаб и предан грусти; может статься,
Он, сильный над скорбящею душой,
Влечет меня на вечную погибель.

Эта сила Сатаны над скорбящею душою отдавала во власть его всех меланхоликов, и оттого-то он был так страшен для святых, с их отвращением к веселости и любовью к скорби по человечеству.

Очень трудно выразить по-русски ту разницу между двумя видами бесовского воздействия на человека, которая в латинском языке коротко определяется словами *obsessio* и *possessio*. Первая обозначает предрасположение человека к атакам дьявола извне — собственно говоря, это высшая форма искушения. *Possessio* — одержимость бесом, бесноватость, проникновение беса внутрь человека. Гамлет, равно как и заливавшиеся

слезами святые, были жертвами *obsessionis*, но это не значит, что они были одержимы: напротив, философия и святость исключают возможность бесноватости.

На язык современной психиатрии *obsessio* можно перевести паранойей на истерической почве, с бредом преследования. Подверженный демоническому натиску человек страдал от демона, даже когда его не видал. Он чувствовал беса незримым в воздухе, и это злое присутствие его удручало и волновало, наполняло тревогою и страхом. Люди чувствовали себя в жизни как в лесу, полном свирепыми разбойниками, которые вот-вот выскочат из-за кустов и совершат неслыханные злодеяния. Уже говорено было о том, что присутствие демона наводит на человека тоску и страх. Маргарита не выносила Мефистофеля как человека и в конце концов узнала-таки в нем беса.

Мало-помалу незримое присутствие беса переходит в зримое. Он начинает пугать свою ослабевшую жертву, являясь ей в собственном виде или в какой-либо чудовищной метаморфозе. Великолепное изображение такого *obsessionati* мы имеем в тургеневском «Рассказе о. Алексея». Личному появлению беса может сопутствовать или предшествовать какой-либо специфический шум, обусловленный начинающимися галлюцинациями и иллюзиями слуха. Бесконечное число подвижников, начиная со св. Антония, слышало демонов ревущими, как львы, воющими, как волки, кричащими, как орлы, шипящими, как змеи. К келье св. Маргариты Кортонской¹³² они приходили петь похабные песни. Других осыпали дикими оскорблениями, свирепую бранью, ужасными угрозами. Измучив зрение и слух, дьяволы убегали, поразив на прощанье и обоняние, потому что оставляли по себе такой отвратительный запах, какого не в состоянии устроить никакая химическая обструкция на земле. Иногда бесы набрасывались на неодушевленные предметы, швыряя их и портя, чтобы нанести убытки хозяевам, но это их система — против мирян, так как для монахов, защищенных обетом нищеты, уроны собственности предполагаются малочувствительными. Поэтому в домашнем обиходе подвижников бес трогает неодушевленные предметы только тогда, когда чрез то может непосредственно повредить его душе или телу. Так, св. Авраамия бес лишил

крова, разрушив его келью, а в другой раз поджег под ним циновку. В трагедии Юлиуша Словацкого¹³³ «Лилла Венед», очаровательно смешивающей веселый юмор с величайшим патетизмом, все эти подвиги совершает от имени дьявола слуга св. Гвальберта, плутоватый Сляз.

Святой Гвальберт.

Мошенник, ты мне келью сжег.

Сляз.

Не я,

Сжег келью Дьявол... я же, честный отче,

Тебя искал, чтоб жалобу принес на Дьявола...¹³⁴

Пять лет подряд дьявол мучил св. Ромуальда¹³⁵, каждую ночь садясь ему на ноги. Святому Эгидию дьявол однажды вспрыгнул на плечи и так прицепился, что святой долго не мог его стрясти. Наоборот, бегинку Гертруду Аостскую¹³⁶ он носил по воздуху, равно как св. Франческу Римскую, которую вдобавок держал за волосы над жаровнею с раскаленными углями. Эту подвижницу он вообще мучил как-то особенно виртуозно. Так, однажды он неизвестно зачем привязал ее к полусгнившему трупу и катал по земле, как вязанку хвороста. Блаженную Христину Стоммельнскую¹³⁷ пачкал нечистотами. У св. Симеона Столпника Младшего¹³⁸ вырвал клоч бороды. Св. Эверарда¹³⁹ бил по лицу непрерывно день и ночь от Страстной пятницы до Троицына дня, то есть 52 дня подряд. Св. Николая из Флюэ опутал ежевикой¹⁴⁰. В свв. Романа и Лупициния¹⁴¹ и Дунстана швырял камнями. Св. Антония ватага дьяволов избила палками до полусмерти. На св. Ромуальда, когда он однажды запел какой-то особенно ненавистный дьяволам псалом, посыпались такие полновесные удары, что знаки их сохранились на всю жизнь. Св. Колету дьяволы не только били до беспомытства, но еще подбрасывали ей в келью трупы висельников. В Толентино хранилась, а может быть, и посейчас хранится узловатая дубинка, которою дьявол колотил местного святого Николая Толентинского¹⁴². Св. Иоанна di Dio («человека Божьего») ¹⁴³ дьявол не сконфузился избить в расцвете культурного и скептического XVI века!

От побоев черти переходят к угрозам против жизни — это испытали Франческа Римская, Моисей Эфиоплянин¹⁴⁴ и Катерина Шведская¹⁴⁵. Св. Вильгельма Роскильдского¹⁴⁶ черти чуть не сожгли в постели, св. Альферия¹⁴⁷; основателя знаменитого монастыря в Каве, спихнули с горы; пробовали удавить св. Антония Падуанского¹⁴⁸; на св. Доминика¹⁴⁹ уронили камень из церковного свода. Иногда безобразия дьяволов возмущали небесные силы, и они приходили на помощь мученикам, хотя, как замечает А. Граф, помощь эта в католических легендах похожа на вошедшую в поговорку помощь Пизы. Так, однажды дьявол — кстати, в Пизе же — бил блаженную Герардеску, таскал ее по земле, топил в Арно; наконец, когда не только жертва, но и мучитель выбились из сил, явились ангелы и, в свою очередь, побили дьявола. Можно себе представить, что претерпевала св. Христина Стоммельнская, которую мучили 200 тысяч чертей! Спасать русскую Соломонию Бесноватую святые явились только на одиннадцатый год ее невыносимых мучений и всяческого глумления и позора, каким «скверняху» ее демоны. Про одного священника в Кёльне Цезарий сообщает, что черти преследовали и тиранили его даже в отхожем месте. Вообще можно по пальцам пересчитать святых людей, которые никогда не были жертвами дьявольского забиячества и насилия.

Католические священники относят к области *obsessions* все так называемые медиумические явления. Замечательные наваждения этого типа терпел протопоп Аввакум.

«А егда еще я попом был, с первых времен, егда к подвигу стал касаться, тогда бес меня пуживал сице. Изнемогла у меня жена гораздо, и приехал к ней отец духовной; аз же из двора пошел во церковь по книгу с вечера глубоко ноши, по чему исповедывать больную. И егда пришел на паперть, столик маленький тут поставлен, поскакивает и дрожит бесовским действием. И я, не устрашася, помолясь пред образом, осенил ево рукою и, пришед, поставил ево на место. Так и перестал скакать. И егда я вошел в трапезу, тут иная бесовская игрушка. Мертвец на лавке стоял в трапезе, непогребеной; и бесовским действием верхняя доска раскрылась и саван стал шевелитца на мертвом, меня устрашая. Аз же, помолясь Богу, осенил мертваго рукою, и бысть по-прежнему паки. Егда же вошел

в олтарь, ано ризы и стихари шумят и летают с места на место: дьявол действует, меня устрасая. Аз же, помоляся и престол поцеловав, благословил ризы рукою и, приступив, их пошупал, а оне висят по-старому на месте. Аз же, взяв книгу, и вышел ис церкви с миром. Таково то бесовское ухищрение к человеку».

Грешники терпели от дьяволов при жизни много меньше и даже иногда получали от них любезности, но бывало и то, что еще заживо приходилось расплатиться за порочность свою, потерпев от дьявола чудовищные муки.

Всего опаснее было демонское искушение в смертный час. Тут уже дьявол не разбирал, кто грешник, кто святой. Он был уверен, что смерть — верное орудие, пред которым и святой спасует. Более того: по средневековой легенде, он простер дерзость свою до того, что присутствовал на Голгофе при распятии Спасителя, рассчитывая повторить искушение, с которым потерпел неудачу в пустыне. В виде хищной птицы он же уселся было на самый крест. Присутствие демонов у смертного одра человека решительно подтверждает в 858 году епископ Реймский и Руанский в письме к Людовику Германскому¹⁵⁰. Цели такого присутствия разнообразны. Во-первых, дьявол рассчитывает помешать раскаянию умирающего. Во-вторых, захватить душу, обреченную аду, на отлете и без всякого промедления. В-третьих, человеку, за душу которого предвидится большой спор с добрым началом, предложить в час смертного страха дьявольские свои услуги, за уже несомненную и бесспорную продажу души. В-четвертых, черти просто любили мучить людей предсмертным ужасом и отягчать агонию. Тысячи тысяч христиан испытывают, умирая, эту пытку, неизвестную людям античного мира, — что в смертный час комната больного переполняется угрожающими чертями, которые тянутся к одру его жадными когтями. В ожидании лютой борьбы за душу умирающего Фауста Мефистофель заранее окружает его всякою нежитью, а когда Фауст падает мертвым, вызывает к трупу его из ада целые полчища чертей. Умирающие часто не только видят дьяволов, но и вступают с ними в физическую борьбу: так было с Людовиком Благочестивым¹⁵¹, св. Катериною Сиенскою¹⁵² и множеством других. Русская художественная литература имеет для этого сильную картину: смерть дьявола Ахиллы в лесковских «Соборях».

«Ученый протопоп благословил умирающего, а Захария пошел проводить Грацианского и, переступив обратно за порог, онемел от ужаса:

Ахилла был в агонии и в агонии не столько страшной, как поражающей: он несколько секунд лежал тихо и, набрав в себя воздух, вдруг выпускал его, протяжно издавая звук: “у-у-у-х!”, причем всякий раз взмахивал руками и приподнимался, будто от чего-то освобождался, будто что-то скидывал.

Захария смотрел на это цепенея, а утлые доски кровати все тяжелее гнулись и трещали под умирающим Ахиллой, и жутко дрожала стена, сквозь которую точно рвалась на простор долго сжатая стихийная сила.

— Уж не кончается ли он? — хватился Захария и метнулся к окну, чтобы взять маленький требник, но в это самое время Ахилла вскрикнул сквозь сжатые зубы:

— Кто ты, огнелицей? Дай путь мне!

Захария робко оглянулся и оторопел, огнелицею он никого не видал, но ему показалось со страху, что Ахилла, вылетев сам из себя, здесь же где-то с кем-то боролся и одолел...»

Умирать при подобных условиях было жутко и трудно. Когда в 1524 году Доминик Капраника, епископ в Фермо, издал книгу, в которой собраны были из предшествующих веков наилучшие поучения на час смертный, то этот том под титулом «Ars Moriendi» («Искусство умирать») имел колоссальный успех и выдержал не менее изданий, чем в XIX веке «Как живут наши умершие и как мы будем жить по смерти» монаха Митрофана: одно из немногих русских сочинений, переведенных на все европейские языки.

Силою искушения дьявол преследует умирающего до последней минуты. В Лорето он ворвался к одному больному юноше, уже получившему от духовника напутствие из сей жизни в вечную, под видом женщины, в которую бедняга был страстно влюблен.

— Неужели ты покинешь меня, любовь моя? — вопил он, ломая руки.

Умирающий, видя отчаяние своей любовницы, собрал последние силы и твердо сказал:

— Никогда я не покину тебя, моя дорогая.

На этом слове он умер, а дьявол подхватил его душу и унес в ад. Это, очевидно, был очень нечестный черт. «Le diable amoueux» у знаменитого Казота¹⁵³, вынуждавший у любовника слова: «Я люблю тебя, мой дьявол!», был гораздо порядочнее. Он хотя прятал под масками то хорошенькой танцовщицы, то красивой собачки-болонки чудовищные формы получеловека-полуверблюда, но не скрывал своей дьявольской натуры и желал быть любимым в качестве подлинного дьявола, а не как заимствованный призрак женщины. Фламандская легенда о милосердной Жанне, обработанная мною в сатирическую сказку, повествует о девушке, которую дьявол поймал на жалости, показав ей сперва, каким он был до падения, а потом — каким отвратительным стал он теперь, и уверив доверчивую бедняжку, что своею любовью она приведет его к раскаянию, а следовательно, и возвратит ему прежнее великолепие...

В систему дьявола входило внушать умирающим, что грехи их превышают меру небесного долготерпения, что раскаиваться поздно и не стоит — все равно Бог не простит, потому что простить нельзя. Будя в памяти умирающего все совершенные грехи, дьявол легко доводил его до отчаяния, и в таком состоянии, равносильном вечному осуждению, уходил он в вечность.

Если дьявол знал наверное, что душа будет присуждена ему, он часто не стеснялся прикончить умирающего. Преподобный Беда¹⁵⁴ и Пассаванти рассказывают об одном английском рыцаре, которого, как скоро он на смертном одре отказался от исповеди, пришедшие два дьявола изрезали на кусочки: один кромсал его с головы, а другой — с ног. Цезарий упоминает о дьяволах-воронах, которые клювами вырывают у грешников душу из сердца. Это напоминает русские и германские сказки о воронах — железных носах и демонического Морского Ворона великолепной баллады Гейне. Галлюцинации предсмертного бреда необычайно часто показывают больших страшных черных людей с огненными глазами, воронов и коршунов, летающих по комнате, змей, висящих с потолка, жаб, скачущих по полу. Св. Григорий Великий рассказывает о юноше, которому в предсмертной агонии казалось, будто его раздирает ужасный дракон. Когда умирал папа Александр VI Борджиа¹⁵⁵, пришедший за ним дьявол прыгал вокруг него по мебели в виде обезьяны. Часто умирающие слышат ужасный

рев адских жерл, шум и грохот огромных котлов, стук молотков, звон цепей, звяканье клещей и других орудий пытки и отчаянный вой грешников.

Говорят, ему видение
 Все мерещилось в бреду:
 Видел света преставление,
 Видел грешников в аду:
 Мучат бесы их проворные,
 Жалит ведьма-егоза,
 Эфиопы — видом черные
 И как углие глаза,
 Крокодилы, змии, скорпии
 Припекают, режут, жгут...
 Воют грешники в прискорбии,
 Цепи ржавые грызут.
 Гром глушит их вечным грохотом,
 Удушает лютый смрад,
 И кружит над ними с хохотом
 Черный тигр-шестикрылат.
 Те на длинный шест нанизаны,
 Те горячий лижут пол...
 Там, на хартиях написаны,
 Влас грехи свои прочел...¹⁵⁶

Но гораздо более выгодною, чем напущение, была для беса одержимость (*possessio*). Если в первом случае дьяволы напоминают солдат, осаждающих крепость, то во втором — солдат, которые взяли крепость, перебили гарнизон и сами стали гарнизоном. Жертва напущения, как бы ни мучилась, сохраняет волю. Одержимый или бесноватый воли лишается. Он творит волю беса, в нем сидящего, пропитавшего собою и тело его, и душу, так что последняя, если заклинания Церкви не освободят ее от демонской власти, непременно должна пойти в ад.

Выше было уже говорено, что вселение дьявола в душу — трудно понимаемый процесс и загадка. Св. Ильдегарда¹⁵⁷ утверждает, что дьявол не проникает в душу собственным своим существом, но только помрачает ее своею тенью, наподобие того, как при лунном затмении Луна погружается в тень, бросаемую Землей. Но это мнение не было популярно. Больше

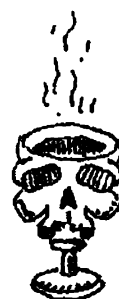
верили в действительное проникновение и смешение двух духовных начал. Процесс вселения осуществлялся иногда с молниеносной быстротой. Чтобы ворваться в слабо защищенную душу, дьяволы пользовались не только малейшим вольным грехом, но всякою невнимательностью, введившею в грех невольный. Дитя хочет пить. Дьявол подсовывает ему кружку воды и сам в нее ныряет. Бедное дитя пьет, позабыв перекреститься, и вот — бес уже в нем. Это рассказ св. Цельза¹⁵⁸. Св. Григорий Великий знал монахиню, съевшую демона в листке латука. Если человек жил во грехе, от бесноватости не могли его спасти никакие святые прибежища.

Все некрещенные предполагались одержимыми бесом с момента рождения. Видали, как бес выходил у них из уст в момент, когда их погружали в купель или возливали на них освященную воду. Это весьма наивно увековечено на старинных картинах. Поэтому недоконченное или неправильно совершенное крещение было тяжким преступлением, потому что влекло за собою ужасные последствия для крещаемого, оставляя его во власти дьявола. Так, наша знаменитая демонанка XVII века Соломония Бесноватая очутилась во власти «чернородных демонов», потому что была крещена пьяным попом, который «половины крещения не исполнил». Любопытное народное поверье рассказал Лажечников в «Ледяном доме». Муж трудной роженицы скачет к попу «за молитвою». Поп сам не поехал, а прочитал молитву «в шапку» мужику: поезжай, мол, и вытряси над женою. На обратном пути мужик встретился с чертями в виде проезжих, которые так раздражили его, что он в сердцах сорвал с себя шапку и швырнул ею в своих обидчиков. Чертям только того и надо было. Молитва, начитанная попом, из шапки вылетела, а бесы вселились на ее место. Злополучный мужик, не подозревая коварного подмена, добросовестно вытряс шапку над женою и сам вселил таким образом легион чертей как в жену, так и в новорожденную дочку... Массилиане, еретики IV века, постоянно плевали, чтобы выплевывать как можно больше дьявола, которого предполагали внутри себя. В «Откровениях» св. Бригитты говорится, что дьявол сидит в сердце человека, как червь в яблоке, в детородных частях, как кормчий на корабле, между губ, как стрелок с натянутым луком. Таким образом, даже и у крещеных тело

давало много приюта дьяволу. Когда бесноватость поражала человека не сразу, а постепенно, проходя предварительно как бы некоторый инкубационный период, то местом для последнего, как признался в том папе Льву IX¹⁵⁹ сам дьявол, было тело. Засев в нем, дьявол сперва одолевал его ленью, обжорством, сонливостью, а уже потом бросался в душу. Все это узнавалось легко, так как дьявол на вопросы заклинателей обыкновенно называл свое имя и указывал причину и способ, как он вселился в свою жертву. Вероятно, именно поэтому многих бесноватых легко излечивали не только молитвы и заклинания, но и хороший прием слабительного и диета или, напротив, улучшение в пище.

Вселяться могли бесы как одиночно, так и множеством. О легионе бесов, исшедшем из одержимого в стадо свиное, мы знаем еще из Евангелия. Григорий Великий рассказывает об одной даме, которая, будучи должна присутствовать при освящении храма Св. Себастьяна, была столь нечестива и неосторожна, что в ночь перед тем увлекла мужа к любовным ласкам. Едва она вошла в храм, как ею овладел бес, перешедший, однако, после заклинаний в одного священника, неизвестно чем повинного. Затем ее отвели домой и поручили долечивать ее каким-то плохим заклинателям, по неискусству которых в нее вселилось уже 6666 новых бесов! Отступила эта адская дивизия только пред молитвами некоего святого инок Фортуната. И наоборот, один дьявол мог вселиться в нескольких человек.

Один из пациентов протопопа Аввакума был наказан одержимостью за то, что соблудил с женою в праздник, а служанка его Анна подверглась мукам от бесов, влюбившись в своего прежнего господина. По Аввакуму, за малейшее нарушение церковных правил, иногда чисто мелочных внешних предписаний благочестия, за работу в праздник, за лень в молитве и т. д. насылаются на человека бесы. Бесы насылались и на самого Аввакума: раз за то, что он променял на лошадь книгу, данную ему Стефаном Вонифатьевым¹⁶⁰, в другой раз за никонианскую просвиру.

Одержимость проявлялась сложностью явлений, странно и чудесно наполнявших и изменявших как физический, так и психический строй человека. Замечались чудовищные из-

вращения физиологических функций, начиная с питания. На одних одержимых нападала сверхъестественная прожорливость. Так, историк Феодорит¹⁶¹ (V век) сообщает о бесноватой женщине, которая ежедневно поедала 30 штук цыплят. Другие страдали извращением аппетита и пожирали мерзости, которые, действительно, разве дьяволу могли быть по вкусу. Таков у Шекспира «бедный Том, что ест змей и ящериц, пьет стоячую воду, глотает крыс» («Король Лир»). Третьи, наконец, в противоположность первым, выражают глубокое отвращение к какой бы то ни было пище и без малейшего видимого вреда для себя остаются без всякого питания в течение многих дней.

Любопытный случай бесноватости, так сказать каталептической, сообщает из практики своей протопоп Аввакум. «Была у меня в доме молодая вдова, — давно уж, и имя ей забыл! помнится, Евфимиею звали, — ходит и стряпает — все делает хорошо. Как станет в вечер правило начинать, так ее бес ударит о землю, омертвевает вся и яко камень станет, кажется, и не дышит — растянет ее на полу и руки и ноги, — лежит яко мертва. Я “О всепетую” проговоря, кадилом покажу, потом крестом положу ей на голову и молитвы Великого Василия в то время говорю: так голова под крестом свободна станет, баба и заговорит; а руки, и ноги, и тело еще каменно. Я по руке поглажу крестом: так и рука свободна станет; я также по другой: и другая освободится так же; и я по животу: так баба и сядет. Ноги еще каменны. Не смею туды гладить. Думаю, думаю, да и ноги поглажу: баба и вся свободна станет. Воставше, Богу помолясь, да и мне челом».

Дьявол играет больным, как куклою. То увеличивает его силы во сто раз, то наводит на него обмороки и каталепсию, то поднимет его над землею и качает в воздухе, то швыряет на землю; перегибает пополам, ставит вверх ногами, скручивает клубком, заставляет вертеться волчком, кататься обручем, кувиркаться, извиваться, проделывать тысячи странных, диких, смешных и страшных движений. «Однажды, — рассказывает автор «Повести о Соломонии Бесноватой», — окаянные демоны пришли, когда была Соломония одна в доме отца своего, и стали ее бросать: один демон в тот угол дома, другой демон — в иной угол, третий демон — на полати, четвертый же — на

печь, и так мучили ее многие часы. И, взяв веревку, привязали за шею ее, вздели на веревку камень жерновный и положили на лицо и на грудь ей, и на столе прорезали дыру, и тут же повесили Соломонию к потолку дома. Соседи же, услышав, что с нею что-то случилось, рассказали отцу ее об этом, он же пришел и не увидел никого, лишь Соломонию, одну лежавшую и веревку на шее у нее, и камень, и стол. И не знала она, как оказалась внизу, и долго была словно мертвая от того мучения, и с трудом очнулась». Демоны заставляют жертву свою лаять собакою, мычать быком, каркать вороном, шипеть змеею, вопить, как душа в аду, и часто выбрасывают через рот одержимого знаки своего присутствия: огонь и зловоннейший дым. Все эти симптомы, за исключением последнего, угасшего вместе со Средними веками, можно и сейчас слышать на сельских храмовых праздниках от кликуш, а в клиниках — от истеричек и эпилептиков.

Одни одержимые, в когтях дьявола, быстро приобретали тощий вид, как бы остекленные глаза, землянистый цвет лица, худобу и дряблость тела. Других, наоборот, дьявол сохранял в самом цветущем виде.

Резко изменялась психика больного. Он совершенно терял свою личность и находил ее лишь изредка, в светлые промежутки, да и то очень слабо, безвольно. Вместо одной души в нем сидело теперь несколько душ: своя плюс то количество демонов, которое в нем уместилось. Вместо целой волевой личности получалось слияние двух, трех, десятков, сотен, тысяч, чуть не миллионов волей, в потоке которых воля больного расплывалась, как дробь с подавляюще громадным знаменателем.

Бесноватые обыкновенно проявляли глубокое нравственное развращение, которое в Средние века определялось прежде всего неуважением к религии. Они хулили Бога, Святую Деву и святых, смеялись над догматами веры и обрядами культа, выражали отвращение к таинствам Церкви, священникам. Будучи во власти отца лжи, одержимые обыкновенно отчаянно лгали, а иногда, наоборот, вдруг ни с того ни с сего начинали говорить правду, о которой их никто не спрашивал и которая даже шла прямо во вред дьяволу, в них сидевшему и говорившему их устами. Так, одни одержимые весьма крас-

норечиво проповедовали против идолопоклонства и ересей; другие указывали, где найти такие-то и такие-то еще неизвестные мощи; третьи обличали тайные пороки и таковые же добродетельные деяния своих ближних; четвертые сами называли лицо, которое в состоянии выгнать из них Сатану. Не надо думать, чтобы одержимость соединялась непременно с атеизмом или вольномыслием, — напротив, ей весьма часто подвергались люди вполне религиозные и даже ханжи, сохранявшие свое святошество даже на фоне своих бесовских припадков.

Умственные способности бесноватых то понижены, то приподняты и обострены; одни одержимые немели, как рыбы, другие становились невероятно болтливы. Бесчисленное множество их говорило на языках, которых они никогда не изучали. Другие получали прозорливость и открывали самые сокровенные тайны, указывали, где искать потерянные либо украденные вещи, рассказывали события, происходящие в дальних странах, как будто видели их своими глазами, иногда даже предсказывали будущее. О бесцеремонной их манере обличать грехи своих заклинателей было уже говорено. Непочтительность к недостойным заклинателям бес, как известно, проявил еще в апостольский век.

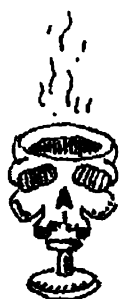
«Даже некоторые из скитающихся Иудейских заклинателей стали употреблять над имеющими злых духов имя Господа Иисуса, говоря: заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует. Это делали какие-то семь сынов Иудейского первосвященника Скевы. Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто? И бросился на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, убежали из того дома» (Деяния Апостолов, XIX: 13–16).

В русской старине заклинания бесов подробно и с наивною простотою глубокой веры описаны протопопом Аввакумом, много их практиковавшим. По его словам, бес выходит из-под власти заклинателя, как скоро этот последний не чувствует себя в момент заклинания безупречным от греха, хотя бы и не весьма значительного. Так как в Московской Руси нравственный уровень духовенства стоял очень невысоко, то почти каждая практика заклинателя сопровождалась скандалами

бесов-сатириков и обличителей. «Ох вы, пожиратели! — кричал попам дьявол, бушевавший в Москве у Спаса на Куличках. Ну, где вам справиться со мною? Сами пьяны, как свиньи, а хотели меня выгнать...» Дьяволы, которые одержали Соломонию Бесноватую, также наговорили неприятных правд попам, явившимся их заклинать из Устюга Великого, привели духовенство в стыд и заставили замолчать.

Одержимость была распространена между женщинами гораздо больше, чем между мужчинами. Иногда она распространялась как заразная болезнь, эпидемически. Первый бесноватый или бесноватая становились очагами, разливавшими вокруг себя адское пламя, и в короткое время оно охватывало целые деревни, даже округа, а еще чаще монастыри, и в особенности женские. Достаточно вспомнить общеизвестный религиозно-политический процесс урсулинок в Лудене, в котором кардинал Ришелье свел свои счеты со священником Урбеном Грандье, отправив его на костер как волшебника, вселявшего Сатану. Это дело XVII века особенно громко только потому, что оно было уже из последних, и гуманность века была возмущена несправедливостью и наглым цинизмом, с которым Ришелье эксплуатировал в свою пользу пережитки уже разрушенного суеверия. Раньше же подобные эпидемии насчитываются десятками случаев. Интересующиеся могут найти их, — чтобы не рыться в старинных книгах, сохранившихся только у любителей, да в национальных и академических библиотеках, — у Кальмейля¹⁶², в его классическом труде «De la folie etc.». Сочинение это, при всей устарелости своих психологических взглядов и психиатрических методов, остается наиболее полным как исторический свод и обзор демономанической казуистики.

Одержимый не мог освободиться от этой своей одержимости сам собою; необходимо было, чтобы ему пришел на помощь кто-нибудь другой. Операция освобождения от дьявола называлась заклинанием, экзорцизмом. Церковь поощрила ее, обратив практику заклинания в своего рода клерикальную профессию и учредив для нее специальный орден экзорцистов. Профессия эта была трудная и сопрягалась с большими опасностями. Часто дьявол, выйдя из бесноватого, входил в изгнавшего его экзорциста. Это слишком понятно психи-

атрам и врачам нервных болезней: никто из медиков с такой легкостью не переходит из врачей в пациенты, как они.

Одержимость могла быть острого характера и протекать в более или менее короткий срок. Могла тянуться хронически и заполнить собою всю жизнь человека, как, например, маялась св. Евстахия Падуанская¹⁶³. Дьявол всегда выходил неохотно, старался задержаться в теле как можно дольше и даже, будучи вытеснен, старался на прощание повредить и испугать. Часто он испускал при этом ужасные вопли, вышибал двери, пробивал потолок, разрушал каминную трубу либо, оставив человеческую жертву свою полумертвою на земле, внедрялся в быка, барана или другого домашнего животного. Бывало и так, что бесноватость не кончалась переходом дьявола в животное, а, наоборот, дьявол из животного перекачывал в человека. Такой случай был в практике протопопа Аввакума с родным его братом. «Егда еще я был попом, духовник царев Стефан Ванифантьевич благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою Ефрема Сирина себя пользоваться, пропитая, и людей. А я, окаянный, презрев благословение отеческое и приказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке его, на лошадь променял. У меня же в дому был брат мой родной, именем Евфимей... Сей Евфимей лошадь сию поил и кормил, и гораздо об ней прилежал, презирая и правило многожды. И виде Бог неправду с братом в нас, яко неправо ходим по истине, — я книгу променял, отцову заповедь преступил, а брат, правило презирая, о скотине прилежал, — изволил нас Владыко сице наказать: лошадь ту по ночам и в день стали бесы мучить, — всегда заезжена, мокра, и еле стала жива. Я недоумеюся, коея ради вины бес озлобляет нас так. И в день недельный после ужины в келейном правиле, на полунощнице, брат мой Евфимей говорил кафизму непорочную и завопил высоким голосом: призри на мя и помилуй мя! — и, испустя книгу из рук, ударился о землю, от бесов бысть поражен — начал неудобно кричать и вопить, понеже беси жестоко мучища его. В дому же моем иные родные два брата — Козма и Герасим... болши ево, а не смели ево держать; и всех домашних, человек с тритцеть, держа его, плачут пред Христом и, моляся, кричат: “Господи, помилуй!”». Бесы, напавшие на Евфимия, оказались чрезвычайно упорными. Три недели Аввакум «бился с бесами,

что с собаками», и не отступили они от Евфимия, пока протопоп не выкупил святую книгу.

Выходил бес то в своем собственном виде, то летучею мышью, ужом, черною птицею, то густым столбом зловонного дыма. Многие одержимые выздоравливали немедленно, как скоро удавалось вызвать у них рвоту, освободить кишки от ветров или слабительным прекратить запор. Настолько многие, что можно с уверенностью сказать: аптека и медицина сделали для искоренения бесноватости из мира не в одну тысячу раз больше, чем все экзорцисты вместе взятые. Впрочем, Джованни Перроне¹⁶⁴ в своих «Praelectiones theologicae» («Богословские лекции») весьма усердствует определить признаки, по которым можно точнее различить настоящую бесноватость от некоторых болезней, имеющих с нею общие черты. Эти комические усилия, до сих пор встречающие успех в известной среде, показательны в том отношении, как многим людям нравится искать в своей одержимости мистическую интересность, как до сих пор много охотников на земле скорее вообразить себя игрушкой сверхъестественной силы, чем жертвою недомогания того самого своего тела, которым сотни тысяч миллионов живут, но которое едва ли десятки тысяч хорошо знают.

Глава шестая

Наваждение дьявольское

Человек имел дьявола всегда рядом с собою, вечно настороже, всегда готового воспользоваться всяким случаем, чтобы вредить, мучить, надоедать. Каждое, самое простое явление житейское могло дать ему повод сделать зло.

Св. Григорий Турский¹⁶⁵ рассказывает о священнике Паникии, который однажды, обедая с друзьями, узнал дьявола в мухе, жужжавшей над его стаканом и хотевшей, по-видимому, нагадить в его вино. Опытный в этих делах, Паникий сразу смекнул, в чем штука, и знамением креста положил конец шутке. Но при этом (чудо!) опрокинул стакан, вино пролилось на пол, так что, по интриге дьявольской, бедняга-священник все-таки остался без выпивки...

Были несчастные, которых дьяволы осаждали своими шутками и каверзами не время от времени, но всю жизнь — ночью и днем, во сне и наяву. Любопытнейший пример такого злополучнейшего смертного — картезианец Рикальм, аббат Шёнтальской обители в Виртемберге. Этот почтенный муж сочинил или издал латинскую «Книгу о кознях, обманах и досаждениях, которые дьяволы делают людям». Это один из наиболее интересных дошедших до нас документов о верованиях Средних веков. Рикальм рассказывает о досаждениях, сделанных как ему самому, так и другим. Дьяволы, без малейшего уважения к его сану и возрасту, ругали его поганую волосатую мышью; пучили ему живот и бурлили в брюхе; причиняли ему тошноту и головокружение; устраивали, чтобы руки у него затекали так, что он не мог перекреститься; усыпляли его на клиросе и потом храпели, чтобы другие монахи соблазнились, думая, будто это он храпит. Говорили его голосом, вызывали в горле перхоту и кашель, во рту — слюну и потребность плевать, залезали к нему в постель, закладывали ему рот и нос так, что не вздохнуть, заставляли его мочиться, кусали его в образе блох. Если он, чтобы преодолеть искушение сна, оставлял руки поверх одеяла, дьяволы вталкивали их под одеяло. Иногда за столом они отнимали у него аппетит, и тогда помогало одно средство — проглотить немного соли, которой демоны боятся. Сода, пожалуй, пошла бы еще лучше. Шелест, производимый одеждою, когда человек движется, для Рикальма — жужжание дьяволов, равно как и всякий звук, исходящий из человеческого тела или вещественных предметов, за исключением колокольного звона: он — дело ангелов. Сипота, зубная боль, мокрота в горле, обмолвки в церковном чтении, бред и метания больных, тоскливые мысли и тысячи мелких движений души и тела — все это проявление дьявольского могущества. Вот — монах: слушает чтение, а сам мотает вокруг пальца соломинку, — это дьявольские сети. Все, что мы говорим хорошего, — это от ангелов, а все дурное — от дьяволов. Так что бедный Рикальм признается, что он уже не знает, когда же и что сам-то он говорит. Но он имел, по крайней мере, то преимущество, что слышал и понимал все разговоры дьяволов между собою, так как, вместо того чтобы говорить на языке, неизвестном Рикальму, они упорно гово-

рили по-латыни и старались выражаться правильно. Поэтому Рикальм всегда заранее знал о всех их заговорах и уловках, на что дьяволы очень жаловались. Чтобы защититься от нападений адского воинства, Рикальм крестился с утра до вечера: закреплял лицо, грудь, рисовал крест на ладони левой руки большим пальцем правой и советовал закреплять все тело, куда только могут достать руки. Однако он признавался, что при огромном скоплении демонов крестное знамение иногда становится бессильным, подобно тому как сабля перестает быть защитой в слишком тесной толпе врагов. Этим же объясняется и слабость помощи человеку со стороны ангела-хранителя, хотя последний, как известно, никогда не покидает своего клиента. Дьявол, говорит Рикальм, в воздухе — что пылинок в солнечном луче; более того, самый воздух есть род дьявольского раствора, в котором утоплен человек. Можно также сказать, что дьяволы одевают собою человека, как панцирь черепахе, или что они облепляют его, как слой пепла. Один монах, будучи еще послушником, видел однажды после повечерия, как с неба падал целый дождь дьяволов, образуя бурный поток, катившийся по монастырской площадке. Адский ливень длился до тех пор, покуда послушник не прочел целиком четыре раза псалом. Таким образом, каббалисты, поручавшие каждого человека 11 тысячам чертей, были еще милостивы. Дьявол угрожал человеку отовсюду: спереди, сзади, сверху. К анахорету Гутлаку они наползали в келью через замочную скважину.

По учению некоторых гностиков, природа есть творение проклятых ангелов, материя — зло, противоположение божеству. Альбигойцы проповедовали то же самое. Не достигая такой категорической крайности, средневековый католицизм приближается к этим мыслям, поскольку он считает всю природу после грехопадения прародителей как бы оскверненной и павшею во власть Сатаны. Природа одержима бесом; дух Сатаны наполняет и покоряет ее. Для монаха, затворившегося в монастыре своем, она — предмет смутного ужаса, мало-мало что не сплошной лагерь бесчисленных врагов. Непроходимые дебри и мрак чащ лесных, грозные вершины горы, огромная скала, повисшая над пропастью, угрюмые, черные долины, озеро, недвижимое среди утесов или векового бора, бешеный

поток, который, ревя и пенясь, разрушает ложе свое и вворачивает обломки, — все это для монашеского мирозерцания декорация громадной сцены, за кулисами которой стоит черт и строит свои козни. Нет ничего удивительного, если в Средние века, придавленные демоническим мирозерцанием, почти угасло так называемое чувство природы. Полет грозных туч на небе, полог тумана над землей или морем, ливень, наводняющий реки, град, уничтожающий жатвы, водоворот, поглощающий корабли, — все это и жилище, и действие Сатаны. Он ревет в ветре, пылает в пламени, чернеет во мраке, воеет в волке, каркает в вороне, шипит в змее, прячется в плоде, в цветке, в песчинке. Он — всюду, он — душа вещей.

Но, сверх того, некоторые местности земли, казалось, были его излюбленными, и он с народом своим охотнее селился в них и властвовал над ними: пустыни, некоторые леса, вершины гор, кое-какие озера и реки, покинутые города, разрушенные замки, заброшенные церкви. Гервасий Тильбюрийский¹⁶⁶ рассказывает, что в Каталонии есть крутая гора, на вершине которой находится озеро почти черного цвета и недостижимой глубины, и на том озере — незримый для людей дворец, населенный дьяволами. Св. Кутберт¹⁶⁷ очистил от дьяволов захваченный ими остров Фарн. Основание многих монастырей начиналось тем, что с будущей их территории надо было прежде всего выжить черта, как старого землевладельца, причем он иногда был очень упрям и не сразу-то сдавался. В истории чудес св. Вильгельма Оранского¹⁶⁸ упоминается о реке, которую завладели дьяволы. Св. Сульпиций¹⁶⁹, еще будучи ребенком, пошел однажды ночью в одну разрушенную церковь и подвергся грубому нападению двух черных демонов, которые оказались хозяевами того места.

Не было места, куда не мог бы проникнуть и где не мог бы творить пакостей своих дьявол. Высокие и толстые стены и железом обитые ворота с крепчайшими засовами несколько не мешали ему врываться в монастыри; и даже самые церкви, по чину освященные, с постоянными в них службами, не были застрахованы от дьявольских вторжений. Где только селились монахи и монахини, там всегда объявлялась и огромная толпа разнороднейших дьяволов. Св. Макарий Александрийский¹⁷⁰ видел однажды множество маленьких дьяволов,

похожих на черных детей: они деловито расхаживали между монахами и искушали их, одни — поглаживанием век, чтобы сомкнулись сном очи слугителей Божиих, другие — запуская монахам пальцы в рот, чтобы иноки святые зевали. Петр Достопочтенный рассказывает о жестоких неприятностях, которые терпели от дьявола иноки аббатства Клуни. Цезарий повествует, что некий аббат Герман видел, как дьяволы выскакивали из стен монастырских, кружились по монастырю, смешиваясь с монахами, бегали в виде крошечных кроликов взад и вперед по хорам, выпускали искры либо клубились под сводами большими мрачными телами, с лицами пламенными, будто из расплавленного железа. Потрясенный подобными видениями, Герман молил Бога избавить его от них, что и было ему даровано, но глава демонов явился-таки ему еще раз, приняв на прощание вид огромного глаза, открытого и блестящего, величиною с кулак: совсем как Всевидящее Око, только полное соблазна и коварства. Все видит Бог — все видит и дьявол.

В скульптурах и картинах, украшающих церкви Средних веков, дьяволы изображены в бесчисленных образах и видах, отразивших те галлюцинации, когда монахам мерещились, быть может, в тех же самых церквях настоящие живые дьяволы. Во время службы они кувыркались пред алтарем, лазили по хоругвям, играли в прятки между скамеек, катались по полу, свисали с капителей, тушили свечи, опрокидывали лампы, подкладывали разные мерзости в кадила и даже подсовывали попу требник вверх ногами: вот до чего властна их дерзость! Чтобы развлечь внимание молящихся, они вмешивались в священные песнопения, нарочно фальшивя и козлогласуя самым смешным образом, подсказывая хористам самые непристойные и позорные обмолвки, либо на самом трогательном месте возьмут да и оборвут мехи у органа, и он, вместо величественного звука, пискнет, хрюкнет и замолчит. А тем временем демон Тутивилл¹⁷¹ собирает с уст молящихся каждую ошибку в чтении, каждый промах в произношении и вяжет из них узел, который он в свое время, в день судный, принесет и развяжет пред перепуганными душами. Девушек, одолеваемых грешными мыслями, и жен, не очень-то верных мужьям своим, демон-искуситель подстерегает у исповедаль-

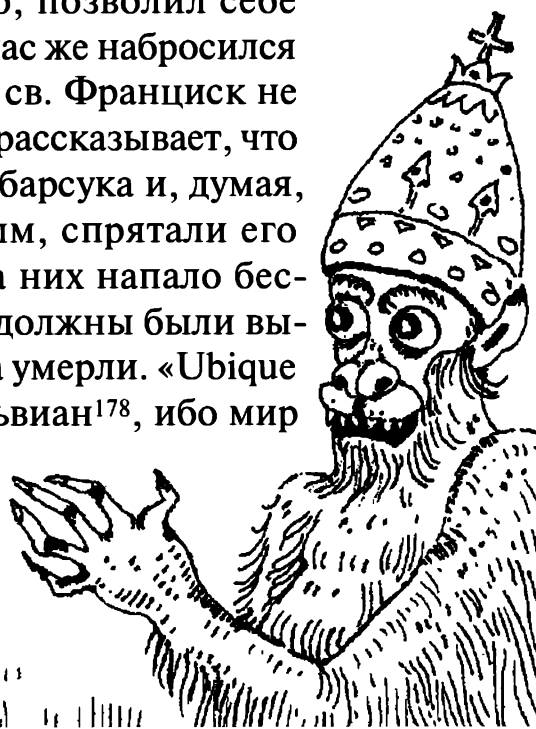
ных будок, нашептывая из-за темных колонн коварные советы лгать духовному отцу либо замолчать пред ним грех свой. Кто не вспомнит тут знаменитой сцены в «Фаусте» Гёте, когда злой дух овладел мыслями грешной Гретхен и — под погребальные звуки органа и грозного хора о «Дне гнева» — доводит ее до исступления, отчаяния и, наконец, обморока? Более того, бывало и так, что сам духовник, скрытый под капюшоном в глубине конфессионала, оказывался переодетым дьяволом и вместо слов увещания и прощения приводил кающегося в смертный грех отчаяния либо давал ему лукавые наставления, из которых истекал новый грех.

Все тот же Григорий Турский сообщает, как Епархий, епископ Альвернов, во времена короля Гильдебурта¹⁷² нашел однажды свою церковь полною демонов, и сам князь их восседал на епископском месте, в мерзостном виде публичной девки. Цезарий, со справедливым возмущением к произведенному соблазну, рассказывает, как дьяволы ворвались в одну церковь стадом грязных хрюкающих свиней. Было много «одержимых бесами» церквей. «Не ошибся, значит, — говорит Артуро Граф, — тот художник, который над порталом храма Notre-Dame de Paris поместил статую дьявола, опирающегося на парапет в удобной позе особы, которая совсем не стеснена тем, что забралась в место, для нее запретное, а, напротив, чувствует себя по-домашнему». Прав был и Лессинг¹⁷³, по замыслу которого не оконченный им «Фауст» начинался собранием демонов в церкви. В русских сказках черт нисколько не боится селиться в церкви и даже питается отпеваемыми в ней покойниками (см. выше приведенную сказку о Марусе). Валаамский игумен Дамаскин¹⁷⁴ любил рассказывать, как в молодости своей он видел дьявола купающимся в водах святого пролива у самых стен скита, в котором юный Дамаскин отбывал свое послушание.

Мир природы был вполне отдан в добычу дьявольского одоления. Но не лучше было и с миром человеческим. Сатана мешался во все исторические события, вызывая и поддерживая злые, мешая и препятствуя добрым. Он был крепким союзником сарацин как заклятых врагов христианства. Им изобретены дурные нравы и законы, роскошь и блеск, нечестивые зрелища, деньги, за которые все продается и покупа-

ется. Он же, как известно, — «первый винокур». Скоморохи, шуты, купцы модных товаров — все это его подручные слуги. «Человек, вводящий в свой дом скоморохов и фокусников, — говорит Алькуин¹⁷⁵, — не подозревает, какая громадная ватага нечистых духов следует за ними». Пляска изобретена Сатаной. Древнерусское «Слово святого Нифонта о русалиях» (XIV век) утверждает: «...Как труба собирает воинов, так чтение книг ангелов Божьих собирает, а сопели и гусли собирают вокруг себя бесстыдных бесов, а любящий сопели и гусли сатану славит, а кто чтит и одаривает музыкантов — тот беса коварного одаривает». И в доказательство рассказывает видение св. Нифонта¹⁷⁶, как бесы, перепуганные церковным пением, ругали одного из князей своих Алазиона за бессилие против христиан. А он оправдывался: «Не печальтесь, не унывайте, я скоро так сделаю, что оставят христиане Иисуса и будут славить нас». В скором времени бесы встречают толпу, следующую за скоморохом (сопелником). Все это сборище, опутав одною веревкою, влечет за собой один бес. Какой-то богатый человек заставил скомороха играть и плясать и дал ему за это серебряную монету. Бесы немедленно выкрали монету и послали с нею одного из среды своей к Сатане: «Радуйся, отец наш! Это Алазион, князь наш, прислал тебе жертву, которую принесли наши враги — христиане, дав медных денег за игры...» «Взяв ее, сатана обрадовался и сказал: “Старайтесь, дети, чтобы росла наша жертва, и побеждайте христиан”».

Каждое ухищрение комфорта, каждое развлечение, хотя бы самое невинное на первый взгляд, могло стать для человека сетью дьявольскою. Однажды св. Франциск Ассизский¹⁷⁷, жестоко мучаясь головной и зубной болью, позволил себе преклонить голову на пуховую подушку. Тотчас же набросился на него дьявол и издевался над ним, покуда св. Франциск не отбросил подушку прочь. Губерт Ножанский рассказывает, что два охотника заповелевали демона под видом барсука и, думая, что имеют дело с обыкновенным животным, спрятали его в мешок и понесли домой. Но тотчас же на них напало бесчисленное множество демонов, так что они должны были выпустить своего пленника, а придя домой, оба умерли. «Ubique daemon! (Всюду демон!)» — восклицает Сальвиан¹⁷⁸, ибо мир

действительно умел открыть Сатану и в красоте, и в богатстве, и в таланте, и в науке: он грозно сиял в каждом пороке и умел скрываться за любую добродетелью.

При такой огромной и пестрой опеке над миром дьяволам редко случалось сидеть без дела. Их жизнь — непрерывная скачка по суше и по водам в поисках добычи, непрерывный труд провокации греха и подготовки удобной для него почвы. У дьявола всегда на руках тысячи затей ко вреду человечества. День и ночь вырываются из ада все новые и новые черти, один другого свирепей, все с новыми и с новыми затеями.

Ужас пред этим могуществом — необъятным, повсеместным, повсечасным — загипнотизировал Средние века: вся их история затемнена легшею на ней тенью дьявола. По одной арабской сказке, в той крайней и неведомой, полной чудес и опасностей части Атлантического океана, которая носила название Моря Мрака, — там, на горизонте, поднималась из грозных волн неизмеримо громадная черная лапа Князя демонов как страшное предостережение слишком отважным морякам. Так-то и в мире Средних веков, над городами, стеснившимися вокруг островерхих церквей, как стада вокруг пастырей, поднимается гордым знаком мрачного владычества страшная рука Сатаны. И ужас пред нею, переполняющий души, принимает формы и краски, и пластику в уродливых призраках, в мрачных легендах, созидавая целое искусство, заключенное в чудовищные образы и мучительную мысль.

В Средние века большая часть верующих управлялась ужасом пред Сатаной и страхом ада в гораздо большей мере, чем любовью к Богу и желанием рая. Тысячи способов и средств изобретались, чтобы воспрепятствовать могуществу великого врага и чтобы обмануть его ухищрения. Шли даже далее того. В попытках смягчить его свирепость смиренствовали пред ним, как бы пред богом с другой стороны — зловредным, но тоже всемогущим. Сатана получал молитвы, дары, жертвы. Французский бенедиктинец Петр Берсюир¹⁷⁹ рассказывает такую историю. Где-то в горах близ итальянского города Нурсии есть озеро, обитаемое демонами, которые хватают и похищают всех, кто приближается к их жилищу, кроме профессиональных колдунов. Вокруг всего города была выстроена стена, охраняемая стражами, обязанными следить, чтобы колдуны

не ходили к врагу с проклятыми книгами своих заклинаний. Ежегодно этот город должен был посылать в дань демонам живого человека, которого нечистые моментально разрывали на куски и пожирали. Для страшной жертвы выбирали, конечно, какого-нибудь злодея, присужденного к смертной казни. А если бы город уклонился от обычной дани и оставил демонов без жертвы, они опустошили бы Нурсию и даже, может быть, разрушили бы ее бурями.

Ужас к дьяволу поддерживала вера в близкое светопреставление, которая не раз прокатывалась по средневековому миру острыми вспышками, похожими на эпидемический психоз. А было известно, что на некоторое время, незадолго до конца мира, могущество Сатаны, с соизволения Божия, должно возрасти безмерно. Конечному торжеству добра должно было предшествовать такое переполнение мира развратом и всяческим злом, какого и не видано раньше на земле и самая пылкая фантазия не в состоянии вообразить. Сатана осужден на низложение и казнь, но побежден будет не прежде, чем даст последнюю и отчаянную битву Богу и его Церкви.

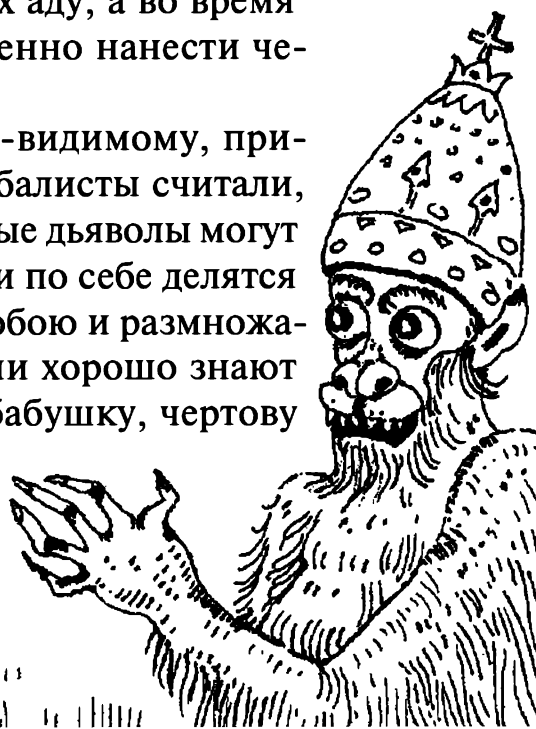
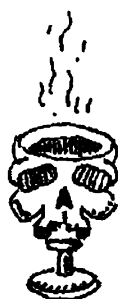

Глава седьмая

Любовь и дети дьявола. Инкубы и суккубы

Самым тяжким и вместе с тем наиболее известным явлением одержимости было соединение дьявола с мужчинами и женщинами рода человеческого в плотскую связь и рождение чрез то особой породы сатанинских существ, уже самым актом появления своего на свет обреченных аду, а во время земной своей жизни успевающих обыкновенно нанести человечеству жесточайший вред.

Способность любви и деторождения, по-видимому, признавалась за демонами вообще, так как каббалисты считали, что помимо мужских и женских форм, которые дьяволы могут принимать на себя как оборотни, они и сами по себе делятся на мужских и женских, сочетаются между собою и размножаются, как люди. Народные сказки Германии хорошо знают женщин-дьяволов, но всё старух: чертову бабушку, чертову

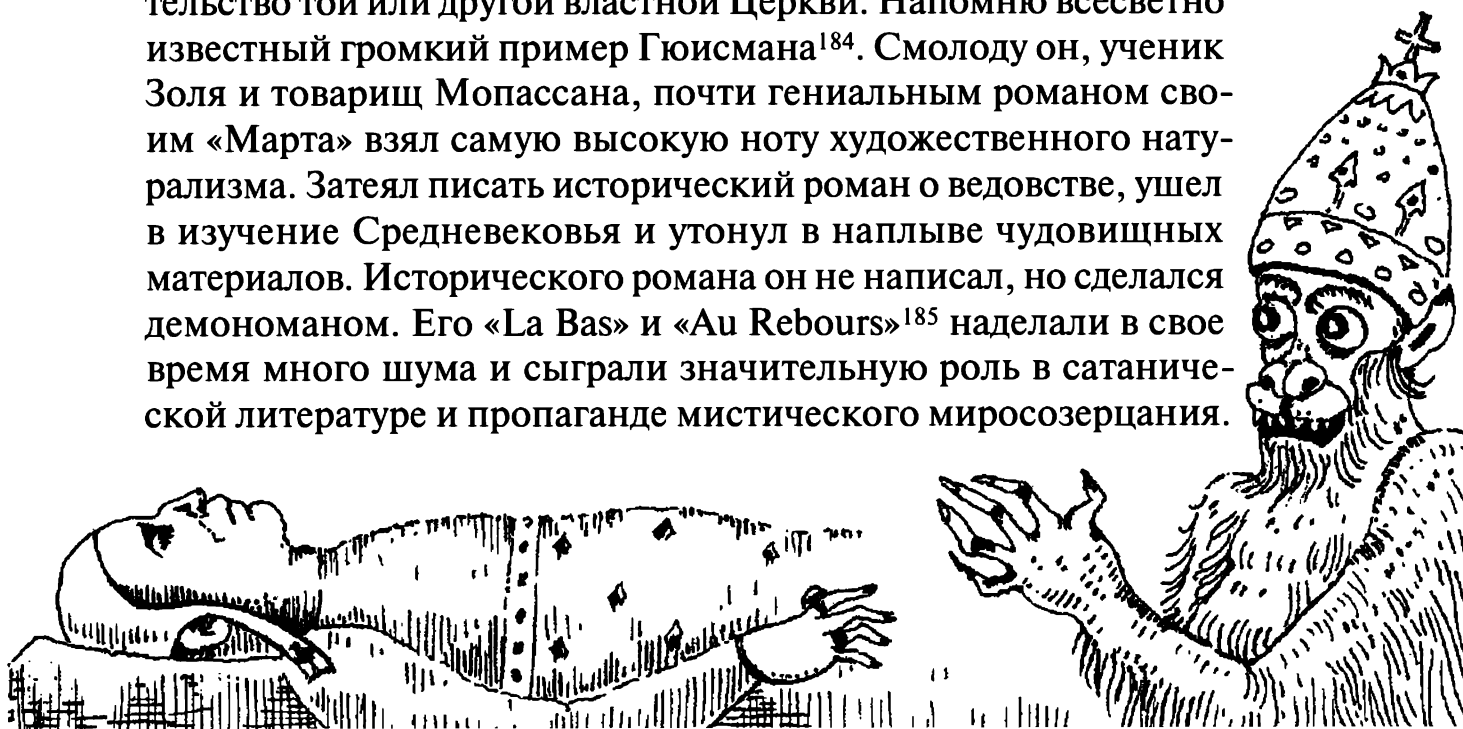

матушку — не особенно злых существ, охотно вступающих за людей за своего свирепого внука или сына. В поверьях и поговорах малороссов «чертова мать» даже очень популярна. «Дочекався чертовой мамии» и т. д. Если «дощ иди кризь сонце», то есть при солнечном сиянии, это значит, что «черт жинку бье» либо «дочку замуж виддае». Однородные приметы-поверья и соответственные поговорки имеются у чехов, польских русинов, французов и немцев. Женщины-демоны одинаково популярны в славянских, германских, латинских и кельтских поверьях (русалки, виллисы, феи, никсы и пр.), но в большинстве это не настоящие адские дьяволы, а стихийные духи. Подобно домовым, лешим и т. д., это скорее сила союзная и вассальная дьяволу, чем истинно дьявольская. Однако, как справедливо отметил Костомаров в своем послесловии к «Повести о Соломонии Бесноватой», русские «бесы составляют свой отдельный, материальный мир и, как животные, разделяются на два пола; к Соломонии приходит в качестве повитухи темнотрачная баба уже не человеческой, а бесовской породы. Русский народ повсеместно воображает бесов под образом двух полов; существует слово *чертовки*; существуют рассказы видевших бесовских самок. Один мужик в Новгороде мне [Костомарову] рассказывал, что он собственными глазами видел ночью на озере Ильмень черную бабу, которая сидела на камне, мылась и хохотала, потом исчезла. Это была, по его понятию, не русалка, но чертовка, бес женского пола». Раввины приписывали перводьяволу Самаэлю четырех жен, от которых и расплодилось бесчисленное дьявольское племя. Но вообще-то жена черта — существо, не определившееся в поверьях, хотя иногда и упоминаемая. Черт гуляет по свету холост, не найдя себе невесты под пару. Половую энергию, которую приписывали ему некоторые богословы и между ними особенно энергично Михаил Пселл¹⁸⁰, он избывает в свободных союзах с женщинами человеческими — с ведьмами на шабашах либо в том виде напущения (*ossessio*), которое носило название *инкубата*.

По определению специалистов черной мистики, инкубы суть демоны, соединяющиеся плотской любовью с женщинами, а суккубы — дьяволицы, преследующие с той же целью мужчин.

Угрюмо страстное поверье об инкубах и суккубах восходит к древнейшим временам человечества, чуть ли не к началу мира. Змий, соблаздивший Еву, не кто другой, как инкуб Самаэль. По талмудическому преданию (рабби Илии), Адама в течение 130 лет посещали чертовки, которые и народили от него лавров и суккубов. Вероятно, затем, чтобы остепенить молодого человека, и пришлось женить его на Еве. У праотца — похождения с бесовками, праматерь — жертва влюбленного беса: нечего сказать, замечает Артуро Граф, недурное начало для рода человеческого! Свирепого Каина почитали сыном Сатаны не только некоторые раввины, но и грек Суида¹⁸¹ в знаменитом «Словаре» своем, толкуя в этом смысле 44-й стих VIII главы Евангелия от Иоанна: «Ваш отец дьявол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины».

В 80-х годах XIX века в русской интеллигенции поднялся интерес к демоническим галлюцинациям — под впечатлением наблюдений Шарко¹⁸², Рише¹⁸³ и др. в области гипнотизма и большой истерии. Интерес был еще чисто материалистический. Пример ему давал из Франции сам Ги де Мопассан, литературный божок нашей молодежи. Немало в то время было написано рассказов, лукаво скользивших по гибкой границе между физиологическим познанием и суеверною тайною. Кое-кто, однако, поплатился за эти опасные игрушки. Безумия заразительны, и многие, подходившие к спиритизму, теософии, магии и т. п., одевшись в броню научного скептицизма недостаточно толсто, потом сами становились спиритами, теософами, служили черные обеды, заболели духовидением и с перепуга уходили в аскетизм, под покровительство той или другой властной Церкви. Напомню всесветно известный громкий пример Гюисмана¹⁸⁴. Смолodu он, ученик Золя и товарищ Мопассана, почти гениальным романом своим «Марта» взял самую высокую ноту художественного натурализма. Затеял писать исторический роман о ведовстве, ушел в изучение Средневековья и утонул в наплыве чудовищных материалов. Исторического романа он не написал, но сделался демономаном. Его «La Bas» и «Au Rebour»¹⁸⁵ наделали в свое время много шума и сыграли значительную роль в сатанической литературе и пропаганде мистического мирозерцания.

Кончил жизнь Гюисман католиком, с чисто мужицкою дуалистической верою-испугом, прячущейся под патронат доброго белого начала от страха к началу злему и черному. Говорят, впрочем, что в последние годы и это с него схлынуло и он понемногу, как и выздоравливающий, начал возвращаться к идеям своей молодости. Если это правда — ну и тяжело же было ему доживать, в сознательной оглядке, даром испорченную жизнь!

Поэтический неоромантизм, долго слывший у нас под неопределенно широким именем декадентства, широко открыл недра свои всем мистическим настроениям и потому сделался усерднейшим адвокатом всякой сверхчувственности, в том числе и демонологической. Если позволено будет сыграть словами, то главный интерес к сверхчувственности истекал из вычурной чувственности, и понятно, что сладострастные сказки об инкубах и суккубах выползли в литературных бреднях 1895—1909 годов на первые, почетные места. Им отдали дань решительно все мало-мальски крупные поэты и прозаики неоромантизма. Особенно же любопытна в этом отношении Лохвицкая-Жибер¹⁸⁶, талантливая поэтесса, с блестящим стихом, разнообразно выкопанным из пестрот «озлобления плоти». Этой писательнице, в ее бесчисленных перепевах всевозможных чувственных суеверий, иногда удавалось не только найти средневековое демонологическое мировоззрение, но и слиться с ним в совершенную искренность ужаса или восторга. Две огромные драмищи ее — «Бессмертная любовь» и «*In nomine Domini*» — очень плохи, но бесовская сторона даже и в них превосходна. В мелких же балладах Лохвицкой, воспевающих тайны шабашей и дьявольские поцелуи, дышит энергия такой правдивой страсти, что невольно соглашаешься с известным утверждением Авксентия Поприщина, будто женщина влюблена в черта¹⁸⁷.

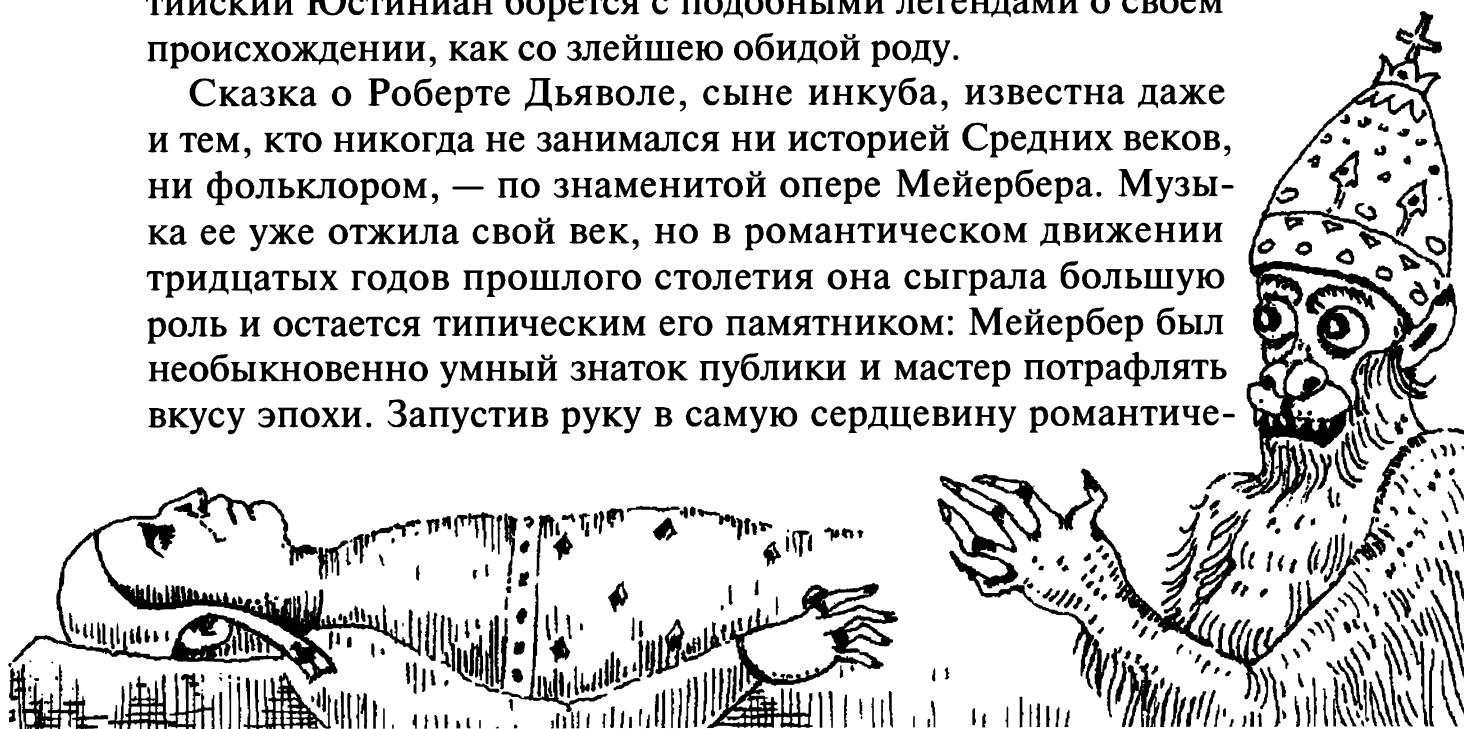
Искренность Лохвицкой настолько убедительна, что, несмотря на пламенное сладострастие, разлитое в стихах ее, ни одна даже из самых буйных и беззастенчивых грез поэтессы не пробуждает в читателе мысли: «А не порнография ли?» Мысли, к сожалению, почти неотлучной при чтении российских Гюисманов. Одной балладою «Мюргит» Лохвицкая сказала о сатаническом бунте женщины, создавшем на границе Средневе-

ковья и Возрождения эпидемию колдовства и контрэпидемию костров, гораздо больше и яснее, чем огромная часть ученых исследований.

Языческая свобода плоти несомненно и тенденциозно преувеличена апологетикою первых христианских веков. Юристы на этот счет иного мнения, чем теологи. Но, во всяком случае, античный мир, построивший свои общества и государства не только на поощряемости, но даже и на принудительстве брака и деторождения, врагом полу не был и к запросам его относился просто, как ко всякой другой физиологической потребности, привычке, странности, страсти. Отношение к половому развратнику в этической литературе античного мира приблизительно такое, как в современной — к привычному пьянице или опиофагу: на человека кладется пятно порока, но не клеймо греха. Половая эксцентричность в античном обществе отнюдь не похвалялась, но с нею считались, глядя по непосредственному вреду ее. Половая сказка Эллады и Рима всегда проста, светла и улыбчива. Мрак ненависти в нее наплывает только с Востока, из «религий страдающего бога». И когда Восток овладел миром через победу христианской государственности, то пред грозными глазами его аскетического идеала половая сказка померкла, и веселый олимпийский день ее почернел. Грациозный миф об Эросе и Психее, обесмертивший имя Апулея¹⁸⁸, становится колдовскою историей, подлежащей духовному суду, с пыткой и костром. Александр Великий, Август выдумывали себе происхождение от инкубов, чтобы придать себе божественный блеск в глазах покоренных народов, но не только английские Плантагенеты, а уже византийский Юстиниан борется с подобными легендами о своем происхождении, как со злейшею обидой роду.

Сказка о Роберте Дьяволе, сыне инкуба, известна даже и тем, кто никогда не занимался ни историей Средних веков, ни фольклором, — по знаменитой опере Мейербера. Музыка ее уже отжила свой век, но в романтическом движении тридцатых годов прошлого столетия она сыграла большую роль и остается типическим его памятником: Мейербер был необыкновенно умный знаток публики и мастер потрафлять вкусу эпохи. Запустив руку в самую сердцевину романтиче-

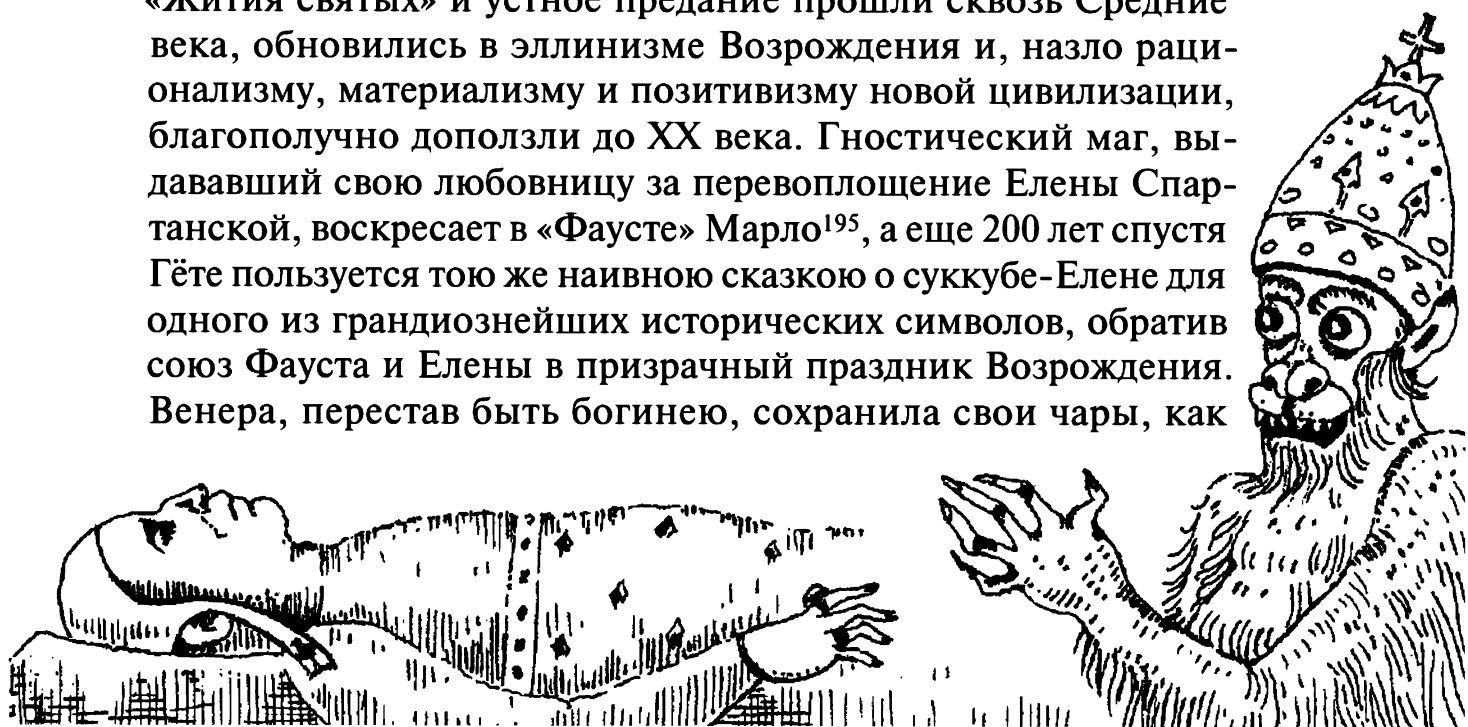
ской мифологии, он вытащил оттуда на потребу века как раз самое характерное и любимое из черных поверий Средневековья: грех принцессы, соблазненной инкубом. И с легкой руки Мейербера сверхъестественный любовник и призрачная любовница начинают владычествовать в музыке столько же, как и в поэзии. Ныне совершенно забытый Маршнер¹⁸⁹ прославился операми «Ганс Гейлинг» и «Вампир». Герольд¹⁹⁰ в опере «Цампа» даже предупредил Мейербера, рассказав звуками популярную итальянскую легенду о суккубе — мраморной статуе покинутой невесты. О балете я уж и не говорю: его романтика — постоянный апофеоз инкубата. Наконец, Вагнер сделал для мифа больше, чем кто-либо: любовное общение стихийных демонов со смертным человечеством — сюжет, пронизывающий все его оперное творчество, за исключением «Мейстерзингеров» и «Риенци». Не знаю, возможно ли выразить страсть и философскую глубину мифа о суккубах словами с большею силою и поэтическим проникновением, чем сумел Вагнер — музыкою чертовки Венеры в «Тангейзере».

У нас в России тему сверхъестественной любви — кроме Рубинштейна, счастливо создавшего «общедоступного», а потому гораздо выше всех достоинств любимого «Демона» (после Рубинштейна писали музыку на тот же сюжет барон Фитингоф-Шель¹⁹¹, П. И. Бларамберг¹⁹² и Э. Ф. Направник¹⁹³), — особенно усердно разрабатывал Н. А. Римский-Корсаков. Фея в «Антаре», Снегурочка, царевна Волхова, Лебедь, Шемаханская царица, Кашей — удивительнейшие памятники не только внешне-музыкальных красот, но и совершенно исключительного, истинно народного чутья к тайне стихийного мифа. Одна из гениальнейших страниц во всей русской музыке — сцена очарований Ратмира в «Руслане и Людмиле» Глинки — еще ждет какого-нибудь своего Шаляпина в юбке, который растолкует публике сожигающую страстность этой бесовской галлюцинации. Темная власть демона, дышащего из страшных фраз Ратмира, остается еще невысказанной тайною. Может быть, оно и к лучшему, потому что иначе пролилась бы со сцены в зал страстная зараза, в сравнении с которою волшебство «Крейцеровой сонаты», как расписал его, к слову сказать, совершенно произвольно Л. Н. Толстой, должно показаться чуть не детской молитвою. Я думаю, что если бы Глинка вложил

музыку Ратмира в уста тенора, то эта сцена была бы самым страшным оружием обольщения, какое когда-либо создавала музыка. Но судьба заступилась за женский пол, надоумив великого композитора к расхолаживающей ошибке поручить глубочайшее выражение мужской страсти — женщине в мужском костюме, то есть воплотить его в глазах и воображении публики существом какого-то среднего пола: ни мальчик, ни девочка, ни для женской любви, ни для мужской. Глубокие контральто, которых требует партия Ратмира, довольно редки, и все чаще слышишь в Ратмире *mezzo-soprano*: новое препятствие к полноте впечатления.

«Ожидание божественного сна», о котором кричит и стонет Лохвицкая, — чувственное одиночество, бунт пола против вынужденного целомудрия, — и есть та атмосфера, в которой, как выражается едва ли не талантливейший критик современной Франции, Реми де Гурмон¹⁹⁴, «материализуется инкуб». Древность довольно богата сказками этого поверья: они отразились даже в законодательстве Моисея (Второзаконие, 4; Левит). Античный мир Эллады и Рима узаконил инкубат и суккубат бесчисленными баснями своей мифологии, с которыми вела беспощадную борьбу христианская апологетика, а неоплатоники тщетно пытались перевести их в стихийные символы пантеизма. Отцы Церкви верили в инкубов. Бл. Августин зовет их еще по-старинному фавнами и сатирами. Аскетическая пустыня, где мучились сверхчеловеческою борьбою с голосом плоти Антоний, Иероним и другие, оставившие нам потрясающие летописи своих искушений, сделалась рассадником и лабораторией мучительно страстных легенд, которые через «Жития святых» и устное предание прошли сквозь Средние века, обновились в эллинизме Возрождения и, назло рационализму, материализму и позитивизму новой цивилизации, благополучно доползли до XX века. Гностический маг, выдававший свою любовницу за перевоплощение Елены Спартанской, воскресает в «Фаусте» Марло¹⁹⁵, а еще 200 лет спустя Гёте пользуется тою же наивною сказкою о суккубе-Елене для одного из грандиознейших исторических символов, обратив союз Фауста и Елены в призрачный праздник Возрождения. Венера, перестав быть богинею, сохранила свои чары, как

прелестнейшая и губительнейшая из чертовок. Она очаровала и завлекла в вечный плен доблестного рыцаря-поэта Тангейзера, за что XIX век мог послать ей позднее, но заслуженное спасибо, так как этой легенде мы обязаны чудесною балладой Генриха Гейне и гениальною оперою Рихарда Вагнера. Тангейзер был не единственною жертвою богини. Во мраке и скуке узких Средних веков ее — древнюю и неувядаемо юную — любили и искали многие, и она многих любила, как в старину, — по крайней мере, так же ревновала.

Английский летописец XII века Вильгельм Мальмсберийский¹⁹⁶ рассказывает сильным и красочным латинским языком удивительный случай, как некий знатный римский юноша сенаторского рода был захвачен демоном Венерою в самый день своей свадьбы. В промежутке пира брачные гости вздумали сыграть партию в шары. Боясь сломать обручальное кольцо, молодой снимает его и, чтобы не потерять, надевает на палец близ стоящей статуи. Окончив игру, он подходит, чтобы взять кольцо обратно, но с изумлением видит, что палец статуи, бывший дотоле прямым, согнут и крепко прижат к ладони. Побившись довольно долго, но напрасно, чтобы возвратить кольцо, юноша возвратился к пирующим друзьям, но о приключении своем не сказал ни слова, боясь, что его поднимут на смех или кто-нибудь пойдет тайком да и украдет кольцо. Когда пир кончился и упали сумерки, он, в сопровождении нескольких домашних и слуг, вновь идет к статуе и — поражен, видя палец опять прямым, а кольцо исчезло. Наступила брачная ночь. Но едва юноша лег рядом с супругою и хотел к ней приблизиться, как почувствовал, что между ним и ею волнуется нечто неопределенное, как бы густой воздух: осязаемое, но невидимое. Отрезанный таким образом от супружеских объятий, молодой муж вслед за тем слышит странный голос:

— Будь не с нею, а со мною, так как сегодня ты обручился и мне. Я Венера. Ты надел мне кольцо на палец. Кольцо у меня, и я его больше не отдам.

Юноша, испуганный чудом, не посмел возразить ни слова и провел остаток ночи без сна, молча обсуждая в душе своей этот загадочный случай. Прошло немало времени, но в какой бы час он ни пробовал приблизиться к супруге, всегда слы-

шал и чувствовал то же самое. В конце концов, побуждаемый жалобами жены, он во всем открылся родным, и семейный совет пригласил устроить его некоторого священника из пригорода, по имени Палумб. Этот Палумб был знаток черной магии и командовал демонами, как ему было угодно. Заранее выговорив огромное вознаграждение, он пустил в ход все свое искусство и, написав письмо магическими знаками, вручил его молодому человеку с наставлением:

— Поди в таком-то часу ночи на такой-то перекресток, где дороги расходятся на четыре стороны света, и внимательно смотри, что будет. Пройдут там многие человеческие образы мужского и женского пола, всяких возрастов, сословий и состояний; иные — верхом, другие — пешие; одни — с повешенной головой; другие — с гордо поднятым носом; в их лицах и жестах ты увидишь все виды и образы радости и скорби, сколько их есть на земле. Ни слова ни с одним из них, даже если кто заговорит с тобою. За толпою этою будет следовать один — всех выше и грузнее, — восседающий на колеснице. Молча подай ему письмо, и желание твое исполнится немедленно, если только ты не струсил и будешь действовать решительно, как прилично мужу.

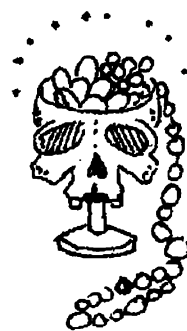
Молодой человек отправился, куда ему было указано, и ясная ночь показала ему все чуда, обещанные Палумбом. Между проходившими призраками он вскоре заметил женщину, едущую на лошачихе, одетую как куртизанка, с волосами, распущенными по плечам, и золотой диадемой на голове. В руках она держала золотой хлыст, которым погоняла свою лошачиху; по тонкости одевавших тканей тело ее казалось как бы нагим, и она бесстыже выставляла его вызывающими жестами. Это и была бесовка — богиня Венера. Наконец, вот и последний — на великолепной колеснице, сплошь отделанной изумрудами и жемчугами. Вперив ужасные глаза свои в лицо молодого человека, он спросил:

— Зачем ты здесь?

Но тот, не отвечая, протянул к нему руку с письмом.

Демон, видя знакомую печать, не осмелился не принять письма и, в негодовании воздев руки к небу, воскликнул:

— Всемогущий Боже! Доколе же Ты будешь терпеть подлости Палумба!

Затем, не теряя времени, он послал двух своих приспешников немедленно взять у Венеры требуемое кольцо. Чертовка долго сопротивлялась, однако отдала. Таким образом, получив желаемое, молодой человек был возвращен объятиям законной любви. Но Палумб, когда узнал, что демон воззвал против него жалобу к Богу, догадался, что, значит, близок его конец. Поэтому, чтобы избежать лап гневного дьявола, он поторопился сам устроить себе искусственное мученичество: велел отрубить себе руки и ноги и умер с жалобным покаянием, исповедавшись перед папой и всем народом в неслыханных преступлениях и грехах. Любопытно, что подобный плачевный конец с предсмертной пыткой во искупление чародейства легенда приписывает папе Сильвестру II.

Гейне в «Стихийных духах» рассказывает эту легенду в несколько ином варианте, подставляя на место Венеры Диану и давая ей более царственную роль в ночном бесовском поезде. Во времена Вильгельма Мальмсберийского эта история была ходячею в Риме и римской Кампанье, и ей посчастливилось дожить, в числе немногих сохранившихся народных сказок Италии, до нашего времени. В прошлом столетии из эпизода статуи, похищающей кольцо, Герольд взял сюжет для оперы («Цампа»), и — не помню кто, кажется, Пуни, — для балета «Мраморная невеста»¹⁹⁷. В изящной словесности тот же сюжет обработан Проспером Мериме в волнующей повести «*La Vénus d'Ille*» («Венера Илльская»). Вилльмен¹⁹⁸, заимствуя легенду из летописи Германа Контракта¹⁹⁹, воспользовался ею в своей «Истории Григория VII» для характеристики суеверий, царивших в Риме XI века. Но она была широко распространена в продолжение всего Средневековья. Ею пользовались как доказательством демонического характера древних богов и подтверждением их способности вступать в брачные союзы с людьми. Фаблио на тему статуи-невесты имеются в старых сборниках западного фольклора Меона²⁰⁰ и Ле Гран д'Осси²⁰¹. Но, помимо целей полемических, христианство, в особенности по утверждению безбрачия духовенства, воспользовалось столь благодатною темою и с целью дидактической. Ле Гран д'Осси приводит монашескую поэму XIII века в рифмованных стихах под заглавием «О человеке, который надел обручальное кольцо на палец Пресвятой Богородице» («*De celui qui*

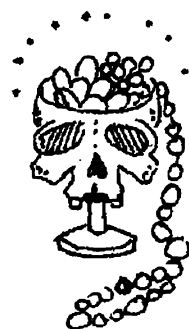
met l'anneau nuptial au doigt de Notre-Dame»). В этой поэме молодой римлянин уже подменен молодым веселым диаконом, а статуя Венеры или Дианы — статуей Мадонны. Эпизод с кольцом, которое статуя принимает вместе с клятвой «не любить другой женщины, кроме тебя», остается неизменным. Диакон женится, но в брачную ночь ему является, в сонном видении, Дева Мария:

— Лгун и изменник! — восклицает она. — Где же твое обручение со мною?

Конец дидактически изменен. Христианский обет клирика Богородице, конечно, сила более крепкая, чем шутка какого-то полуязычника с Венерою или Дианою, — и против вмешательства оскорбленной Мадонны в семейную жизнь диакона не нашлось, конечно, никакого Палумба. Диакон покидает свою жену, раздает имущество, бежит в пустыню и постригается в монахи.

Такое перерождение пережили с течением веков не только легенды, но и самые феномены инкубата и суккубата. Наука, презирающая все оккультное, видит в наблюдаемых ею случаях не более как болезни пола, для происхождения которых она не ищет особых внешних причин. Зато если бы можно было откровенно поговорить с духовенством, мы наслушались бы редкостных признаний. Но священников сдерживает тайна исповеди, а также боязнь религиозного скандала, который могли бы произвести подобные разоблачения.

Незаконнорожденный потомок древнего общения с духами, спиритизм, неминуемо должен был приблизиться к явлениям инкубата и суккубата. Начали вызывать мертвых, говорить с ними, касаться их, — и покойники постоянно и покорно откликаются на все призывы. Неисполнимая мечта вновь обладать отошедшими любимыми существами нашла возможность осуществления. Вдовец ищет свидания с утраченной женой, вдова утешается объятиями призрака-мужа. А там пошли и дальше. Стали вызывать тени прославленных женщин, куртизанок и цариц, тела которых давно обратились в прах. Во Франции еще недавно совсем не редкостью было встретить спирита, серьезно мечтающего о прелестях Семирамиды, Клеопатры, Лаисы, Феодоры, подобно тому как Фауст влюбился в Елену Спартанскую. И обратно, сентиментальные

дамы мечтали о материализации любимых своих поэтов или исторических героев. По уверению демонологов, или, вернее, демономанов XIX века, вроде де Муссо²⁰² или С. де Гуайта²⁰³, дьявол, который пришипился было после перепуга, заданного ему инквизицией Возрождения, но всегда держался наготове, воспользовался спиритическим моментом, чтобы снова выйти на сцену. По рассказу де Муссо «Hauts phénomènes de la Magie» («Феномен магии»), 17 июля 1844 года общество молодых барышень вздумало вызвать дьявола; он явился, держал себя очень прилично, очаровал барышень своим остроумием, но потом вовлек их в самый гнусный разврат и на заре «улетучился как тень». Затем в течение целых одиннадцати лет дьявол время от времени навещал барышню, которая ему тогда особенно понравилась. Чем, собственно говоря, эта демономанка XIX века лучше устюжской поповны XVII века Соломонии Бесноватой, которая маялась в тех же половых галлюцинациях тоже одиннадцать лет да еще пять месяцев? Тот же де Муссо рассказывает, что во время некоторых спиритических сеансов дамы, сидевшие ближе к медиуму, ощущали незримые, но пребесстыдные прикосновения «к нижней части бюста».

Фантастические истории де Муссо довольно забавны. Но вот совсем недавно инкубат принял значительные размеры, сопровождаясь весьма безнравственными явлениями благодаря странной секте «Кармель» ересиарха Вентра²⁰⁴. Секта эта основательно изучена Станиславом Гуайтом в его книге «Temple de Satan» («Храм Сатаны»), из которой и приводятся следующие документы. Эжен Вентра и его преемник аббат Буа²⁰⁵ учили, что искупление существ должно осуществиться через «акт любви», совершаемый:

1. С высшими духами и избранными земли — для того чтобы усовершенствовать себя в небесность, напитаться добродетелями и возвысить свою индивидуальность до способности вознесения.

2. С непосвященными мирскими людьми и с низшими духами стихийного и животного порядка — чтобы усовершенствовать в небесность эти злополучные павшие существа.

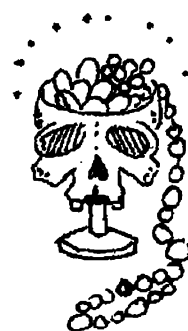
Таким образом, в секте Вентра инкубат был объявлен и средством, и свидетельством святости, и приверженцы этой странной религии гордились своим единением с духами как

небесного, так и стихийного порядка. Письма, цитируемые Гуайтом, не оставляют никакого сомнения в характере этих оккультических единений. Вот одно из них, писанное одним доверчивым священником, духовником какой-то истерической дамы, попавшей в эту западню: «Несчастливая должна принимать и ласки, и объятия не только от духов света, но также и от тех вонючих чудовищ, которых она называет человеко-зверями. Зачумляя ее комнату и постель, они совокупляются с нею, чтобы возвыситься до очеловечения. Она уверяла меня, будто они несколько раз делали ее беременною и что в течение девяти месяцев затем она испытывала все симптомы настоящей беременности, даже со всеми наружными признаками. В природный срок она рождает без всякой боли, но вместо младенца из органа, откуда у женщины при нормальных родах выходят дети, у нее вырываются ветры». Сам Буа, как пишет Гуайт, «еженощно убажается лобзаниями ангелов света Сахаэля, Анандхаэля и других, а развратный призрак обрезанного Эзекиэля вовлекает его играть роль женщины в содомском грехе». Буа умер в январе 1893 года. Секта его распалась.

По уверениям клерикальной полемики, таких сатанических обществ было очень много. На их собраниях Сатана являлся в образах «зримых и осязаемых», и сатанисты и сатанистки вступали с ним в половые сношения. Поэтому все лица, которые предаются сатанизму совершенно добровольно и с полным сознанием своего поступка, являются в глазах Церкви уже тем самым виновными и в инкубате или суккубате (Жюль Делассю).

Медики очень часто наблюдают явления инкубата у истеричек, которые жалуются, будто их по ночам насилуют фантастические существа либо знакомые им мужчины. При этом такие женщины, будучи часто весьма холодными в нормальных половых сношениях, испытывают живейшее наслаждение от страстных своих галлюцинаций. Люди, одержимые гиперсексуальностью, в известном периоде прогрессирующей болезни доходят до способности так называемого умственного соития, которое весьма схоже с инкубатом. По свидетельству Крафт-Эбинга²⁰⁶, таким людям, когда они находятся в присутствии женщины, возбуждающей их желания, нет надобности в телесном общении, чтобы силою воображения проделать половой

акт, так сказать, психологически, — и довести себя до оргазма со всеми его физиологическими последствиями.

Таким образом, по мнению Делассю, в феноменах инкубата и суккубата надо различать две главные категории: инкубат противовольный: у больных и у «порченных»; инкубат вольный: у магов, спиритов и разных субъектов, сознательно предающихся. Эти две категории, однако, подразумевают собою третью, которая если не охватывает их обеих, то уже, конечно, соприкасается с ними обеими: категорию полового невроза, которым одинаково вызываются и вольный, и противовольный инкубат, как два разных по впечатлению, пассивный и активный, но по существу совершенно однородные виды мистического, галлюцинаторного онанизма.

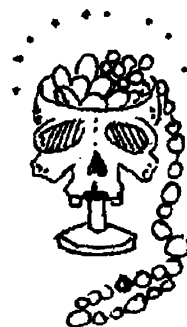
Можно считать за общее правило, что инкубы беспокоили женщин чаще, чем суккубы мужчин. Фома Катипратийский уверяет, что ему много раз приходилось выслушивать исповедь женщин, изнасилованных инкубами. Жан Бодэн²⁰⁷ утверждает, что в Риме и течение одного года было 82 случая, что инкубы завладевали женщинами. Целий Аврелиан²⁰⁸ сообщает, что в Риме же одно время посещение инкуба стало эпидемическим и многие от того умерли. Любопытнейший и вряд ли выдуманный пример этой галлюцинации рассказан в «Житии» св. Бернарда: в Нанте инкуб преследовал своим бесстыдством одну почтенную даму даже на супружеском одре ее, нисколько не стесняясь присутствием спящего рядом мужа.

Результаты подобных отношений были пагубны для жертв не только морально, но и физически. Фома Вальсингам²⁰⁹, монах из Сен-Альбано, в Англии, рассказывает как факт, что одна девушка умерла три дня спустя после того, как осквернил ее дьявол, от страшной болезни, которая раздула ее тело, как бочку, причем разложение сопровождалось нестерпимым зловонием. Другая женщина, описанная Цезарием, поплатилась тем же самым за один дьявольский поцелуй. Суккубы, конечно, были столько же ядовиты. Тот же Цезарий повествует о послушнике, умершем самым жалким образом через три дня после любовного свидания с суккубом, пришедшим к нему в образе монахини.

Однако, по-видимому, против столь злополучных последствий имелись какие-то презервативы, настолько существен-

ные, что во множестве других случаев связь между инкубом и женщиною или между мужчинами и суккубами длилась годами без всяких вредных последствий для смертной половины. Вопреки утверждению теологов, будто развращенной природе демонов чуждо чувство любви, многие дьяволы оказывались весьма страстными любовниками. Гервасий Тильбюрийский, великий знаток всех этих секретов, утверждает, будто некоторые демоны до того падки к женщинам, что нет хитрости и обмана, которых они не пустили бы в ход, чтобы овладеть предметами своей страсти. Но нельзя не признать, что в огромном большинстве таких случаев дьявол встречал со стороны женщины совершенную взаимность. Многие считали втайне величайшим счастьем жизни испытать объятия царя пламени. Превосходно сказано об этом у Лохвицкой в «Мюргит»:

«Эй, расступись честной народ!» — Расхлынула волна.
 Монахи с пением кадят и между них — она.
 Идет. Спадает грубый холст с лилейного плеча;
 Дымясь, в руках ее горит пудовая свеча.
 Доносчик тут же; вслед за ней, как бык, ревет Жако:
 «Прости, прости меня, Мюргит, — и будет мне легко, —
 Души своей не загубил, — суду про все донес,
 А что-то сердцу тяжело и жаль тебя до слез».
 Лиловым взором повела красавица Мюргит:
 «Отстань, дурак! — ему она сквозь зубы говорит. —
 Не время плакать и тужить, когда костер готов.
 Хоть до него мне не слышать твоих дурацких слов».
 Но все сильнее вопит Жако и воплем говорит:
 «Эх, что мне жизнь! Эх, что мне свет, когда в нем нет Мюргит!
 Скажу, что ложен мой донос, и вырву из огня.
 Я за тебя на смерть пойду — лишь поцелуй меня!»
 Блеснула жемчугом зубов красавица Мюргит,
 Зарделся маком белый свет нетронутых ланит,
 В усмешке гордой, зло скривясь, раздвинулись уста —
 И стала страшною ее земная красота.
 «Я душу дьяволу предаю и вечному огню,
 Но мира жалкого рабом себя не оскверню.
 И никогда, и никогда, покуда свет стоит,
 Не целовать тебе вовек красавицу Мюргит!»

По словам Делассю, в Париже конца XIX века слагались целые женские клубы, в которых ожидание и, так сказать, приманка к себе дьявола-любовника были главной целью и единственным занятием...

Избавиться от подобного любовника было много труднее, чем получить его. Артуро Граф нашел в одной из бесчисленных легенд о чудесах Святой Девы историю несчастной женщины, с которою Сатана устроил совершенно супружеское сожительство, и не помогали ей против этого адского нахала ни крест, ни молитвы, ни мощи, ни святая вода. Наконец однажды, находясь в обычной опасности, она простерла руки к небу, призывая святое имя Марии, — и адский любезник мгновенно потерял способность вредить своей жертве. Цезарий рассказывает, что в городе Бонне дьявол соблазнил дочь священника и жил с нею. Девушка призналась отцу, и священник, чтобы прекратить этот скандал, отправил дочь куда-то за Рейн. Является дьявол. Не найдя любимой девушки, он набросился на отца и с криком: «Как ты смел отнять у меня мою жену?» — так ударил несчастного в грудь, что бедняга через два дня умер.

Сопровождалось ли это чудовищное общение оплодотворением? Почти все авторы это утверждают. Правда, демон, не имея ни тела, ни костей, не мог иметь и семени. Но он собирал результаты мужских поллюций либо, в образе суккуба, похищал сперму у особенно крепких мужчин. Затем, сделавшись инкубом, он переносил украденную сперму в матку женщины, которую хотел сделать беременной. Так утверждали Фома Аквинат и Бонавентура — в противность Михаилу Пселлу, который стоял на том, что дьявол располагает всеми средствами для того, чтобы быть в данном случае самостоятельным агентом. Дети, рожденные от подобных сношений, отличались необычайною, сравнительно с другими, тяжестью, безобразною худобою и способностью высасывать хоть трех кормилиц, несколько от того не толстая.

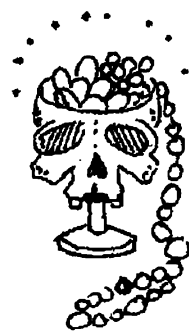
Кто был отцом ребенка — демон или мужчина, у которого он украл семя? По господствующему мнению теологов, отцом был человек. Но, прибавляет Артуро Граф, адский характер всех порождений от инкубов и суккубов свидетельствует, что роль Сатаны в момент зачатия была не чисто передаточная, что он заранее отравлял собою будущий зародыш и, так ска-

зять, делал его одержимым уже в чреве матери. Синистрари д'Амено в XVII веке, видевший в инкубах и суккубах особую породу существ, среднюю между человеком и ангелом, настаивал на том, что они, будучи человекоподобными, снабжены половыми органами и выделяют собственную сперму.

«В наше время, — говорит Бриер де Буамон, — сношения с дьяволом фиксируются гораздо реже, чем в старые времена; между сотнями женщин, подвергавшихся моему наблюдению, я ни у одной не замечал бреда этого рода. Теперь половые галлюцинации истеричек направляются на ангелов, на идеально прикрашенных воображением известных людей и очень часто на директоров лечебницы. Однако доктор Макарио²¹⁰ записал несколько случаев». Из них один, от 1842 года, совпадает со всеми рассказами об инкубате, наполняющими дедовские процессы. Маргарита Ж., богомольная старуха 59 лет, в климактерическом периоде впала в манию преследования, воображая, будто ее родные хотят ее отравить и спасают ее от гибели только три священника, незримо живущих в ее доме, которые предупреждают ее, как скоро пища отравлена. Отчаявшись погубить ее ядом, родня вступила против Маргариты Ж. в союз с адом, и с тех пор дьяволы ее преследуют днем и ночью, причем разыгрываются сцены, которых содержание лучше оставить без перевода.

«Noctu, vix quieti indulget, quum repentino adventu daemones illam e somno excutiunt; mox intentantes minas et obscene dictitantes, illam saliunt, et manu impure contrectant quidquid secretus est in muliercula. Debilem vero carnem esse scimus omnes: jam cedit femina et cum eis voluptatem, corporibus immixtis, copulat; prae amore fatigatur, exhauritur. Hi vero libidinosi daemones ante illius oculos apparent nunc quasi formosi, juvenes qui nudi pudenda ei ostendunt vultumque ejes excrementis suis maculant».

Правда, Маргарита Ж. легко освобождается от бесстыдных бесов, разгоняя их крестным знаменем. Но, по наглости их, ей приходится креститься не переставая, и она не в состоянии уснуть до белой зари. Иногда вместо дьяволов приходят мертвецы, которые ругают Маргариту Ж. унылыми загробными голосами и хотят ее бить, но от крестного знамени расточаются дымом. Макарио утверждает, что в первой половине XIX века этот вид галлюцинаций был еще весьма распространен в глу-

хих деревнях департаментов Франции, а Артуро Граф думает, что в Италии можно и сейчас с ними встретиться.

Широкое развитие поверья об инкубах и суккубах получили у народов Севера, в Исландии, Норвегии, Шотландии. Эти северные легенды, в связи с алхимическими иносказаниями, дали новые толкования легендам об инкубате в смутной мифологии мистических сект XVIII века. Иногда поверье инкубата принимало такие широкие размеры, что метили клеймом своим не только семьи и роды, но даже целые народности и чуть ли не расы. Так, по свидетельству Иорнанда²¹¹, в эпоху переселения народов сложилось и долго потом держалось убеждение, что гунны произошли от готских ведм, изгнанных в Меотийские (в устьях Дона) болота, и злых духов, которых они там повстречали.

В течение Средневековья была резкая тенденция считать за детей дьявола всех новорожденных уродов, которых поэтому и губили без малейшего угрызения совести. В 1265 году в Тулузе одна дама, уже за 50 лет, призналась, что имела от дьявола ребенка с волчьей головой и змеиным хвостом; кормить это милое дитя надо было мясом маленьких детей. Если эти дьявольские ублюдки не были чудовищами, то отличались быстрым физическим и умственным ростом, богатырским здоровьем, талантами и яркими страстями. Историк Матвей Парис²¹² (ум. 1259) уверяет, что один такой ребенок в шесть месяцев по рождению казался уже восемнадцатилетним юношей.

Любимая тема средневековых легенд — сверхъестественный брак, в котором таинственный супруг или супруга неизвестно откуда являются и счастливо живут с избранниками под одним условием:

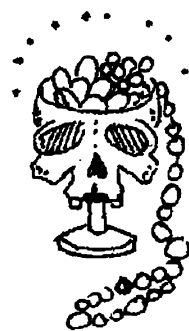
Ты все сомненья бросишь, —
Ты никогда не спросишь, —
Откуда прибыл я
И как зовут меня!²¹³

Счастье продолжается, покуда человеческая половина союза выполняет условие. Но в один печальный день любопытство Евы или Адама обостряется до нестерпимой потребности нарушить принятый завет роковым вопросом — и прекрас-

ный инкуб или красавица-суккуба исчезают, бросив супругов и детей, в свою безвестную страну. Красноречивейшее из подобных сказаний — о рыцаре Лебеде — гениально развито Рихардом Вагнером в поэтическом его «Лоэнгрине».

Но рыцарь Лебеде не всегда рыцарь света, как является он в этой общеизвестной опере. В «Адельстане»²¹⁴, балладе Саути, переведенной нашим Жуковским, рыцарь Лебеде, наоборот, служитель темной силы, за счастье обладать красавицею Лорю продавший дьяволу душу будущего своего первенца, и таинственный Лебеде, влекущий его очарованную ладью, приплывает с ним совсем не из замка св. Грааля, но чуть ли не прямехонько из ада, послан от Сатаны. Рейнское предание относит это событие к эпохе Карла Великого. Женские суккубные варианты легенды почти все без исключения намекают на темную демоническую силу, если не злую, то и не добрую — в лучшем случае, так сказать, нейтральную стихийную. Их очень много. Такова самая знаменитая из всех подобных хронических суккуб — женщина-змея Мелузина, родоначальница Лузиньянов²¹⁵. В Сицилии, в царствование короля Рожера²¹⁶, один юноша, купаясь в море при лунном свете, заметил в волнах женщину, которая как будто тонула. Он ее спас, влюбился в нее, женился на ней, имел от нее сына. Однажды, охваченный сомнениями, какой природы, какого рода-племени его таинственная супруга, он пристал к ней с расспросами столько же настойчиво, как Эльза к Лоэнгрину. «Ты губишь меня, заставляя отвечать об этом!» — вскричала она в отчаянии и исчезла. Некоторое время спустя ребенок, ею покинутый, купался в море: вдруг исчезнувшая мать всплыла над водою, схватила дитя свое и вместе с ним скрылась уже навсегда.

Были, однако, супруги твердого характера, которые выдерживали испытание. Таков бургундский король Гунтрам в легенде, удостоившийся рисунков Каульбаха²¹⁷. Женатый на лесной фее, он обуздал свое любопытство и был счастлив любовью без вопросов, но не мог удержаться от любопытства свой народ, и в особенности духовенство, заподозрившее в королеве язычницу и колдунью. Так как король не желал ни отпустить свою супругу, ни открыть ее происхождения, то папа отлучил его от Церкви, а епископ Бенно поднял народное вос-

стание, во время которого без вести пропали и очарованный Гунтрам, и его загадочная королева.

Поверье пробралось в историю и плотно укоренилось в генеалогии многих знатных домов, в том числе и царственных, как, например, английские Плантагенеты, имевшие в родословии свою какую-то прабабушку из кровных чертовок. Подобная же история рассказывается о Балдуине, графе Фландрском²¹⁸, в старом французском романе. Этот граф был человек настолько гордый, что отверг руку дочери французского короля. Однажды в лесу на охоте встретил он девицу необычайной красоты. Девица назвала себя принцессою, дочерью могущественного императора Азии. Балдуин влюбился, женился. По истечении года родились у молодых двойняшки — две девочки. Но напрасно граф ждет известий от восточного императора, якобы родителя молодой графини: посольства нет как нет. Между тем некий святой муж почуял обман и сообщил свои подозрения графу. В один прекрасный день, когда граф и графиня давали обед своим вассалам, святой муж внезапно входит в зал пиршества и без долгих околичностей повелевает графине исчезнуть в ад, откуда она явилась. Графиня мгновенно обратилась в свирепую дьяволицу и взвилась в воздух с ужасным, поистине ужасным криком. Граф, чтобы искупить грех свой, предпринял крестовый поход и перебил великое множество неверных. Дочери его кончили совсем не так худо, как можно было бы ожидать по наследственности от такой странной матери.

Здесь не будет неуместным перечислить исторических и неисторических сыновей, которых Средние века и Возрождение ставили на счет дьяволу.

1. Каин.

2. Атилла, бич Божий. По одним преданиям, прижит матерью от дьявола, по другим — от меделянского пса.

3. Теодорих Великий²¹⁹, король готов. Обнаруживал свое происхождение способностью изрыгать изо рта пламя и живо провалился в ад к своему отцу.

4. Мерлин. Его легенда весьма сложна, подробна и замечательна как не только романтическая, но и философская концепция. Ад, побежденный и опустошенный Христом, ищет средств оправиться от своего бедствия. Сатана решает,

что единственный способ к тому — ускорить пришествие Антихриста: он, Сатана, должен родить сына, который, будучи бесчеловеком, распространит на людей власть ада и уничтожит дело Искупления. Совместными усилиями демонов некая почтенная и знатная семья впадает в нищету и бесчестие и вымирает в позоре. Из двух уцелевших дочерей одна предается самому бесстыдному распутству. Другая, прекрасная и целомудренная, долго противостоит всем искушениям. Но однажды ночью она, ложась в постель, забыла осенить себя крестным знамением, вследствие чего временно лишилась охраны небес, а дьявол тут как тут — овладел ею и осуществил предначертанный план. Сознавая свое несчастье и ужасаясь ему, девушка старается искупить грех свой трудами тяжкого покаяния. В положенный природный срок она дала жизнь сыну. Чудовищная волосатость тела сразу выдала его демоническое происхождение. Мальчика окрестили, — о согласии отца при этом, понятно, никто не спрашивал, — и нарекли Мерлином. Тогда в небесных сферах возникла мысль, что было бы немалым торжеством отнять у ада сына самого Сатаны, — и милосердный Бог принимает к тому нужные меры. Сатана преподал сыну знание прошедшего и настоящего. Бог убивает этот опасный дар, награждая Мерлина знанием будущего и, таким образом, сделав его непроницаемым для обманов света и козней дьявола. Вырастая, Мерлин совершил много чудесных дел, как о том повествует Беда Преподобный, древние хроники и повести Круглого Стола, и изрек много прекрасных пророчеств, из которых многие уже исполнились, а остальные, надо думать, тоже когда-нибудь исполнятся. Ничто в нем не напоминало о грозном отце его, а сам Мерлин родителя своего и знать не хотел. Время и образ смерти Мерлина неизвестны в точности, но все позволяет думать, что дух его отправился в обитель не кары, но блаженства.

5. Роберт Дьявол, герцог Нормандский²²⁰.

Некая герцогиня Нормандская сгорала жаждою иметь детей, но — напрасно. Отчаявшись в помощи невнемлющих небес, обратилась она к дьяволу, и тот ее желание немедленно исполнил. Герцогиня рождает сына — богатыря и буяна. Младенцем он отгрыз соски на грудях своей кормилицы; отроком

распорол живот своему гувернеру; двадцати лет от роду сделался атаманом разбойничьей шайки. Его посвящают в рыцари, надеясь тем перевоспитать его и смирить в нем буйство злых инстинктов, но в рыцарстве он забушевал еще хуже. Никто не мог превзойти его силою и отвагой. На одном турнире он отличается, победив и убив тридцать противников подряд. Потом некоторое время скитается по свету, а возвратясь на родину, снова грабит, поджигает, убивает, насилует. Однажды, только что вырезав поголовно монахинь одной обители, он вспоминает, что давно не видал матери, и отправляется ее навестить. Как только слуги герцогини завидели его, все врассыпную бросились бежать в паническом страхе; никто не посмел встретить его, спросить, откуда он явился и чего хочет. Впервые в жизни смутился Роберт. Впервые поразило и уязвило его зрелище ужаса, который он внушает своим ближним; впервые он почувствовал нечто вроде угрызений совести и задумался: почему же он злее других людей? Кто сделал его таким? Отчего он родился извергом? Он бросается к матери и с обнаженным мечом в руке заставляет старуху открыть ему тайну его рождения. Узнав, он раздавлен ужасом, стыдом, горем. Но могучая природа Роберта не сломилась в отчаянии. Напротив: дерзновенная душа его вспыхнула жаждою борьбы за собственное искупление. Роберт едет в Рим, падает к ногам папы, исповедуется во всех грехах своих пред одним святым отшельником, налагает на себя суровейшее покаяние и клянется: не принимать иной пищи, кроме той, что удастся ему отнять из зубов собаки. Рим осаждают сарацины. Роберт дважды дерется с ними, не будучи никем признан, и дважды доставляет христианам победу. Император взволнован: что за чудесного союзника послало ему Небо? Наконец Роберта узнают. Но он отклоняет все предложенные ему дары и благодарные почести. Напрасно император хочет уступить Роберту свою корону, напрасно соблазняет он Роберта рукою своей прекрасной дочери. В обществе наставника-отшельника Роберт удаляется в пустыню. Там живет он в подвигах и молитвах до самой смерти, прощенный Богом и благословляемый людьми. Впрочем, по другим версиям, Бог простил грешника раньше, и Роберт успел-таки жениться на прекрасной принцессе. Великолепная легенда эта в первой половине своей

отчасти напоминает нашу новгородскую былинку о Ваське Буслаеве.

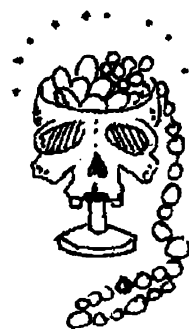
6. Эццелин да Романо²²¹.

Тиранов лютых всех лютейший, Эццелин
Заставил верить мир, что дьявола был сын.

Альбертин Муссато²²² рассказывает легенду этого исторического негодяя в трагедии, так и называемой — «Эццелин». Мать изверга Аделаида сама посвящает сына в страшную тайну: он, Эццелин, и брат его, Альберик, зачаты ею от дьявола, который ради этого приключения принял, подобно Юпитеру в романе с Европою, вид быка. В противовес Роберту Нормандскому, Эццелин весьма счастлив и горд своим происхождением и дает слово, что покажет себя миру достойным сыном столь замечательного отца. Сатана большой неудачник в потомстве, но на этот раз ему повезло. Завладев Падуей, Эццелин и брат его свирепствовали подобно фуриям, недоступные никакому человеческому чувству, слепые и глухие к предупреждениям, которые милосердное небо не уставало почему-то им посылать. Но кара, слишком заслуженная, наконец пришла. Победенный в битве при Понте ди Кассано, злодей погиб в отчаянии. Брат его последовал за ним.

7. Мартин Лютер. Паписты считали великого реформатора сыном дьявола, обольстившего в Виттенберге мать его, служанку в гостинице, приняв для того вид коммивояжера по ювелирной части.

Самым замечательным и властным сыном Сатаны будет предвестник его гибели Антихрист. Нас не касается богословская сторона учения об Антихристе. Что же касается легендарной, она невероятно пестра и разнообразна. В одной англосаксонской поэме IX века утверждается, будто Антихрист однажды приходил уже и Сатана пытался не только противопоставить его Христу, но подменить им Иисуса. То есть проделать тот замысловатый подмен, о котором так интересно и довольно глубокомысленно рассказала Сельма Лагерлёф в своем романе²²³ о сицилийском городке, принявшем статуэтку младенца-Антихриста за изображение Младенца-Христа и погибшем от разврата и богатств, которые хлынули в город,

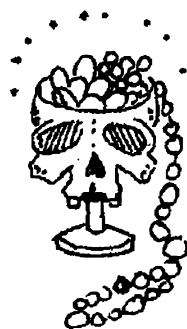
когда статуэтка привлекла туристов, стала творить чудеса и т. д. и т. п. Так как план Сатаны не удался, то повторит он свою затею только под конец мира. Антихриста, как основную опору своей власти и силы, выставит Сатана в последнем бою с Божеством. Множество исторических лиц, враждебных Церкви, были принимаемы за Антихриста: Нерон, Магомет, император Фридрих II, Лютер и т. д.; у нас в России — Никон, Петр Великий. По мнению св. Ефрема Едесского²²⁴, Антихрист родился от публичной женщины; по обещанию нашего знаменитого вероучителя, протопопы Аввакума, «родится Антихрист от Галилеи, от колена Данова, от жены жидовки» (Послание к Ионе). Другие, наоборот, полагают, что от девушки и даже малолетней девочки: это мнение оспаривает Ассон²²⁵ в своем трактате «Об Антихристе».

Что касается отца Антихриста, то некоторые полагают, что им будет человек, но Сатана вселится в ребенка в момент его рождения. Господствует же мнение, что отцом будет сам Князь тьмы. Бесчисленные трактаты об Антихристе, оставленные Средними веками, свидетельствуют об ужасе, с каким католический мир ждал появления этого таинственного врага. Время от времени пробегали по Европе грозные вести, что он родился или скоро родится. Бывало это, по преимуществу, в переломные эпохи: в IV веке, около 1000 года, в XVI веке. При папе Иннокентии VI (1352—1362) один французский монах предвещал рождение Антихриста на 1365 год, а Арнольдо из Вильнева²²⁶ предсказывал это событие на 1376 год. В 1412 году Винченцо Феррер²²⁷ прознал из достоверных источников и известил о том антипапу Бенедикта XIII, что Антихрист народился и ему уже девять лет. Перед священным трибуналом инквизиции многие колдуны признавались, что очень хорошо знакомы с Антихристом и имели с ним сношения...

Наш знаменитый столп и учитель старой веры протопоп Аввакум тоже лично видел Антихриста. «Некогда мне печальну бывшу и помышляющу, как приидет антихрист враг последний и коим образом, да сидя, молитвы говоря и забыхся: понеже не могу стояти на ногах, — сидя молюся окаянной. А се на поле нечистом много множество людей вижу. И подле меня некто стоит. Я ему говорю: чего ради людей много в собрании?

Он отвеща: антихрист грядет; стой, не ужасайся. Я подперся посохом своим двоерогим протопопским, стал бодро: ано ведут ко мне два в белых ризах нагово человека, — плоть-та у него вся смрадна, зело дурна, огнем дышит изо рта и из ноздрей, и из ушей пламя смрадное исходит. За ним наш царь последует и власти со множеством народа. Егда ко мне привели его: я на него закричал и посохом хошу его бить. Он же мне отвещал: что ты, протопоп, на меня кричишь? Я нехотящих не могу обладати, но волею последующих ми, сих во области держу. Да изговоря, пал предо мною, поклонился на землю. Я плюнул на него да очутился; а сам воздрогнулся и поклонился Господеви. И дурно мне сильно стало и ужасно; да нечего на то глядеть. Знаю я по писанию о Христе без показания: скоро ему быть». Столь твердое знакомство с Антихристом помогло Аввакуму решительно опровергать тех ревнителеев, которые хотели провозгласить пришедшим Антихристом патриарха Никона. «А Никон веть не последней антихрист, так шиш антихристов, — бабоеб, плутишко, изник в земли нашей. А которые, в зодийстем крузе увязше, по книгам смотрят, и дни, седмицы разделяющие, толкуют, антихристом последним Никона называют, то все плутня, а не Святым Духом рассуждение. Афанасий Великий²²⁸ пишет: идеже нозе Спасителя нашего Христа походиша, оттоле от Галилеи и антихрист изникнет; а не от нашей Руси. Я Никона знаю: недалеко от мене родины родился, между Мурашкина и Лыскова, в деревне; отец у него черемисин, а мати русалка, Мина да Манька, а он Никитка колдун учинился, да баб блудить научился, да в Желтоводие с книгою поводился, да выше, да выше, да и к чертям попал в атаманы, а ныне, яко кинопс волхвужа, ужо пропадет скоро и память его с шумом погибнет».

Мы не имеем права смеяться над этими старыми бреднями, потому что и наше время рассуждает об Антихристе не лучше. Нет еще и пятнадцати лет, как плут и авантюрист Леон Таксиль²²⁹ одурачил правоверных католиков вестью о рождении Антихриста, воспитываемого где-то в Америке, и подложною перепискою с его матерью Дианою Воган, якобы пребывающею где-то в Богемских горах. Владимир Соловьев²³⁰, один из талантливейших и красноречивейших напустителей мистического тумана, тоже немало грозил Европе и России

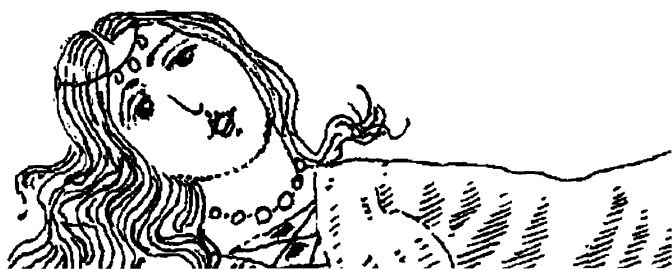
пришествием Антихриста, и речь об этом скором госте была его лебединою песнью.

Программа Антихриста общеизвестна. Он соединит в своих руках все сокровища мира и щедрою раздачею поравняет людей в богатстве, результатом чего будет ужасающий разврат и всемирное царство Антихриста. Он разрушит великую северную стену и железные ворота Александра Македонского и выпустит на крещеный мир запертые завоевателем «дивии народы» Гога и Магога. С помощью их он зальет кровью города и царства, разрушит Церковь и собственноручно убьет пророков Еноха и Илию, которые напрасно явятся защищать ее. Но когда он объединит все царства и венцы мира и станет единым владыкою Вселенной, настигнет его заслуженная кара: он будет убит или самим Христом, или архангелом Михаилом, и с Антихристом падет и разрушится могущество дьявола над человеком. Врата бездны будут заперты и запечатаны навсегда. Кончится царство Сатаны, и утвердится царство Божие, ему же не будет конца.

В русской старинной литературе поверье инкубата утверждено очень прочно, хотя говорится о нем чаще всего вкратце и намечно — «стыда для», что и резонно, так как, когда Московская Русь принималась обсуждать половые вопросы, то выражалась таким языком и с такою обстоятельностью, что уши вяли и стены краснели. На Западе в подобных случаях выручал целомудренный латинский язык, на Руси же он был неупотребителен. Однако именно старинной русской литературе принадлежит весьма пространное и одно из замечательнейших по своей подробности и правдоподобию с точки зрения психофизиологического наблюдения изображение демономании на почве полового расстройства. Это знаменитая «Повесть о бесноватой жене Соломонии», напечатанная в 1860 году Костомаровым в «Памятниках старинной русской литературы» (издание графа Г. Кушелева-Безбородко²³¹), по списку XVII века, вряд ли много старше самого события, которое в нем повествуется. Несмотря на фантастические вычурные и украшения, наполняющие эту повесть, несмотря на ее церковную тенденциозность и наивно истекающие отсюда неуклюжие вымыслы, протокольная последовательность

и точность изложения в описании страданий Соломонии ясно указывают, что этот любопытный и тяжкий случай истеро-эпилепсии, окруженной половыми и религиозными галлюцинациями, записан автором с натуры. Он путает и сбивает с толку читателя там, где вводит религиозный вымысел, но вообще же настолько обстоятелен, что даже начинает повесть свою точнейшими хронологическими и географическими данными: «В лето 7167 февраля в (пропуск) день случилось это неподалеку от города Устюга за сорок поприщ. Вверх по Сухоне-реке есть волость, называемая Ергоцкой, в ней же церковь Пресвятой Богородицы. Священник той церкви именем Димитрий и жена его Улита имели дочь Соломонию, о которой и предстоит слово». Когда эта поповна Соломония заневестилась, родители выдали ее за крестьянина, по имени Матвей. В брачную ночь молодой супруг захотел «выйти за порог дома телесной ради нужды». Покуда он отсутствовал, кто-то постучал в клеть, окликнув молодуху: «Соломоне! Открой!» Соломония, думая, что это муж, встает с постели, открывает дверь — и вот тут начинаются чудеса: «Пахнул ей в лицо сильный вихрь, и явилось пламя огненно-синее». Соломония очень испугалась, а когда «спустя время вернулся муж», начался с нею тяжкий истерический припадок («и была всю ночь без сна; нашло на нее великое трясение и лютый озноб»), который, нарастая в продолжение трех дней, превратил Соломонию в обычный русский деревенский тип кликуши-демономанки: «и на третий день ощутила она у себя в утробе демона лютого, резавшего утробу ее, и была все время во исступлении ума от жившего в ней демона».

На девятый день после свадьбы у этой девочки-истерички, так странно и тяжело перепуганной в критический момент превращения своего в женщину и, конечно, уже внушившей себе, что забрался в нее, с синим пламенем, бес, — у несчастной припадочной Соломонии этой начались половые галлюцинации. «И на девятый день после свадьбы, по захождении солнца, когда были они с мужем в доме и хотели ложиться спать, внезапно увидела Соломония демона, пришедшего к ней в образе зверя — мохнатого, с когтями, и зверь тот лег к ней на постель. Она, испугавшись его, пришла в исступление. Зверь тот осквернил ее блудом, а она очнулась на следующий

день в третий час дня и не рассказала никому случившееся с нею дьявольское кознодейство. И с того дня окаянные демоны стали к ней приходить по пяти и по шести в человеческом облике, как прекрасные юноши, и нападали на нее, сквернили ее и уходили. Люди же того не видели. Соломония поведала мужу, что демоны приходят и сквернят ее».

Муж сперва жалел Соломонию, но, не видя конца ее диким видениям, струсил и отвез жену на житье обратно к отцу ее иерею Димитрию. Здесь припадки Соломонии еще ухудшились, а сладострастные грезы, вдали от мужа, участились. И так как родительский присмотр за нею, надо думать, оказался слабее мужнина, то истеричка убежала из дому, а возвратившись, солгала, будто черти уносили ее к себе в воду.

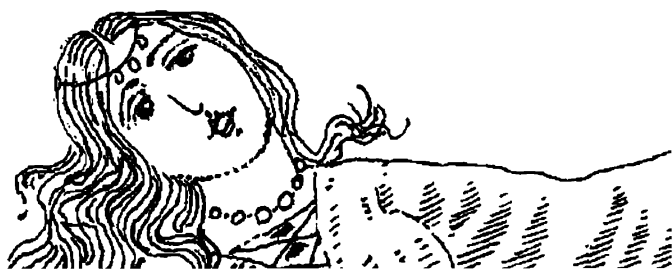
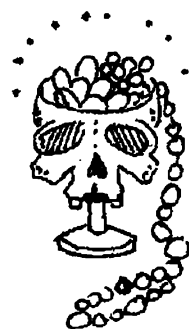
«И была у них два дня и две ночи, и зачала у них, и носила полтора года. Когда же пришло ей время родить, осталась она в доме отца своего и выслала отца со всеми домашними из дому вон, сказав им, что будет рожать неприязненную силу демонскую и не хочет, чтобы те прескверные, когда родит их, убили сородичей ее... И когда начала она рожать, пришла к ней от тех темновидных демонов жена и стала с нею водиться. И родила Соломония шесть демонов, а с виду они были синие. И взяла их та жена, что с нею водилась, и унесла из дома, и положила под мост».

Было бы длинно, скучно и ненужно исчислять все исчезновения Соломонии, насилия над нею демонов и беспрестанные роды ее, в которых она наплодила множество чертенят.

Дальнейшая история Соломонии, как в смене галлюцинаций демонических и религиозных прожила она десять лет с лишком; как бесновалась она во время богослужения, особенно когда один священник решился ее насильно причастить («И начал демон ее устами вопить страшным голосом: «Сжег меня, сжег меня!»»); как являлись ей с ободрением святые Прокопий и Иоанн, устюжские чудотворцы, и, наконец, сама Богородица, — это обычная малоинтересная история кликуши-демономанки. Но исцеление ее в высшей степени любопытно и показательно и как клинический случай, и как комбинация ложных представлений. Великим постом 7179 (1671 года) Соломония говела и — в результате воздержания и физических утомлений, сопряженных с говением, — разре-

шился в ней какой-то внутренний болезненный процесс: на левом боку у нее сделался огромный нарыв, который вскрылся накануне того дня, как ей надо было причащаться. Процесс совершался очень трудно и мучительно, и окружавшие Соломонию «сердоболи», как и сама она, приняли его за новое злодеяние дьявола. Весь этот день и потом до 27 мая (значит, месяца полтора) припадки Соломонии были сильнее, чем когда-либо, — «нимало не давал покоя живущий в ней демон, терзал утробу ее и люто рвал, и мучил ее больше, чем вначале. Прознал он, окаянный, свою гибель». Демон Соломонии чувствовал, что сильная натура ее переломила-таки болезнь, кризис совершился и дело пошло на выздоровление. Половой бред прекратился: после того как внутренний демон прогрыз Соломонии бок, никакие внешние демоны уже ее не «сквернили». 27 мая Соломония видит во сне особо чтимых ею устюжских чудотворцев, «и сказали ей святые: “Соломония, молись Прокопию и Иоанну, они тебя вскоре избавят от такового мучения...”». Предсказание оправдалось даже скорее, чем обещали святые: того же лета 7179-го, июля в 8-й день в самую в память святого праведного Прокопия, значит, шесть недель спустя после видения, Соломония, придя в соборную церковь Пресвятой Богородицы, торжественно заявила «всему освященному собору» и «всем православным, прилучившимся здесь», о полном своем исцелении. По словам ее, оно пришло к ней опять-таки во сне. «И увидели меня словно мертвую, а чрево мое вздулось, и, глядя на меня, все плакали о моей гибели. И вот внезапно воссиял свет неизреченный там, где я лежала, и увидела я юношу, идущего в дом мой и свечу несущего, а за ним шли Прокопий и Иоанн. И, став у изголовья моего, говорили святые мужи между собою. Я же того не ведала, о чем они говорили. И снова приступил ко мне святой Прокопий и перекрестил рукой своей утробу мою, а святой Иоанн, держа в руке копейцо малое, приступил ко мне и рассек утробу мою, и взял из меня демона и подал его святому Прокопию. Демон же начал вопить громким голосом и виться в руке его. А святой Прокопий показал мне демона и сказал: “Видишь, Соломония. Видишь ли демона, который был в утробе твоей?!” Я же глядела на демона — лицом он был черн, и хвост был у него, уста его были толсты и страш-

ны. Положил Прокопий его, окаянного, на помост и заколол кочергой. Святой Иоанн снова стал вынимать демонов из утробы моей и отдавать святому Прокопию. Тот же закалывал их по одному... И спросил святой Прокопий святого Иоанна: «Чиста ли утроба Соломонии от демонов?» И отвечал святой Иоанн: «Чиста, и нет порока в ней». Святой же Прокопий заглянул сам в утробу мою, чтобы была чиста».

Нет никакой необходимости относиться к «Повести о бесноватой жене Соломонии» как к вымыслу, вроде беллетристического, для легкого чтения благочестивых читателей XVII века, для литературного развлечения современников, как выразился о ней в свое время Костомаров. Мы легко можем поверить, что простодушная запись эта действительно запротоколила истинный факт (возможность исторического существования Соломонии допускал и Костомаров). Работы и наблюдения Шарко, Рише, Маньяна²³², Крафт-Эбинга, Мержеевского²³³ и др. дают нам полное право признать это «преславное чудо» во всем его объеме, не нуждаясь ни для одного его момента ни в сверхъестественном толковании, ни даже в предположении, что бесовская драма Соломонии была целиком или в большей части комедией, разыгранной истеричкою-симулянткою с какими-либо двусмысленными целями при помощи шайки шарлатанов. Пред нами просто правильно и точно — «клинически», так сказать, — но не врачом, а церковником записанная история полового невроза, которую автор и в причинах, и в подробностях, и в исходе истолковал и осветил согласно теологическому мировоззрению своего века. Но в изложении хода и явлений невроза внимательная добросовестность автора оказалась выше похвал, почти фотографической. Поэтому мы не имеем никаких оснований сомневаться в его предисловии, что он записал повесть со слов самой ее героини. Сквозь строки повести все время неизменно смотрит живое лицо живой, из медвежьего угла, поповны-мужички Соломонии. Выступает временами и испуганное лицо отца ее Дмитрия, который потом — вероятно, под впечатлением пережитых в семье событий, — оказался монахом Дионисием в Троицком Гledenском монастыре. Ибо силою настоящего, живого, на собственной шкуре пережитого семейного ужаса дышат простые строки хотя бы такого дополнения: «Мучили ее темные проклятые

нечистые духи, жившие в ней, и тогда она вне себя бывала, выбегала из дома своего обнаженная, в разодранной одежде и простоволосая и кидалась в воду зимним и летним временем. Случавшиеся же здесь люди, когда настигали ее на краю воды, а иногда в воде удерживали, и вытаскивали ее из воды на берег да из проруби на лед, словно мертвую. Утроба у нее тогда бывала как у жены, собирающейся родить, и во чреве ее терзались темные демоны, словно рыбы во мрежах. И видя ее страдания, здесь стоявшие люди дивились и относили ее словно мертвую в дом, где жила она. И мучение это и томление от демонской силы много раз случалось». Это вставка попа Димитрия, который присутствовал при рассказе в качестве свидетеля, и нельзя не признать, что сделана она с энергией и образностью человека, живо помнящего, как ловил он по берегам реки и выхватывал из прорубей спешащую на какие-то таинственные зовы, охваченную загадочною жаждою самоубийства полоумную дочь. Роль автора повести свелась к тому, что, когда Соломония или поп Димитрий наивно говорили: «нечистый стал визжать, как поросенок», — он, начитанный и письменный церковник, облакал эту деревенщину в литературность: «яко свиния малыя». Но и только. Протокол же остается протоколом, и факты его — фактами.

Кроме своих природных детей дьявола любили брать приемышей. Доставались им дети либо через похищение, либо через проклятие или неосторожное обещание родителей, либо чрез неправильность в обряде крещения. Мы видели в примере Соломонии Бесноватой, что достаточно было крестьящему попу быть в пьяном виде, чтобы отдать ребенка во власть «чернородных демонов». Английский летописец Роджер из Ховдена²³⁴ рассказывает, что одна девушка, забеременев, ушла из дому, чтобы скрыть приближающиеся роды. В открытом поле в час ужасной грозы схватили ее муки. Устав напрасно призывать помощь Божию, взмолилась она к дьяволу. Он тотчас же появился в виде молодого человека и сказал ей: «Следуй за мною». Привел ее в овчарню, сделал из соломы постель, развел хороший огонь и ушел за едою. Шли мимо два человека, заметили огонь, вошли в овчарню, расспросили лежащую родильницу и, ужаснувшись дьявольского коварства, побежали

в ближайшую деревню за священником. Тем временем черт возвратился с съестными припасами и водою, подкормил родильницу и, когда настал ее час, принял у нее младенца, как искуснейший акушер. А тут как раз подоспел священник с толпою прихожан и начал заклинания, которых дьявол, конечно, не выдержал и бежал, умчав и новорожденного на руках своих. Добрая мать, мало о том заботясь, возблагодарила Создателя за избавление от лукавого и с миром возвратилась в дом свой. Нельзя не сознаться, что в удивительном этом происшествии дьявол едва ли не единственное действующее лицо, которое вело себя, как прилично порядочному человеку.

Вальтер де Куанси²³⁵ рассказывает другую историю. Добродетельные и богатые супруги, родив несколько детей, дали Святой Деве обет — впредь жить в целомудрии. Но демон хитер, а плоть немощна. Однажды, да еще как раз в ночь на Пасху, демон разжег супруга такую лютою страстью, что после долгих отказов, уговоров и угроз жена должна была уступить его желаниям. Но перед тем как отдаться, она воскликнула:

— Если от этого нашего греха будет ребенок, знай, что я дарю его дьяволу!

Ребенок таки родился — и очаровательный. И чем дальше растет, тем больше восхищает всех красотой, умом, милым характером, добрым поведением. А мать заливается слезами, памятуя свое проклятие и ожидая от него самых мрачных последствий. Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, матери явился ужасный демон и предупредил ее, что через три года он придет за своею добычею. Бедная женщина в отчаянии призналась сыну, какая участь его ожидает. Мальчик горько заплакал и, покинув родительский дом, пошел в Рим к папе просить защиты. Папа встал в тупик пред таким казусным делом и послал юношу к иерусалимскому патриарху, мудрейшему человеку на земле. Этот мудрец, однако, тоже не нашел средства выручить ни в чем не повинного мальчика от когтей ада и отправил его к отшельнику, который был настолько свят, что ангелы сходили с неба, чтобы побеседовать с ним... Три года тем временем почти прошли и до срока остаются одни сутки. В Страстную субботу находит мальчик своего отшельника. Тот сперва тоже растерялся было, но потом приободрился и кое-что придумал. После ночи, проведенной

на молитве, отшельник, служа обедню, поставил мальчика между собою и алтарем. Это не помешало дьяволу ворваться и схватить свою добычу. Но отшельник призвал Святую Деву. Она сошла с неба во всей славе своей, и дьявол, конечно, был посрамлен, а юноша спасен и, возвратясь на родину, посвятил себя на всю жизнь культу Святой Девы.

Поверья такого рода широко разработаны в русской народной демонологии. Некоторые из народных рассказов о несчастных, попавших во власть демонов через родительское проклятие, замечательно красивы и трогательны. Для характеристики их возьму один из знаменитой книги А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу»:

«Жил старик со старухой, и был у них сын, которого мать прокляла еще во чреве. Сын вырос большой и женился; вскоре после того он пропал без вести. Искали его, молебствовали о нем, а пропащий не находится. Недалеко в дремучем лесу стояла сторожка; зашел туда ночевать старичок-нищий и улегся на печке. Спустя немного слышится ему, что приехал к тому месту незнакомый человек, слез с коня, вошел в сторожку и всю ночь молился да приговаривал: “Бог суди мою матушку — за что прокляла меня во чреве!” Утром пришел нищий в деревню и прямо попал к старику со старухой на двор. “Что, дедушка, — спрашивает его старуха, — ты человек мирской, завсегда ходишь по миру, не слыхал ли чего про нашего пропащего сынка? Ищем его, молимся о нем, а все не объявляется”. Нищий рассказал — что ему в ночи почудилось: “Не ваш ли это сынок?” К вечеру собрался старик, отправился в лес и спрятался в сторожке за печкою. Вот приехал ночью молодец, молится Богу да причитывает: “Бог суди мою матушку — за что прокляла меня во чреве!” Старик узнал сына, выскочил из-за печки и говорит: “Ах, сынок! насилу тебя отыскал; уж теперь от те я не отстану”. — “Иди за мной!” — отвечает сын, вышел из сторожки, сел на коня и поехал; а отец вслед за ним едет. Приехал молодец к проруби и прямо туда с конем — так и пропал. Старик постоял-постоял возле проруби, вернулся домой и рассказывает жене: “Сына-то сыскал, да выручить трудно; ведь он в воде живет”. На другую ночь пошла в лес старуха и тоже ничего доброго не сделала; а на третью ночь отправилась молодая жена выручать своего мужа, вошла в сторожку и спря-

талась за печкою. Приезжает молодец, молится и причитывает: “Бог суди мою матушку — за что прокляла меня во чреве!” Молодуха выскочила: “Друг мой сердечный, закон неразлучный! теперь я от тебя не отстану!” — “Иди за мной!” — отвечал муж и привел ее к проруби. “Ты в воду, и я за тобой!” — говорит жена. — “Коли так, сними с себя крест”. Она сняла крест, бух в прорубь — и очутилась в больших палатах. Сидит там Сатана на стуле; увидел молодуху и спрашивает ее мужа: “Кого привел?” — “Это мой закон!” — “Ну, коли это твой закон, так ступай с ним вон отсюда! закона разлучать нельзя”. Выручила жена мужа и вывела его от чертей на вольный свет!»²³⁶.

Множество легенд и сказок варьирует общеизвестный мотив — царь, купец, богатый мужик закупают или обещают за услугу черту то, чего дома не знают. Обещая, рассчитывают отделаться какими-нибудь пустяками, ибо какой же хозяин всего важного в своем доме не знает? Но оказывается, что это — ребенок, которым беременна жена обещателя, о чем она еще не успела сообщить мужу. Обещанному таким образом ребенку впоследствии приходится тяжкими трудами добывать себе свободу от безвинно закабалившей его злой власти. Славянские сказания этого рода имеют, по большей части, бодрый тон и счастливый конец. Германские же мрачны и трагичны.

Когда черт не в состоянии похитить или выманить ребенка у родителей, он не прочь его купить. Причем продать или передать черту можно не только своего ребенка, но и, например, жену, как сделал один рыцарь, о котором упоминает Артуро Граф. Больше того, при достаточно благоприятных условиях можно отправить к черту человека совершенно постороннего, лишь бы дар был сделан не только на словах, но от чистого сердца. Артуро Граф сообщает на этот счет такую улыбчивую притчу.

Был сборщик податей, человек безжалостный, прижимистый, жадный. Шел он однажды деревнею, и пристал к нему в товарищи черт. Идут. Вдруг видят: гонит мужик свинью, а она артачится, так что привела его в отчаяние, и ругает он ее:

— Черт бы тебя побрал!

Сборщик и говорит дьяволу:

— Не слышишь? Он тебе отдает свинью, — поди возьми ее.

— Нет, — отвечает дьявол, — это не от чистого сердца.

Идут еще. Мать не может унять разревевшегося младенца и ругается:

— Черт бы тебя взял!

— Почему же ты не берешь его? — опять удивляется сборщик.

И опять возражает дьявол:

— Не от чистого сердца дает. Это только так, присловье.

Наконец, подходят они к крестьянам, с которых сборщик собирается выколачивать недоимки. Как завидели они своего мучителя, так и закричали хором:

— Черт бы тебя побрал! Вечно бы тебе быть в когтях у черта!

— Вот это дело! — сказал черт. — Эти дают от чистого сердца.

А потому — пойдём-ка, любезный!

Ухватил сборщика за шиворот — и был таков!

Глава восьмая

Ад

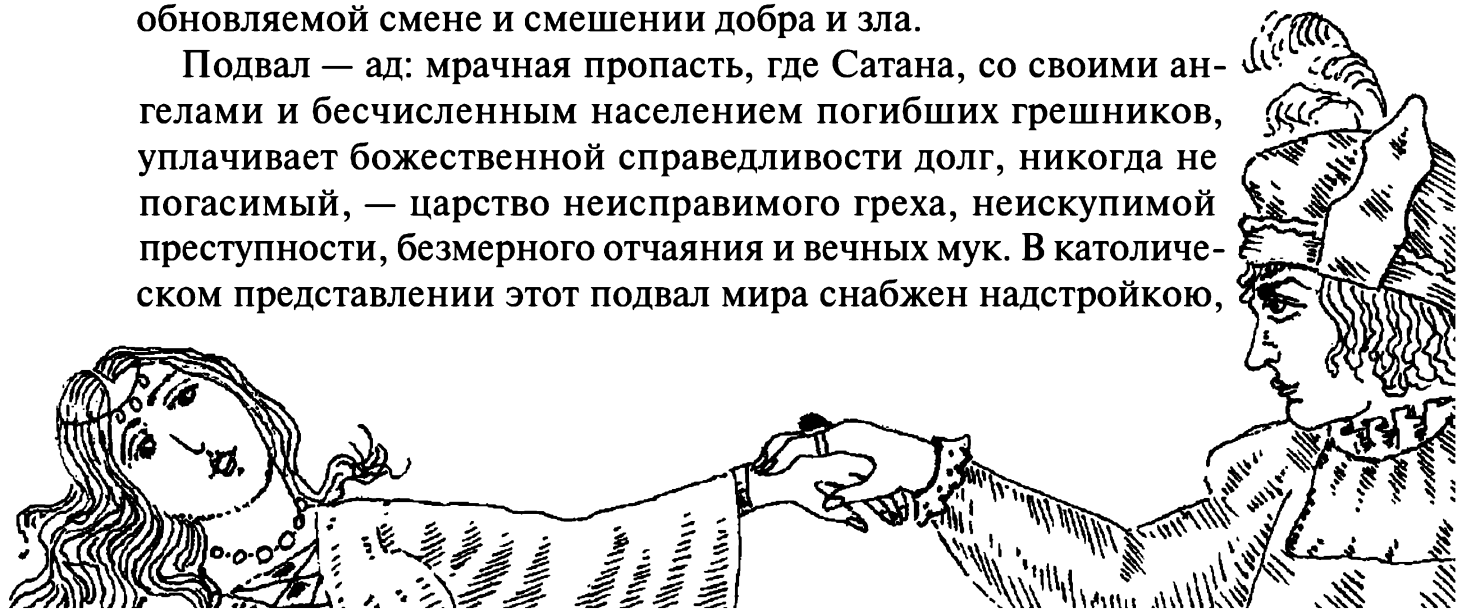
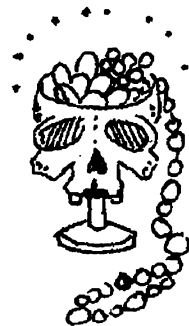
Что такое ад? Где он? Какой?

Вселенная есть здание в два этажа с подвалом.

Верхний этаж — рай, дворец Божий, жилище ангелов и святых, полное светов неопикуемых и гармоний звуков неизрекаемых, украшенное цветами нетленными, благоуханное ароматами неистощимыми, — царство непорочной святости и непреходящей радости.

Нижний этаж — наш земной мир, населенный человечеством, падшим и страждущим, греховный, в жажде искупления скорбящий в мечтах о блаженстве, хрупкое царство превратности, опасного коловращения судеб, в постоянно обновляемой смене и смешении добра и зла.

Подвал — ад: мрачная пропасть, где Сатана, со своими ангелами и бесчисленным населением погибших грешников, уплачивает божественной справедливости долг, никогда не погасимый, — царство неисправимого греха, неискупимой преступности, безмерного отчаяния и вечных мук. В католическом представлении этот подвал мира снабжен надстройкою,

в которой грех может быть исправлен и искуплен и страдания облеглаются надеждою: это чистилище, темная прихожая сияющего рая.

Среднее царство представляет собою огромный рассадник душ, которые непрерывно уходят из него двумя течениями: одно поднимается к небу, другое опускается в ад. Сатана и его несчетное воинство только одною целью и живут, направляя на нее все свое искусство и злобу: как бы увлечь вниз возможно большее число душ, чтобы заселить ад в ущерб раю. И, как известно, работают не без успеха.

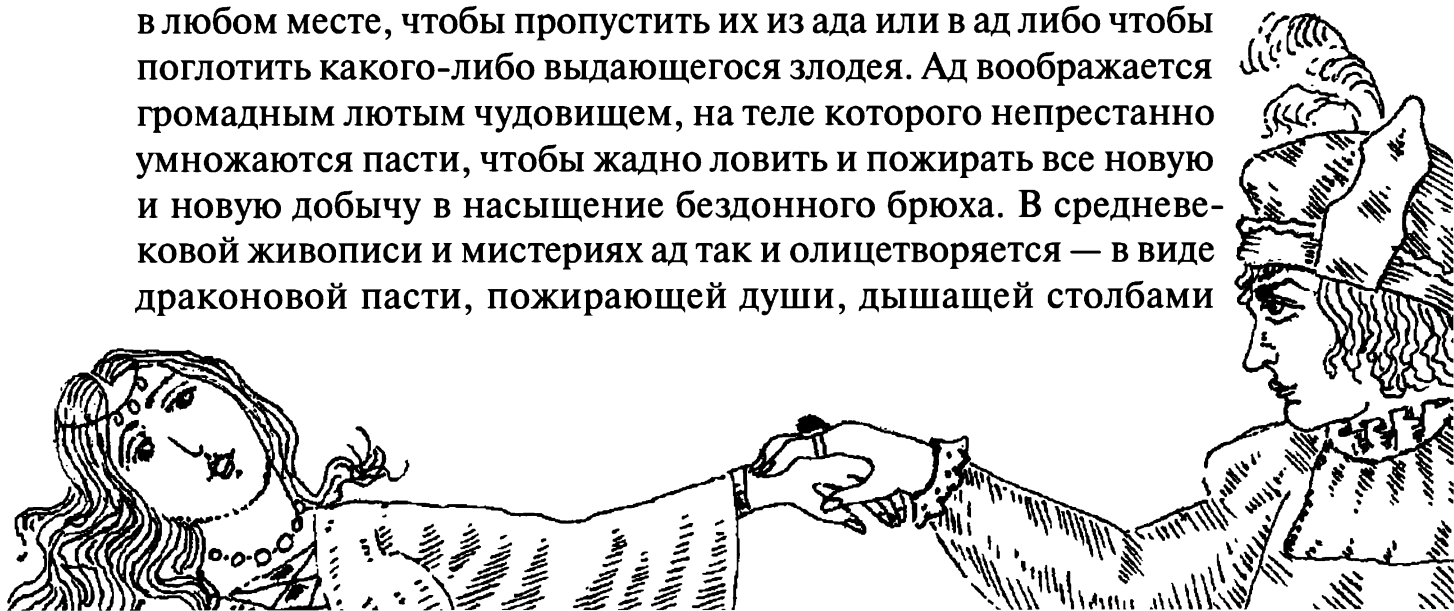
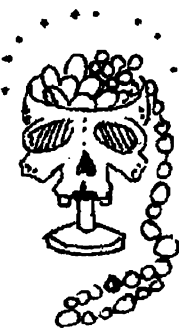
Где же, собственно, находится ад?

Блаженный Августин в знаменитом трактате своем «О граде Божиим» предостерегает против этого вопроса, говоря, что ни один человек не в состоянии узнать местоположение ада, если сам Бог не открыл ему этой тайны. Но Средние века, пытливые насчет мистической географии, не послушались блаженного Августина, и вот — целым градом пестрых мнений — ад помещается то в воздушных сферах, то на солнце, в Иосафатовой долине, под полюсами, у антиподов, внутри вулканов, в центре Земли, на крайнем Востоке, на далеких островах, затерянных среди неведомых океанов, — иные же отделяются от адской топографии неопределенным, но решительным указанием: «вне мира». Григорий Великий повествует о некотором отшельнике с острова Липари, зревшем однажды, как папы Иоанн и Симон ввергли в кратер тамошнего вулкана душу Теодориха Великого. Альберих от Трех Источников²³⁷, французский монах, летописец XIII века, полагал, что души сожигаются в Этне. Истории в том же роде рассказывают Аймоин Флерийский²³⁸ и Цезарий из Гейстербаха. Св. Брандан, с именем которого связана легенда об одном из древнейших и, конечно, таинственнейших дальних плаваний в Атлантическом океане, видел где-то остров, изрыгающий пламя, на котором демоны в образе кузнецов ковали молотками распростертые на наковальнях раскаленные души. «Гуон Бордосский», французская поэма XIII века, помещает ад на острове, называемом Моусант, другая французская поэма, тоже XIII века, «Отинель», растягивает его «под Татарией». На Востоке находит адское пекло герой рыцарской повести Угоне Альвернийский.

Однако же наиболее распространенным, господствующим и самым естественным оставалось мнение, согласное с представлением древних, по которому ад находится внутри земли, как вечная угроза бездны, готовой разверзнуться под ногами грешных. Земная кора — не более как тонкий потолок ада, дрожащий и трепещущий под напором карающего пламени и воя вечных мук. Земля, красиво одетая солнцем в цветущие поля, густые леса, светлые воды, в действительности — червивый плод: кожа — румяная, а сердцевина — гнилая. Червь, источивший и испортивший великое яблоко земли, есть Сатана. Данте так буквально и называет его: «Преступный червь, который точит землю», и поразительной силою фантазии рисует картину, как через падение Сатаны с неба на землю создалась адская пропасть.

Ад должен был иметь свои жерла — входы и выходы для вечно снующих взад и вперед по делам своим дьяволов. Уже в Евангелии есть указание на «врата адовы», которые не одолеют Церкви. Нисходящий во ад Христос, в Никодимовом Евангелии, придя к вратам ада, повелевает князьям мрака, чтобы они открыли пред Ним врата эти, и когда те медлят, то Христос взламывает врата и, опрокинув, входит. Гервасий Тильбюрийский знал о вратах ада, разбитых Христом, что они были бронзовые и что обломки их можно видеть на дне одного озера близ Поццуоли²³⁹. Данте вошел в ад уже вратами без дверей, и над ними была надпись литерами темного цвета. Количество адских отдушин на поверхность земли предполагалось, впрочем, весьма значительным и помимо этих главных ворот. Такими считались все вулканы — трубы, предназначенные выпускать пары и дым вечной адской кухни, многие пещеры и пропасти, водоворот Мальстрема, а в Ирландии — знаменитый колодезь Св. Патрика. Кроме подобных входов, обычных и постоянных, демоны могли заставить землю раскрыться в любом месте, чтобы пропустить их из ада или в ад либо чтобы поглотить какого-либо выдающегося злодея. Ад воображается громадным лютым чудовищем, на теле которого непрестанно умножаются пасти, чтобы жадно ловить и пожирать все новую и новую добычу в насыщение бездонного брюха. В средневековой живописи и мистериях ад так и олицетворяется — в виде драконовой пасти, пожирающей души, дышащей столбами

пламени и дыма. Изображение это можно видеть на папертях старинных русских церквей XVII—XVIII веков. Вообразить ад исполинским животным, положенным, так сказать, в фундамент земли, исконно свойственно русской религиозно-эпической мысли. Хорошо известно поверье, что земля стоит на трех китах. Прежде их было четыре, но один помер и настолько нарушил тем земное равновесие, что тогда произошел Всемирный потоп. Когда же помрут остальные три, то наступит кончина мира. В «Беседе трех святителей»²⁴⁰ говорится, что «земля основана на огнеродном ките или змие, который живет в огненном море; из уст его выходят громаы пламенного огня; из ноздрей — ветер буйный, воздымающий огонь геенский. В последние времена он задвигнется, восколеблется, и потечет река огненная, и настанет свету переставление» (Генерозов)²⁴¹.

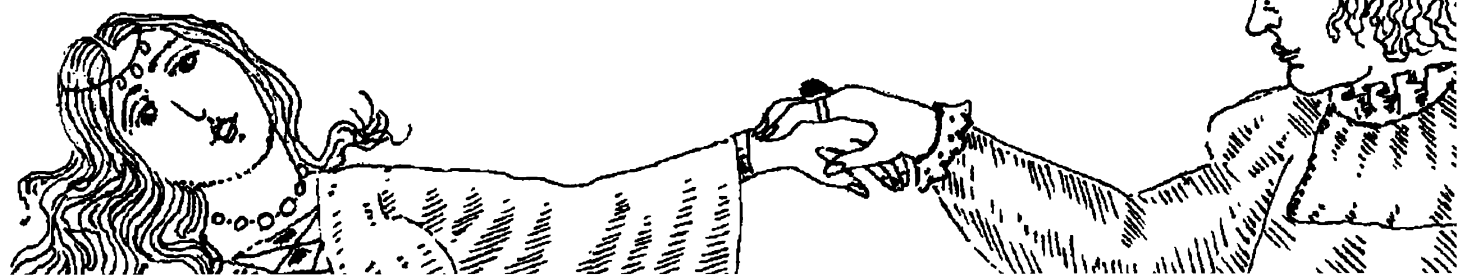
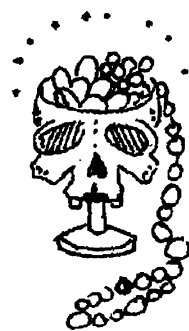
Рай — царство радости и света. Ад — царство страданий и тьмы. Тьма там — густая, глубокая и как бы плотная. Она в некотором роде представляет собою основное вещество ада. Созерцая «печальную долину бездны», Данте видел ее «настолько темною, глубокою, в туманах, что, сколько взор ни устремлялся ко дну, не мог ни одного различить очертания». Это — «слепой мир», «место, онемелое в лишении всякого света», вечный туман его нарушают только сверкания пламенных облаков и вихрей, рдеющие кучи раскаленного угля, потоки расплавленных металлов. Впрочем, некоторые утверждали, что адский огонь обладает только свойством жара, но не света, так что неугасимое адское пламя — «темное».

Царство мертвых должно приять бесчисленные народы. Поэтому оно обширно и глубоко. В старинной англосаксонской поэме Сатана, по повелению Христову, измеряет пространство ада и определяет расстояние от врат до дна его 100 тысяч миль. Однако теолог и экзегет XVII века Корнелис ван ден Стеен (Cornelius a Lapide, 1566—1627), автор десятитомных комментариев на Священное Писание, иезуит, довольствуется для ада шириною всего лишь в 200 итальянских миль²⁴². Немного, сравнительно с предполагаемым населением, но один немецкий богослов вычислил, будто объем кубической мили достаточен, чтобы вместить сто тысяч миллионов осужденных душ, так как они должны располагаться отнюдь не просторно и с комфортом, но одна на другой, подобно сельдям в бочонке

или виноградинам в кадке. Подобную вечность только немец мог придумать! Это хуже даже свидригайловского²⁴³ бреда: «Нам вот все представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность».

Геометрически построенный ад Данте — опрокинутая воронка, опущенная к центру земли девятью кругами последовательно укороченных радиусов, — встречается у некоторых подражателей великого поэта, но не у его предшественников, визионистов. Их ад — всегда подобие земной области, с той разницею, что он много сквернее самого скверного места на земле, которое знают люди, и что он никогда не видит сияния небес. Адские декорации визионистов — крутые, голые скалы, загроможденные каменистые равнины, разверстые пропасти, леса странных деревьев, смоляные озера, гнилые и угрюмые болота. Ад прорезан в длину и ширину реками, то чуть ползущими, то бурно стремительными, причем названия их — Ахерон, Флегетон, Лета, Коцит, Стикс — показывают, что они, переменяв русло, притекли в христианский ад из античного языческого Аверна. Реки эти описывает и упоминает также Данте.

Печальное царство имеет города и замки. Данте рисует город Князя тьмы Дия в долине, окруженной глубокими рвами, с вечно раскаленными башнями, с тяжелыми стенами. Часто весь ад рассматривался как один большой город и под именем проклятого Вавилона противопоставлялся небесному Иерусалиму, как Сатана противопоставляется Богу. Таким воображал себе ад Бонаventura, а контраст между двумя городами — горним и преисподним — воспел Джаакомино Веронский, поэт-францисканец XIII века, в стихах, довольно грубых по форме, но горящих верою. Среди достопримечательностей адской области многие упоминают узкий мост, по которому должны проходить души, причем наиболее отягченные срываются с него, чтобы упасть в кипящую внизу пламенную бездну. Этот образ заимствован у семитического Востока. Он свой в Коране и Талмуде, а латинскому Западу его подарили, вероятно, Византия и крестовые походы.

У царства вечной скорби имеется своя топография, метеорология, флора и фауна. В нем свирепствуют буйные ветры, то леденящие, то сожигающие; льют неукротимые дожди, падают град и снег. Растения, питаемые ужасною почвою ада, покрыты шипами острее ножей, плоды их налиты ядом. Воздух отравлен нестерпимою вонью. Животные — в самом деле животные или демоны в виде животных: трехголовый Цербер, трехтуловищный Герион, свирепые собаки, драконы, змеи, жабы, отвратительные насекомые...

Средневековый ад снабжался душами всех классов и профессий, положений и условий общественных — от императора до шута, от папы до злого ребенка, от рыцаря до купца, от монаха до проститутки — с таким усердием и в таком обилии, что можно подумать, будто человечество только для того и существует, чтобы населять адские бездны. Отшельник VIII века, св. Баронт, видел демонов, носивших души в ад, — они летели в мир и возвращались с добычею, совсем как пчелы в улей со взятою, снятою с цветов. Св. Обинцо (ум. 1200) видел души, падавшие в ад, как густой снег, а св. Бригитта²⁴⁴ в одном из своих «Откровений» считает ежедневное поступление душ на рынок преисподней «паче песку морского».

Некоторым мертвецам демоны делают честь, являясь за душами их целою толпою. Так была унесена с поля сражения душа Родриго²⁴⁵, последнего короля готов в Испании. Св. Иаков из Вораджио рассказывает поучительную историю, как некоторые монахи всю ночь, до восхода солнца, сидели на берегу реки и вели непристойные и праздные разговоры. Вдруг видят: стремительно плывет лодка, полная гребцов, работающих веслами с какою-то неестественною силою. «Кто вы такие?» — спрашивают монахи. А те отвечают: «Мы демоны; несем в ад душу Еброина²⁴⁶, мажордома Невстрийского...» Услыхав такие страсти, монахи струсили и, бледные, закрестились: «Святая Мария, моли Бога за нас!» — «Вы вовремя спохватились призвать Марию, — сказали демоны, — потому что мы намеревались растерзать вас и утопить в наказание за вашу распутную и несвоевременную болтовню...» Монахи не заставили повторять нотацию дважды и поспешили в монастырь, а нравоучительные черти с высокопоставленным багажом своим поплыли себе в ад.

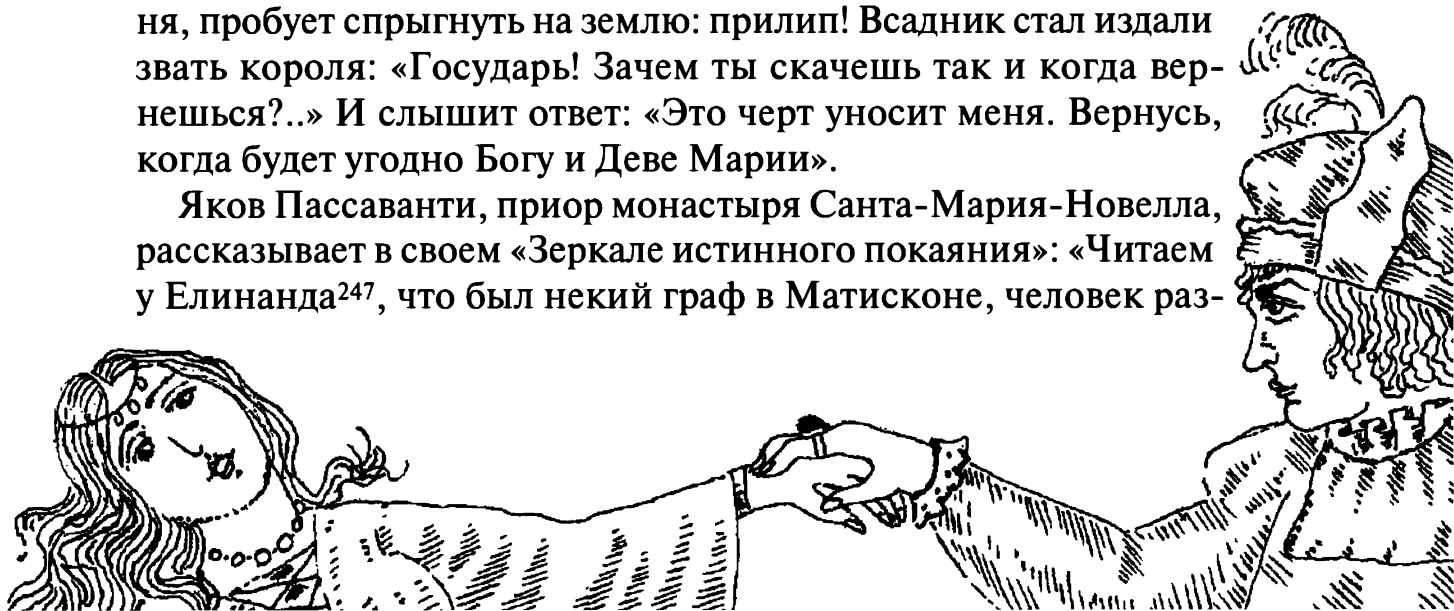
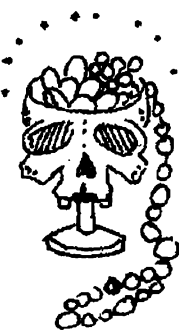
Впрочем, иногда дьяволы не довольствовались тем, что уносили злую душу. Некоторых злодеев они забирали живьем, прихватывая и тело. Цезарий из Гейстербаха рассказывает, как у них в Кёльне один солдат, ярый игрок, играл с чертом в кости и проиграл. Черт ухватил его и унес сквозь крышу с такою стремительностью, что памятью о бедном солдате остались лишь его кишки, прилипшие к черепицам. Легенда эта была известна и в древней русской литературе. Костомаров напечатал ее по списку XVI века, принадлежавшему Румянцевскому.

«Некий воин отдаде себе на всякую игру, и ни в нощи, ни во дни не даде себе покоя, но на всяк час о сем печашеся, и мешец нося сребра, потрясая им и ко игранию призывая; и во всяких играх зело получен: и никто бо от него тако отходя, но всех обыгрывая. Что же Бог о нем впредь будущим родом показа?

Попущено бысть от Бога, дабы с тем воином играл диявол. И прииде к нему во образе человеки, предложи сребро, и воин свое, и начата играти; и нимало поступи воину, но все демону приспособляло, воину же и сребра недостало. И вскочи воин разгневався, рече: или диявол еси? И рече демон: престанем о сем, яко уже приближается день; несть же мне что у тебе, кроме самого пояти. И восхитив того сквозь кров храмины, повлече с таковою силою, иже вся внутренняя его обретоша между крова изриновенна и ошашася...»

Порою для подобных похищений дьявол гримируется черным конем или рыцарем на черном коне. В первом виде — известная легенда — он похитил Теодориха Великого: прельстил старого гота сесть на вороного коня неслыханной красоты, который, едва король очутился на нем, помчался быстрее птицы. Напрасно лучший из всадников свиты хочет догнать его, напрасно мчатся вслед ему собаки, спущенные со своры. Напрасно сам Теодорих, почуяв сверхъестественную силу коня, пробует спрыгнуть на землю: прилип! Всадник стал издали звать короля: «Государь! Зачем ты скачешь так и когда вернешься?...» И слышит ответ: «Это черт уносит меня. Вернусь, когда будет угодно Богу и Деве Марии».

Яков Пассаванти, приор монастыря Санта-Мария-Новелла, рассказывает в своем «Зеркале истинного покаяния»: «Читаем у Елинанда²⁴⁷, что был некий граф в Матисконе, человек раз-

вратный и великий грешник, гордый против Бога, безжалостный и жестокий к ближним. Будучи важным барином, обладая властью и большими богатствами, здоровый и сильный, он не думал, что должен будет умереть или что лишится земных благ и будет судим Богом. Однажды, в день Пасхи, когда он в своем дворце, окруженный многими рыцарями, отроками и почтеннейшими из граждан, разговлялся за праздничным столом, внезапно въехал в ворота дворца на огромном коне некто неизвестный; никому не сказав ни единого слова, приблизился он к тому месту, где находился граф с обществом гостей своих, и — слышимый и видимый всеми — произнес: «Встань, граф, и следуй за мной...» Граф, совершенно перепуганный, трепеща, встает и следует за неизвестным, которому никто не решается ничего возразить. У ворот дворца всадник приказал графу сесть на одну из приготовленных там лошадей и, взяв ее за узду и увлекая за собой, понесся во всю прыть по воздуху. Весь город это видел и слышал жалобные вопли графа, кричавшего: «Помогите мне, о граждане, помогите вашему бедному, несчастному графу!» И с этими криками исчез он из общества людей и отправился на века вечные в ад, в общество чертей». Еще раньше Елинанда и Пассаванти подобную историю рассказывает Петр Достопочтенный в книге «О чудесах».

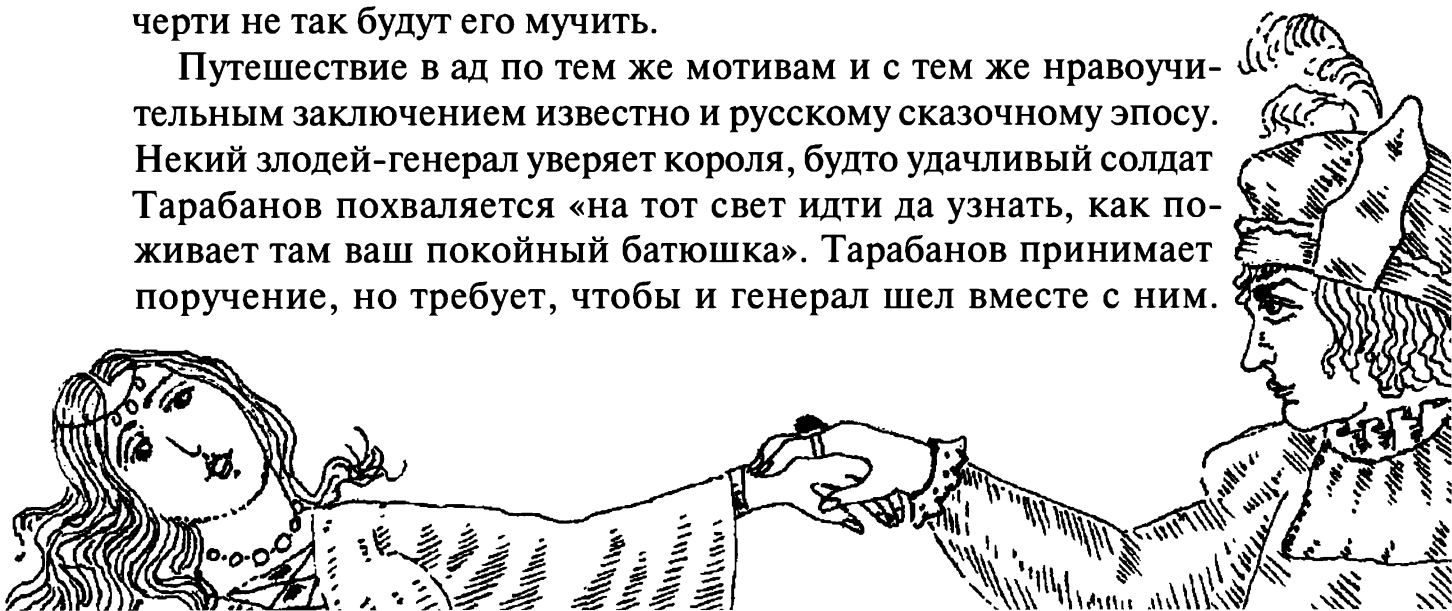
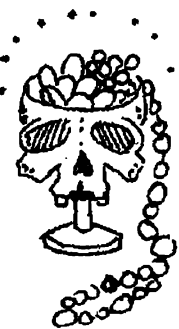
Обремененные работою, хватая второпях, черти часто забирают души, не принадлежащие им по праву, но просто те, что, так сказать, плохо лежат. Когда умер император Генрих II²⁴⁸, один отшельник видел, как дьяволы целою шайкою волокли его — в образе медведя — на суд, которым покойный был, однако, оправдан. Григорий Великий рассказывает историю некоего константинопольского нобилья по имени Стефан. Вельможа этот внезапно заболел и умер. Приведенный пред адским судьей, он слышал, как этот последний воскликнул: «Кого вы взяли? Я приказывал привести сюда не этого, но кузнеца Стефана!..» И тотчас же нобиль Стефан возвратился к жизни, а вместо него умер Стефан-кузнец. Бывало, однако, и наоборот, что впадали в ошибку Небеса и торжествовало дьявольское право. Фома Кантипратийский сообщает случай, когда дьяволы овладели душою очень злого ребенка и понесли ее в ад. Архангел Михаил отбил у них добычу, но св. Петр

не впустил мальчишку в рай и приказал Михаилу вернуть его Сатане.

Попасть в ад на вечное жительство было очень легко. Напротив, чрезвычайно трудно было сойти в ад в качестве простого посетителя, так сказать, на положении любопытствующего туриста. Несмотря на то, многим все же удалось побывать в преисподней заживо. Список начинается с Девы Марии, которая посетила ад в сопровождении архангела Михаила и множества ангелов. «Хождение Богородицы по мукам» — популярнейший апокриф русского, да и вообще православного крестьянства. Затем — св. Павел. Легенда о его нисшествии во ад была очень распространена в Средние века и, несомненно, известна Данте. Обыкновенно подобные нисшествия являлись результатом божественного милосердия к какому-либо несчастному грешнику, вымоленному от казни чьим-либо святым заступничеством, или к народу, нуждающемуся в наглядном уроке адских мучений, потому что он забыл заповеди и предупреждения Божии. Но св. Гутлака сами черти однажды вытащили из кельи и носили по преисподней, чтобы возмутить его против божественной справедливости нестерпимым зрелищем адских мук.

Смелый рыцарь Угоне Альвернийский отправился в ад по приказанию своего короля, который пожелал взять дань с Люцифера. Вот эффектное перерождение сказки о работнике Балде на почве романтического феодализма! В 1218 году некий граф предложил большую награду тому, кто сможет принести ему вести, как существует на том свете отец его, незадолго умерший. Бравый рыцарь взялся за это дело. Купив секрет у какого-то колдуна, он пробрался в ад, нашел старого графа в самом плачевном положении и получил от него поручение убедить сына, чтобы тот возвратил Церкви некоторые имения, им, стариком, неправильно захваченные: тогда, может быть, черти не так будут его мучить.

Путешествие в ад по тем же мотивам и с тем же нравоучительным заключением известно и русскому сказочному эпосу. Некий злодей-генерал уверяет короля, будто удачливый солдат Тарабанов похваляется «на тот свет идти да узнать, как поживает там ваш покойный батюшка». Тарабанов принимает поручение, но требует, чтобы и генерал шел вместе с ним.

«Пришли они в густой, дремучий лес и спустились в глубокий-глубокий овраг. Солдат с генералом остановились и принялись сухари глотать; не успели покушать, как глядь — мимо их на старом короле два черта дрова везут — большущий воз! — и погоняют его дубинками: один с правого боку, а другой с левого. “Эй, господа нечистые, — закричал солдат, — освободите мне этого покойника хоть на малое время; нужно кой о чем его расспросить”. — “Да, есть нам время дожидаться. Пока ты будешь с ним разговаривать, мы за него дрова не потащим”. — “Зачем самим трудиться, вот возьмите у меня свежего человека на смену”. Черти мигом отпрягли старого короля, а на его место заложили в телегу генерала и давай с обеих сторон нажаривать: тот гнется, а везет. Солдат спросил старого короля про его житье-бытье на том свете. “Ах, служивый! плохое мое житье. Поклонись от меня сыну да попроси, чтобы служил по моей душе панихиды: авось Господь меня помилует — свободит от вечной муки. Да накрепко ему моим именем закажи, чтобы не обижал он ни черни, ни войска; не то Бог заплатит”. — “Да ведь он, пожалуй, веры не даст моему слову; дай мне какой-нибудь знак”. — “Вот тебе ключ, как увидит его — всему поверит”. Только успели они разговор покончить, как уж черти назад едут. Солдат попрощался со старым королем, взял у чертей генерала и отправился вместе с ним в обратный путь. Приходят они в свое королевство, являются во дворец. “Ваше величество! — говорит солдат королю. — Видел вашего покойного родителя — плохое ему на том свете житье. Кланяется он вам и просит служить по его душе панихиды, чтобы Бог помиловал — свободил его от вечной муки; да велел заказать вам накрепко: пусть-де сынок не обижает ни черни, ни войска. Господь тяжко за то наказывает”. — “Да взаправду ли вы на тот свет ходили, взаправду ли моего отца видели?” Генерал говорит: “На моей спине и теперь знаки видны, как меня черти дубинками погоняли”. А солдат ключ подает; король глянул: “Ах, ведь это тот самый ключ, от тайного кабинета, что, как хоронили батюшку, так позабыли у него из кармана вынуть”». В другом варианте еще выразительнее:

«Что же с тобою отец наказывал?» — «Да велел сказать: коли ваше величество будете управлять королевством так же не по правде, как он управлял, то и с вами то же будет».

Вера в возможность посещения ада была очень распространена в народе, о чем свидетельствует великое множество шуточных сказок и анекдотов о разных плутах, которые, играя на этой струнке, дурачили глупых ханжей и суеверных баб. Рассказы эти бесчисленны в фольклоре безусловно всех европейских стран, а русский ими, кажется, богаче всех. «Сидит на печи старуха. Пришел солдат: “Бабушка, дай пообедать”. Она дала ему пообедать. “А как тебя зовут, родимый?” — “Я — Тихон, с того света спихан”. — “У меня там сынок Филатушка; повести, как живет там!” — “Он, бабушка, свиней пасет; ну, да и хлопотно ж ему: весь-то он оборвался, весь-то он обносился!” — “Ах, батюшки-светы! ну, служивый, я с тобой к сынку гостинец пошлю: унеси к нему шубу, поддевку да целковый денег”. — “Хорошо, бабушка, унесу!” Взял шубу с поддевкой да целковый-рубль и ушел, куда сам знал. А старухин сын на ту пору за дровами в лес ездил; воротился он домой, старуха и говорит: “А ко мне весточка пришла от Филатушки!” — “Какая весточка?” — “Давеча приходил солдат Тихон, с того света спихан...” — “Коли так, — говорит сын, — прощай, матушка! я поеду по вольному свету; когда найду дурковатей тебя — буду тебя и кормить и поить, а не найду — со двора спихну”. Повернулся и пошел в путь-дорогу».

Посещение могло совершиться двояким образом: телесно — путешествием и духовно — видением. Второй способ наиболее частый. Видениям ада подвергались обыкновенно люди, обретавшиеся либо в крайне возбужденном, экстатическом напряжении организма, либо, наоборот, ослабленные долгою болезнью или какою-либо другою причиною до полного упадка жизненной энергии, до летаргического состояния, похожего на смерть. Так видел ад ирландский монах св. Фурсей. После трех дней болезни ему явились два ангела, которым предшествовал третий с огненным мечом и сверкающим щитом, и повели его смотреть грозящие человечеству муки. Карл Толстый²⁴⁹ однажды, ложась спать, услышал страшный голос, сказавший ему: «Вот, Карл, сейчас душа твоя оставит тело и будет отведена, чтобы видеть суды Божии!..» Так и случилось. Альберих, сын одного барона в Кампании, в девятилетнем возрасте подвергся обмороку, продолжавшемуся девять дней. За это время он, сопровождаемый св. Петром и двумя ангелами,

успел осмотреть и ад, и рай. В 1149 году ирландский рыцарь по имени Тнугдал, человек нечестивый и безнравственный, был ошеломлен в драке со своим должником тяжелым ударом топора. Придя в себя, он рассказал, что побывал на том свете. Напротив, герои рыцарских романов — Угоне Альвернийский, Гверин Злополучный и рыцарь Оуэн — побывали в аду живою плотью и кровью, по следам Улисса и Энея, которых литературными потомками они были. Точно так же посетил ад Данте.

И в том и в другом случае посещение ада было небезопасно. Св. Фурсей всю жизнь носил следы от ожога адским пламенем. Демоны терпеть не могли видеть у себя живых пришельцев. Карла Толстого они пытались зацепить огненными крюками, а одного благочестивца из Нортумберланда, о котором рассказывает Беда Преподобный, едва не захватили раскаленными щипцами. То же самое в наших староверческих легендах. И, наконец, даже сам Данте признается, что без защиты Вергилия и небесного посланника ему не раз могло прийти плохо от мрачных хозяев печального царства, как гостю неудобному и непрощенному. Так что посетителям, нисходившим в ад по непосредственной силе божественного милосердия, обыкновенно давался в охрану ангел-путеводитель.

Глава девятая

Адские муки

Ад существует для совместного наказания грешников и дьяволов, казнимых и палачей. Противоречивое существо Сатаны совмещает в себе качества и обязанности по первому взгляду, казалось бы, непримиримые. Первая причина зла в мире, неустанный подстрекатель греха и вечный соблазнитель душ, он в то же время оказывается и главным палачом человечества, карающим зло и искупающим грех чрез справедливое возмездие.

Нет в жизни человека проступка настолько мелкого, в уме — мысли настолько незначительной, чтобы демоны их не поймали и не сохранили в своей цепкой памяти, если есть в них хоть намек на грех. Святой Августин видел однажды дьявола, нес-

шего на плечах огромную книгу, в которой были записаны все грехи человеческие. Но чаще дьявол является, вместо такого гроссбуха, со специальной особою книгою для грехов каждого грешника. Книгу эту, черную и увесистую, он противопоставляет маленькой золотой книжке, в которую ангел-хранитель с любовью записывает заслуги и добрые дела человека. Во многих средневековых церквях, например в Гальберштадтском соборе, изображен на картинах дьявол, записывающий имена тех, кто во время богослужения спит, разговаривает или нарушает благочиние. В «Житии» св. Аикадра²⁵⁰ мы читаем, как один бедняга нарушил святость воскресного дня тем, что вздумал остричь волосы. И что же? Сейчас же явился дьявол, и домашние видели, как он, притаясь в углу, поспешно записывал совершенный грех на листке пергамента.

Обыкновенно грешник, не удостоенный помилования, отбывает свою кару в аду. Но бывали случаи, что Сатана, захватив грешника на месте преступления, расправлялся с ним еще при жизни, предупреждая божественное отмщение. Так, например, он унес убийц св. Годегранда²⁵¹, а одна потаскушка, пытавшаяся вовлечь в грех св. Илию Пещерника²⁵², получила от дьявола жесточайшую трепку. По словам Лиутпранда²⁵³, дьявол избил до смерти порочнейшего из пап, Иоанна XII²⁵⁴, застав его в постели в объятиях наложницы, причем не принял во внимание даже любезности, с которою этот первосвященник, покуда был жив и здоров, имел обыкновение пить за столом своим его, дьяволово, здоровье. Монах Филипп из Сиены²⁵⁵ рассказывает историю одной тщеславной красавицы, имевшей обыкновение проводить целые часы за туалетом, украшая свою прелестную особу. Дьявол так ее изуродовал, что несчастная умерла от стыда и страха. Это случилось в Сиене в 1322 году по Р.Х. Часто дьявол бьет, душит или уносит тех, кто выказывает неуважение к мощам или смеется над священными обрядами; входит в тело тех, кто невнимательно слушает священную службу; либо, к великому стыду виновных, во всеуслышание обличает их в тайных грехах. Часто бешенство дьявола насыщается не ранее того, как он натешится над трупом грешника. Много ужасных историй рассказывалось о телах, вихрем выброшенных вон из церкви или адским огнем сожженных в своей могиле или растерзанных на куски.

О «растерзанного Фауста кусках» говорит заключительная сцена трагедии Марло.

Иногда даже честное погребение грешника не помогает ему. Могила его проваливается, и тело вместе с гробом падает в ад, откуда несчастного могут выкупить разве только бесчисленные панихиды, сорокоусты, заупокойные обедни, милостыня, строение церквей и прочее. Это сюжет древнерусского «Сказания о Щилове монастыре, иже в Великом Новеграде». Посадник Щил нажился от ростовщичества, хотя и сравнительно умеренного: «имаше же лихвы на 14 гривен и 4 деньги точною по единой денге на год, боле же того отнюдь не имаше». На деньги эти он выстроил церковь. Епископ Иван, узнав происхождение денег, повелел ему в дом свой идти, в стене дома гроб устроить, поведать духовному отцу все тайны, надеть сорочку и саван, лечь в гроб и чтобы над ним совершили надгробное пение. Щил был в великом недоумении. Рыдая, пошел он домой, так как святителя послушаться не мог, и вскоре всё устроил. Когда же надгробное пение совершили, гроб вместе с Щилом пропал. Святитель же, увидев страшное, повелел иконописцам написать на стене видение Щила в аду и церковь неосвещенную запечатать. Сын Щилов, чтобы вызволить провалившегося в ад родителя, по совету епископа заказал сорокоусты в 40 церквях. По истечении 40 дней святитель послал архидьякона к запечатанной церкви и повелел распечатать ее, гроб посмотреть и стенное писание и ему доложить. Архидьякон увидел в настенном писании Щила в гробу в Аду, а голову его вне ада. После второго приема сорокоустов настенное писание возвестило, что Щил выбрался из пекла уже до пояса. После третьего — архидьякон увидел Щила в гробу вне ада совсем, а гроб был над пропастью, которую видно не было. И сам Щил в гробе цел, как и был.

Св. Тереза²⁵⁶ вымолила однажды у Бога разрешение — немножко попробовать адских мук. Даже шесть лет спустя после этой дарованной ей милости воспоминание испытанных страданий леденило ее ужасом.

Много есть историй о грешниках, вышедших из ада на короткий срок с единственной целью предостеречь живущих о невыразимых муках, которыми свирепствует ад. По рассказу Якова Пассаванти, сэр Ло, профессор философии в Париже,

имел ученика — «острого и тонкого в диспутах, но гордого и порочного в жизни». Студент этот умер, но несколько дней спустя явился своему профессору и сообщил, что он осужден и терпит муку в аду. Чтобы дать профессору хоть малое представление об испытываемых им страданиях, мертвец стряхнул с своего пальца на ладонь учителя капельку пота, и она «прожгла руку насквозь с страшной болью, подобно пламенной и острейшей стреле».

По словам богословов, адские мучения не только вечны во времени, но и не менее настойчивы в пространстве — в том смысле, что нет в существе грешника такой, хотя бы малейшей, частицы, которая не испытывала бы невыносимых страданий, всегда одинаково напряженных. Главным орудием адской казни был огонь. Ориген, Лактанций, Иоанн Дамаскин почитали адский огонь чисто духовным и метафорическим. Но большинство святых отцов держалось за его материальность, а бл. Августин утверждает, что если бы все моря хлынули в ад, то все-таки бессильны были бы умягчить ярый жар ужасного пламени, вечно там пылающего. Кроме огня, есть в аду также лед, яростные ветры, проливные дожди, ужасные чудовища и тысячи видов мучений, которые выдумывают дьяволы для жертв своих. Св. Фома Аквинат доказывает, что это их право и долг, — поэтому они делают все, чтобы пугать и мучить грешников, а в довершение страданий злобно смеются и издеваются над ними. Главное мучение грешников состоит в том, что они навеки лишены лицезрения Божия и знают о блаженстве святых. В последнем пункте, впрочем, мнения расходятся. Некоторые авторы утверждают, что святые-то видят муки грешников, но грешники не видят блаженства святых. Св. Григорий Великий находит, что страдание грешников — приятное зрелище для праведных, а Бернард Клервосский основывает это положение на четырех причинах: 1) святые радуются, что столь ужасные муки не выпали на их долю; 2) они успокоены, что, раз все виновные наказаны, им, святым, уже нечего бояться никаких козней, ни дьявольских, ни человеческих; 3) в силу контраста их блаженство кажется еще более совершенным; 4) то, что нравится Богу, должно нравиться и праведным.

Монах Петр, о котором вспоминает Григорий Великий в одном из своих диалогов, видел души осужденных погружен-

ными в безбрежное море огня. Фурсей видел четыре великих пламени, на близком расстоянии одно от другого: в них казнили по разрядам четыре вида грешников, а около хлопотало множество демонов. Это деление казнящего пламени на четверо знакомо и русским духовным стихам:

Подымутся с неба волменский гром (молния и гром),
 Расшибет мать сыру землю на две полосы,
 Расступится мать сыра земля на четыре четверти;
 Протечет грешным рабам река огненная
 От востоку солнца до запада,
 Пламя пышет от земли и до небеси.

Древность этих видений сказывается однообразием кары — так сказать, оптовой и поголовной. Позднейшие века явили себя более изобретательными на ужасы.

Монах Веттин, видение которого, рассказанное одним аббатом из монастыря в Рейхенау, относится к IX веку, достиг в сопровождении ангела гор неподражаемой красоты и вышины: казалось, они были из мрамора. Подножия их опоясывала огромная река пламени. В волнах ее горели в бесчисленном множестве грешники, другие же терпели иные муки по берегам. Так, в одном пламенном столбе Веттин видел множество священнослужителей различных степеней привязанными к кольям — каждый против своей наложницы, точно так же связанной. Ангел объяснил Веттину, что этих грешников во все дни года, за исключением одного, секут по детородным частям. Некоторых знакомых монахов Веттин видел заключенными в мрачном, полном копоти замке, из которого валил густой дым, а один из них, в довершение казни, томился, замкнутый в свинцовом гробу.

Еще разнообразнее муки ада в видении монаха Альбериха, которого он удостоился еще ребенком. Он видел души погруженными, среди какой-то страшной долины, в лед — одни по щиколотку, другие до колен, третьи по грудь, четвертые по самую голову. Далее тянулся лес ужасных деревьев по 60 локтей вышиною, покрытых иглами: на их старых колючках висели, прицепленные за груди, те злые бабы, которые при жизни отказывались кормить своим молоком младенцев, оставшихся

сиротами без матери; за это теперь каждую из них сосало по две змеи. По лестнице из раскаленного чугуна вышиною в 365 локтей (по числу дней солнечного года) поднимались и спускались те, кто не воздерживался от плотского совокупления в воскресенье и праздничные дни; внизу лестницы кипел смолою и маслом громадный котел, и грешники падали в него по очереди. В ужасном огне, подобном огню хлебной печи, жарились тираны; в огненном озере кипели убийцы; в огромном тазу, наполненном расплавленной медью, оловом и свинцом в смешении с серою и смолою, варились маловнимательные прихожане, терпимо относящиеся к дурным нравам своих священников. Далее разверзлось, подобно колодцу, жерло самой глубокой адской пропасти, дышавшее ужасами мрака, зловонием и воплями. Поблизости прикован был на цепи громадный змей, пред которым реяло в воздухе множество душ; втягивая дыхание, змей поглощал души эти, как мошек, а выдыхая, изрыгал их горящими искрами. Святотатцы кипели в озере расплавленного металла, на котором буря воздымала шумные волны. В другом озере, серном, полном змей и скорпионов, вечно тонули изменники, предатели и лжесвидетели. Воры и грабители закованы были в тяжелые цепи из раскаленного железа, а также и в тяжелые, тоже железные, шейные рогатки.

Эти первобытные западные «оды» вполне сходятся с широко распространенным в народе русском «Словом о муках» или «Хождением Богородицы по мукам», любимым апокрифом русских старообрядцев. Списки и варианты «Хождения» бесчисленны. Привожу для сравнения один из кратчайших, духоборческой редакции.

«Первая мука. Речет Пресвятая Богородица Михаилу Архангелу: “Поведи меня по мукам, где много мучиться, где тьма кромешная, черви неосыпающие”. Повел ее Михаил Архангел по мукам; привел к дереву железному и огненному и ветви на ней огненные. Речет Пресвятая Богородица Михаилу Архангелу: “Сии люди о каких грехах мучатся?” — “Сии люди с древо двор с двором смутились, за то мучатся”.

Вторая мука. Привел к трем кругам огненным, наполненным народами. Речет Пресвятая Богородица Михаилу Архан-

гелу: “Сии люди о каких грехах мучатся?” — “Сии люди по воскресным дням блуд творили — за то и мучатся”.

Третья мука. Привел к огненной реке от Востока до Запада. Речет Пресвятая Богородица: “Сии люди о каких грехах мучатся?” — “Сии люди в огне стоят по колени — те родителей не почитали; какие стоят по пояс — те блуд творили. Какие стоят по грудь — те учились сквернословить. Какие стоят в огне по уши — те не питали отцов своих духовных и бранили их, за что и мучатся”.

Четвертая мука. Привел к палате болезненной и огненной. Речет Пресвятая Богородица: “Сии люди о каких грехах мучатся?” — “Сии люди неправедные правосудцы”.

Пятая мука. Привел к червям не осыпающимся. Речет Пресвятая Богородица: “Сии люди о каких грехах мучатся?” — “Сии люди жили на земле, не знали ни постов, ни сред, ни пятниц, не получали церковных заповедей, оставляли святость, возлюбили тьму, за то и мучатся”.

Шестая мука. Привел к змеям лютым, зубом грызут тело человеческое и сердца их сосут. Речет Пресвятая Богородица: “Сии люди о каких грехах мучатся?” — “Сии люди чародею прислужники, отцов и матерей с детьми разлучали — за то и мучатся”.

Седьмая мука. Привел к смоле кипучей. Речет Пресвятая Богородица: “Сии люди каким грехом мучатся?” — “Сии люди сребролюбники, торгующие грабители, за то и мучатся вечной мукой”».

Но из всех описаний ада, оставленных нам Средними веками, самую возвышенную поэзией ужаса дышит и наибольшей изобретательностью сверкает «Видение Тнугдал». Избежав лап бесчисленных демонов, душа Тнугдала, сопровождаемая светлым ангелом, достигла сквозь густейший мрак ужасной долины, усеянной пылающим углем и покрытой небом из раскаленного железа толщиной в шесть локтей. На эту ужасную крышу непрерывным дождем падают души убийц, чтобы растаять в ее жару, подобно жиру на сковороде; сделавшись жидкими, они протекают сквозь металл, как воск через сукно, и капают на горящие внизу угли, после чего принимают свой первичный вид, обновляясь для вечного страдания. Далее возвышается гора невиданной громадности, ужас наводящая

своим пустынным величием. На нее поднимаются по узкой тропинке, по одну сторону которой пылает серный огонь, зловонный и дымный, а по другую — падают град и снег. Гора заселена демонами, вооруженными крюками и трезубцами; они ловят души интриганов и вероломцев, вынужденных идти по этой тропе, тащат их вниз и попеременно перешвыривают из огня в лед, изо льда в огонь. Вот другая долина, такая угрюмая и мрачная, что не разглядеть в ней дна. Бушующий в ней ветер зверем воеет, разнося грохот протекающей в ней серной реки и непрерывный стон казнимых грешников, и невозможно дышать в ней от зловредного серного дыма. Через бездну эту перекинут мост длиною в тысячу шагов, а шириною не более одного вершка для гордецов, которых гонят по нему, покуда они не сорвутся и низвергнутся в муку вечную. Долгий и трудный путь приводит душу, изумленную ужасом, к зверю нестерпимо страшного вида. Его глаза подобны пылающим холмам, а пасть могла бы вместить десять тысяч вооруженных воинов. Два гиганта, подобные двум колоннам, держат эту пасть всегда разверстую, и она дышит неугасимым огнем. Торопимые и понуждаемые полчищем чертей, души скупцов устремляются против огня в пасть зверя и падают в чрево его, из коего вырывается вопль тьмы там мучимых. Затем следует озеро, огромное и бурное, населенное свирепыми, ужасно ревущими зверями. Через него тоже переброшен мост, длиною в две мили, шириною в четверть аршина и утыканный острейшими гвоздями. Звери сидят под мостом, изрыгая пламя, и поглощают падающие к ним души воров и похитителей. Из колоссального здания, имеющего вид круглой печи, вырывается пламя, язвящее и обжигающее души на расстоянии тысячи шагов. Перед воротами, среди лютого огня, расположились дьяволы-палачи, вооруженные ножами, косами, буравами, топорами, мотыгами, заступами и другими острыми инструментами. Тут казнь обжор. С них дерут кожу, рубят им головы, нанизывают их на шесты, четвертуют, режут на мелкие куски и наконец бросают в огонь чертовой лечи. Далее, на озере, покрытом льдом, сидит зверь, совершенно не похожий на других: у него две ноги, два крыла, длиннейшая шея и железный клюв, извергающий неугасимое пламя. Этот зверь пожирает все души, которые к нему приближаются, и,

переварив, выбрасывает их калом на лед озера, где каждая душа принимает свой первоначальный вид и — тотчас же каждая становится беременною, все равно, душа ли то женщины или мужчины. Беременность души протекает в обычном порядке, причем они все время остаются на льду и изнывают от боли во внутренностях, раздираемых носимым ими потомством. В назначенный срок они разрешаются от бремени, — мужчины, как женщины! — чудовищными зверями, имеющими головы из раскаленного железа, острейшие клювы и хвосты, усаженные острыми крючками. Эти звери выходят из какой угодно части тела и при этом разрывают и тащат за собою внутренности, грызут тело, царапаются, ревут. Это, по преимуществу, казнь сладострастников, в особенности тех, кто нарушил данный Богу обет целомудрия. Еще долина. Она застроена кузницами. Бесчисленные черти в виде кузнецов хватают души раскаленными щипцами, бросают их в жар, постоянно поддерживаемый раздувалом, и когда душа накалится до ковкости, берут ее из огня большими железными вилами и, наткнув таким образом двадцать, тридцать, сто душ, бросают эту пламенную массу на наковальни под молоты других чертей, которые стучат без перерыва. Когда молоты сплющат души в лепешку, ее перебрасывают другим кузнецам, не менее свирепым, которые перековывают их обратно в первобытный вид, чтобы потом повторить всю игру сначала. Сам Тнугдал подвергся этой муке, установленной для тех, кто беспечно накапливает грехи, не избывая их исповедью. Выдержав это мытарство, душа достигает жерла последней и самой глубокой адской пропасти, похожей на четырехугольную цистерну, из которой поднимается высочайший столб огня и дыма. Бесконечное множество душ и демонов крутятся в столбе этом наподобие искр, а потом опять падают в бездну. Здесь, в недостижимой глубине провала, лежит Князь тьмы, растянутый цепями на громадной железной решетке. Вокруг него теснятся черти, разжигая и раздувая под решеткой с треском пылающий уголь. Князь тьмы — необычайной величины, черен, как вороново крыло; он машет во мраке тысячей рук, вооруженных железными когтями, и длиннейшим хвостом, усаженным преострыми стрелами. Корчится и тянется во мраке страшное чудовище и, бесясь от боли и злобы, вскидывает руки свои

в воздух, напитанный душами, и все их, сколько ни схватит, выжимает в свою пересохшую пасть, подобно тому как жаждущий крестьянин делает это с кистью винограда. Потом он выдыхает их, но только что они полетели во все стороны, как новый вздох исполинской груди опять тянет их в нее. Это казнь атеистов, скептиков, сомневающих в милосердии Божиим, а также всех великих грешников, для которых прочие мучения были только подготовительной ступенью к этому — высшему и вечному.

Другие описывали ад огромною кухнею или трапезною, в которой дьяволы — повара и едоки, а души осужденных — кушанья разного приготовления. Джаакомо Веронский изображает, как Вельзевул «поджаривает душу, что добрую свинью», заправляет ее соусом из воды, сажи, соли, вина, желчи, крепкого уксуса и несколькими каплями смертельного яда и в таком аппетитном виде отправляет к столу адского царя; но тот, попробовав кусочек души, сейчас же отправляет ее обратно, жалуясь, что она не дожарена. Со временем тема пиршества в аду стала одною из любимых форм, которыми пользовалась и до сих пор пользуется художественная сатира. Уже современник Джаакомо, французский трубадур Радульф де Гудан²⁵⁷, описывает в своей поэме «Сон об аде» («Le songe d'enfer») большое пиршество, на котором-де и он присутствовал в день, когда король Вельзевул держал открытый стол и общее собрание. Едва он вошел в ад, как увидел множество чертей, накрывающих стол к обеду. Входил всякий, кто желает, никому не было отказа. Епископы, аббаты и клирики ласково приветствовали трубадура. Пилат и Вельзевул поздравили его с благополучным прибытием. В урочный час все сели за трапезу. Более пышного пиршества и более редких яств никогда не видал ни один королевский двор. Скатерти были сделаны из кожи ростовщиков, а салфетки — из кожи старых потаскушек. Сервировка и кушанья не оставляли желать ничего лучшего. Жирные шпигованные ростовщики, воры и убийцы в соусе, публичные девки с зеленой подливкой, еретики на вертеле, жареные языки адвокатов и много лакомых блюд из лицемеров, монахов, монахинь, содомитов и другой славной дичины. Вина не было. Кто хотел пить, тому подавали морс из ругательств.

В качестве мучителей и палачей дьяволы распределялись и по рангу; как бесы-искусители группировались по специальностям управляемых ими грехов, так на каждую категорию последних предполагались и особые черти-мстители.

Теперь вопрос: исполняя свои палаческие обязанности, эти мстители страдали ли сами? Муча преступных людей, отбывали ли они в то же время и собственными муками кару за преступления своей извечной злобы? Мнения на этот счет расходятся. В «Божественной комедии» Данте Люцифер терпит жесточайшую муку, но о других бесах обыкновенно не говорится того же. Как всякое доброе дело их огорчало, так всякое дурное радовало, и, следовательно, по естественному ходу дел человеческих, поводов к радости у них было гораздо больше, чем к огорчению. В благочестивых легендах мы часто видим, как бесы ликуют вокруг души, которую они к себе заманили. Петр Келиот²⁵⁸ уверяет в одной из проповедей своих, что дьявол, постоянно пребывая в адском огне, давно бы умер, если бы силы его не подкреплялись грехами людей. Данте утверждает, что дьявол в аду гораздо спокойнее, потому что очевидность уверяет его, что история мира слагается по его воле. Так что, если даже допустить, что наказание бесов было очень серьезно, все же было у них довольно и того, чем можно утешиться.

Богословы единогласно говорят, что в чистилище бесов-мучителей нету. Но визионеры держатся другого взгляда: их чистилища кишат бесами, состоящими при обычных своих палаческих должностях. Данте в своем «Чистилище» принял сторону богословов против мистиков. Правда, древний враг пытается пробиться в чистилище Данте в образе змея — «быть может, такого же, как тот, что дал Еве горестный плод», — но ангелы немедленно обращают его в бегство. Надо здесь заметить, что, по мнению некоторых, муки чистилища были острее мук адских, так как первые не длились вечно, подобно вторым.

Итак, ад был обычным местом вечного заключения грешников, где они отбывали по положению каждый свою муку. Однако правило это имело свои исключения. Ниже мы увидим, что были счастливые грешники, которых особая милость Божия извлекала из бездны и возносила на небо. Сверх того, в определенных случаях осужденные могли выходить из своей

тюрьмы на более или менее долгий срок, но грешнику было мало радости оттого, что он удалялся от обычного места своих мучений, так как ад мог быть и вне ада, и мучение следовало за осужденным, как тень за телом. Иных грешников ад почему-то не принимал, и они мучились в каком-нибудь странном месте на земле — быть может, для того, чтобы являться поучительным примером для людей, становясь им известными через тех путешественников, которые на них в своих странствиях натывались. Так, св. Брандан, плавая в розысках земного рая, видел Иуду Искарота брошенным в великий морской водоворот, бешеные волны которого вечно играют предателем Христа. Герой одной поэмы круга Карла Великого, Гуон Бордосский, странствуя по Востоку, нашел Каина, замкнутого в железную бочку, утыканную внутри гвоздями, которая безостановочно каталась по пустынному острову. Подобным же образом отбывают казнь свою убийцы великого князя Андрея Боголюбского²⁵⁹, зашитые в короба и брошенные в таком виде в озеро. Короба обросли землею и мохом и обратились в плавучие острова, а заключенные в них убийцы все живы и мучаются, и, когда на озере буря, можно слышать их стоны. Жестокая судьба внеадских мучений постигла и Стеньку Разина. «Раз, возвращаясь из тюркменского плена, русские матросы проходили берегом Каспийского моря; там стоят высокие-высокие горы. Случилась гроза, и они присели у одной горы. Вдруг вылез из горного ущелья седой древний старик — ажно мохом порос. “Здравствуйте, — говорит, — русские люди, бывали ль вы у обедни на первое воскресенье Великого поста? Слыхали ль, как проклинаяют Стеньку Разина?” — “Слыхали, дедушка”. — “Так знайте ж: я — Стенька Разин. Меня земля не приняла за мои грехи; за них я проклят, и суждено мне страшно мучиться. Два змея сосали меня: один со полуночи до полудня, а другой со полудня до полуночи; сто лет прошло — один змей отлетел, другой остался, прилетает ко мне в полночь и сосет меня за сердце, а уйти от горы не могу — змей не пускает. Но когда пройдет еще сто лет, на Руси грехи умножатся, люди станут забывать Бога и зажгут перед образами сальные свечи вместо восковых; тогда я снова явлюсь на белый свет и стану бушевать пуще прежнего. Расскажите про это всем на Святой Руси”» (Костомаров). В разных деревнях можно услышать рассказы,

что не только Стенька Разин, но и Гришка Отрепьев, Ванька Каин²⁶⁰ и Емелька Пугачев до сего дня живы и скрываются в змеиной пещере на том острове, где живут получеловеки, или сидят заключенные в Жигулевских горах (Афанасьев). Джованни Боккаччо, обновляя по-своему старинные легенды, передает страшную историю Гвидо из рода Анастаджи, самоубийцы по несчастной любви. Осужденный на вечные муки, должен он метаться по земле каждый день, преследуя свою безжалостную красавицу, осужденную, как и он. Верхом на черном коне, с длинною шпагою в руке, сопровождаемый двумя меделянскими псами, бегущими впереди, гонится он за жестокою женщиною, а она, босая и нагая, бежит от него. Стефан Бурбонский²⁶¹ говорит, что в его время где-то на Этне можно было видеть души, осужденные вечно строить замок: всю неделю они строили благополучно, но в ночь на воскресенье замок рушился, а в понедельник призраки опять сносились на работу. Впрочем, Стефан считает этих призраков душами не из ада, но только из чистилища.

Много раз видим адский народ, проносящийся в глубокой ночи, как бы процессией, по воздуху или проходивший по лесу подобно войску на походе. Монах Отлоний²⁶² (в конце XI века) повествует о двух братьях, которые однажды, путешествуя верхами, увидели внезапно огромную толпу, мчавшуюся по воздуху невысоко над землею. Перепуганные братья, осенив себя крестным знаменем, спросили у странных путников, кто они такие. Один из них, который, судя по коню и доспехам, был знатный рыцарь, открылся им, сказав: «Я ваш отец. И знайте, что если вы не возвратите монастырю известное вам поле, неправильно мною у него отнятое, то я буду безвозвратно осужден и та же участь постигнет всех моих потомков, которые будут держать неправдою похищенное». Дети исправили его вину и таким образом освободили его из ада.

Еще более удивительную и страшную историю рассказывает другой монах-летописец Ордрик Виталь²⁶³. В 1091 году священник в Бонневале по имени Гуалькельм (Гульельмо, Вильгельм) возвращался однажды ночью от больного прихожанина, жившего довольно далеко от его дома. В то время как он брел пустынными полями под высоко в небе стоявшей луной, слух его был поражен великим и грозным шумом как

бы от движения огромного войска. Охваченный ужасом, священник хотел спрятаться в первые встречные кусты, но ему загородил путь какой-то гигант, вооруженный палицею, и, не принося ему никакого вреда, запретил двигаться с места. Священник стоял как пригвожденный и видел пред собою странное и ужасное шествие. Сперва потянулась бесчисленная толпа пешеходов: они вели за собою огромное количество скота и тащили всякого рода скарб. Все они громко стонали и торопили друг друга. Затем проследовал отряд могильщиков: они пронесли пятьдесят гробов, и на каждом гробе сидел безобразный карлик с огромною головою, величиной с боченок. Два эфиопа чернее сажи протащили на плечах бревно, к которому крепко привязан был злодей, оглашавший воздух ужасными воплями. Черт чудовищного вида сидел на нем верхом и колот ему бока и спину раскаленными шпорами. Затем скакала бесконечная кавалькада прелюбодеек: ветер время от времени приподнимал их воздушные тела на высоту одного локтя и сейчас же ронял их обратно на седла, утыканные раскаленными гвоздями. Дальше тянулась процессия священнослужителей всякого сана и, наконец, полк рыцарей во всевозможных доспехах, верхами на огромных конях, под веющими по воздуху черными знаменами... Ордерик утверждает, что слышал рассказ из уст самого священника, хотя, собственно говоря, это христианская обработка германского языческого мифа о «дикой охоте».

Весьма часто подобными призрачными процессиями великие грешники предупреждаются о приближающемся конце их преступной жизни и необходимости покаяния. Многим из них в один печальный день виделись свои собственные похороны. Этой галлюцинации удостоились беспутный и отважный Энио, герой мистической драмы Кальдерона «Чистилище св. Патрика», беспечный севильский обольститель Дон Жуан ди Маранья и разбойник Роллон в мрачной поэме Уланда²⁶⁴, переведенной Жуковским:

Выехал в поле Роллон; вдруг далекий петух
Крикнул, и топот коней поражает им слух.
Робость Роллона взяла; он глядит в темноту;
Что-то ночную наполнило вдруг пустоту;

Что-то в ней движется; ближе и ближе; и вот
 Черные рыцари едут попарно; ведет
 Сзади слуга в поводах вороного коня;
 Черной попоной покрыт он; глаза из огня.
 С дрожью невольной спросил у слуги паладин:
 «Кто вороного коня твоего господин?»
 «Верный слуга моего господина, Роллон.
 Ныне лишь парой перчаток расчелся с ним он,
 Скоро отдаст он иной и последний отчет;
 Сам он поедет на этом коне через год».
 Так отвечав, за другими последовал он.
 «Горе мне!» — в страхе сказал щитоносу Роллон.
 «Слушай, тебе я коня моего отдаю;
 С ним и всю сбрую возьми боевую мою;
 Ими отныне, мой верный товарищ, владей;
 Только молись о душе осужденной моей».
 В ближний пришел монастырь, он приору сказал:
 «Страшный я грешник, но Бог мне покаяться дал.
 Ангельский чин я еще недостойн носить;
 Служкой простым я желаю в обители быть...»²⁶⁵

В «Апокалипсисе» Иоанна осужденным грешникам обещаны мучения вечные, не облегчимые ни днем, ни ночью. Все церковные писатели утверждают единогласно, что Бог совершенно покидает осужденных и забывает о них. Св. Бернард ясно говорит, что в аду нет ни милосердия, ни возможности покаяния. Однако человеческое чувство и христианское представление Бога как высшей любви не могло помириться с таким суровым догматом, и поверья об отдыхе мучимых грешников нашли широкое отражение в священной поэзии и апокрифах. Уже Аврелий Пруденций²⁶⁶ назначает для такого отдыха ночь на Воскресение Христово. В апокрифическом «Апокалипсисе» св. Павла, сочиненном в конце IV века каким-нибудь греческим монахом, апостол нисходит в царство вечной скорби. Ведомый архангелом Михаилом, он обошел уже всех грешников, видел все муки, горько их оплакал и готов уже удалиться из обители мрака, когда осужденные восклицают в один голос: «О Михаил! О Павел! сжальтесь над нами, молитесь Искупителя за нас!» Архангел отвечает: «Восплачьте все, и я буду плакать с вами, и со мною будет плакать Павел и хоры

ангелов: как знать, может быть, Бог и смилуется над вами?» И осужденные дружно восклицают: «Милостив буде к нам, сыне Давидов!» И вот нисходит с неба Христос в венце из лучей. Он напоминает грешникам их злодеяния и свою бесплодно пролитую за них кровь. Но Михаил, Павел и тысячи ангелов преклоняют колена и молят Сына Божия о милосердии. Тогда Иисус, растроганный, дарует всем душам, страдающим в аду, праздничный отдых от всех мучений — с девятого часа субботы по первый час понедельника.

Эта прелестная легенда в различных вариантах широко распространена и усвоена всеми христианскими народами Европы. Быть может, именно она и вдохновила Данте к его бессмертной поэме. Но идея праздничного отдыха душ звучит и во многих других средневековых легендах. Св. Петр Дамиан²⁶⁷ рассказывает, что близ Поццуоли есть черное и зловонное озеро, а на нем утесистый и каменистый мыс. Из этих зловредных вод еженедельно в урочный час вылетают страшные птицы, которых каждый может видеть от вечерни в субботу до утрени в понедельник. Они реют на свободе вокруг горы, расправляют крылья, приглаживают клювом перья и вообще имеют вид наслаждающихся отдыхом и прохладой. Никто никогда не видел, чтобы они питались, и нет охотника, который пытался бы овладеть хоть одною из них, сколько бы ни старался. На заре понедельника появляется огромный ворон, величиною с ястреба, сзывает этих птиц громким карканьем и торопливо гонит их в озеро, где они исчезают — до следующей субботы. Поэтому некоторые думают, что это не птицы, а души осужденных, которым в честь Воскресения Христова дарована льгота отдыха в течение всего воскресного дня и двух заключающих его ночей.

В русском «Хождении Богородицы по мукам» эта «амнистия» еще шире: «За милосердия Отца моего, яко посла мя к вам, и за молитвы матери моея, яко плакася много за вас, и за Михаила Архистратига завету и за множество мучеников моих, яко много трудишася за вас, — и се даю вам (мучащимся) день и ночь от великого четверга до святого пянтикостия (Пятидесятницы), имете вы покои и прославите Отца и Сына и Святого Духа. И отвещаща вси: “Слава милосердию Твоему”».

Представление души усопшего в виде птицы свойственно всем народам арийского корня и некоторым семитическим. Равным образом обще и представление о солнечном празднике души усопших как птичьим празднике. Этим объясняют мифологи стихийной школы (и весьма правдоподобно) повсеместный европейский обычай: «При начале весны, особенно 25-го марта — в день благой вести о воплощении “праведного солнца” Христа — и на праздник его Светлого воскресенья, выпускать птиц на волю из клеток: символической обряд, знаменующий освобождение стихийных гениев и душ из той неволи, в которой томились они — заключенные злыми демонами зимы. Первый прилетевший аист, первая ласточка или кукушка почти у всех индоевропейских народов приветствуются как вестники благодатной весны; с их прилетом связывают начало и ясной погоды. Стрелять в этих птиц и разорять их гнезда считается за величайший грех» (Афанасьев).

Но Церковь не пошла навстречу этим человеколюбивым уступкам и твердо стояла на том, что адские мучения вечны и постоянны. Учение, провозглашенное в III веке Оригеном, несомненно, одним из величайших умов, порожденных древним христианством, утверждало, что в конце концов все твари спасутся и что от Бога изошло, то к Богу же и возвратится. Но это учение, хотя в следующем, IV веке его поддерживали такие авторитеты, как Григорий Назианзин²⁶⁸ и Григорий Нисский²⁶⁹, было не только отвергнуто ортодоксальной догмой на Александрийском соборе 339 года, но и самую память Оригена подвело под анафему Константинопольского собора 553 года. Церковь настаивала на постоянстве угрозы, которую считала исправительно-полицейским орудием против человеческой распущенности, и стремилась не умягчать ее, но обострять. Искусства наперерыв спешили на помощь религии: Джотто в падуанском Арене²⁷⁰, Орканья²⁷¹ в церкви Св. Марии во Флоренции (Santa Maria Novella) и десятки других в иных городах воспроизводили пламя и ужасы адской бездны. В драматических мистериях появлялась на сцене бездонная пасть дракона, поглотителя душ. Данте описывал царство мрака, на вратах которого высечена уничтожающая надпись: «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate*».

* Входящие сюда да оставят всякую надежду.

Монах на церковной кафедре, подъемля распятие как свидетеля слов своих, исчислял пред устрашенными прихожанами одну за другою муки проклятых, павших во власть Сатаны. А едва он умолкал, как в темноте, под мраморными сводами, взывало стенание органа и гремел страшный гимн, повествующий все те же ужасы, казни и муки адской пропасти, где

Мрак густейший непроглядный,
Вопль свирепый, безотрадный,
Искры сыплет пламень жадный
От бесчисленных костров.
Место мрачно и бездонно,
Жарко, дымно и зловонно,
Стоном, воем оглашенно, —
Вечно жадной бездны ров.

Глава десятая

Магия*

Весьма часто договор с дьяволом был первым шагом к изучению запретной науки — магии. Но договор с дьяволом — не безусловная необходимость для магических занятий. Было в общем понятии да и в народных представлениях как бы две магии, глубоко различные если не по результату и характеру действующей в них бесовской силы, то по взаимоотношениям в них человека и беса. В одном случае взаимоотношения эти строятся на началах добровольного контракта: дьявол обязывается оказывать магу такие-то и такие-то услуги, а маг, в уплату за то, обязывается отдать ему душу. В другом случае маг средствами своего собственного искусства принуждает дьявола к услугам, которые тому совсем нежелательны и даже несвойственны. Тут договорные начала отсутствуют совершенно, а взаимоотношения сводятся к закреплению дьявола магом силою интеллекта и воли, обостренных наукою и искусством до степени, превышающей интеллект и волю

* Глава эта является не более чем коротким этюдом к истории магии, которой я посвящаю особое сочинение.

дьявола. В первом случае дьявол активный контрагент, во втором — пассивный раб. Оба вида магии, однако, одинаково обсуждаются богословами и учителями церкви. Изобретение магии, как повелительной над чертом науки, приписывается ими не кому другому, как самому же Сатане, хотя непостижимо, зачем ему, на свою голову, понадобилось сообщать людям эту роковую, столь опасную для него науку. Существо магии основано на предположении в природе таких таинственных средств и сил, которые в известных сочетаниях и соотношениях могут обуздывать или, наоборот, возбуждать энергию демонской деятельности. Но каким бы путем маг ни получил свое страшное могущество, с помощью дьявола или помимо дьявола, оно все равно было запретно и преступно и одинаково предполагалось ведущим человека в конце концов в ад. Все маги и колдуны, какого бы то ни было происхождения, в последнем результате оказываются одинаково союзниками и помощниками дьявола.

Источники магии — страсть и невежество. Вечное брожение желаний, ненасытимых в обычных условиях земного бытия, вызывают в уме мечты о могуществе абсолютном, способном удовлетворить все аппетиты жизни. А незнание непреклонных законов природы окрыляет подобные мечты упованием найти законы высшего порядка, сверхъестественные, которыми действие естественных законов, как низших, может быть изменено, прекращено, вообще управляемо по желанию знахаря-супернатуралиста. Любовь, ненависть, жажда богатства, здоровья, власти, мудрости при известной интенсивности желания переводят магическую мечту в магическое действие, что искони делало, теперь еще делает и, быть может, долго еще будет делать магию, в том или ином ее виде, самую распространенную нравственную болезнь человечества на всех ступенях его цивилизации, от первобытно шаманствующей дикости до нашего электротеофического века включительно. Задача магии в том, чтобы властно овладеть тайною природы, не разменивая жизнь и труд и сводя на нет время ее превышающего всякие жизненные пределы изучения. Цезарий из Гейстербаха рассказывает об одном студенте, который сам по себе был умен, но ленив и плохо учился. Но он раздобылся волшебным камнем,

который, стоило взять в руку, давал своему обладателю все знания мира. «Вот, — замечает А. Граф, — вкратце вся история магии». Тургенев говорил, что всякая молитва сводится, в переводе на обыкновенный язык, к просьбе божества о том, чтобы дважды два не было четыре. Магия есть человеческая попытка добиться того, чтобы дважды два не было четыре, средствами, обходящими железный закон мирового Разума, как бы он ни назывался: божеством ли в теологическом мировоззрении, силою ли и материей — в мировоззрении позитивном. Собственно говоря, это — доведенный до абсурда идеал приобретения наибольшего блага при наименьшей затрате усилий.

Магия и Сатана — две согласные, взаимодействующие, неразрывно союзные силы. Там, где растет вера в Сатану, растет и магия. Там, где растет потребность в магии, нарастает вера в Сатану. Человеку мистического мировоззрения, но взбунтовавшемуся против божества, нужен был посредник между его волей и природой: вечно живое и беспокойное могущество, которое окружало бы и проникало собою все вещи зримые и незримые, «князь мира сего», владыка извращенной природы, — «изнанка божества» (А. Толстой), вездесущий, как божество, имеющий под державою своей бесчисленное войнство, готовое, по его манию, на всякую посылку. Нет такой трудности, которой нельзя преодолеть, такого чуда, которого нельзя совершить при его помощи, а на последнюю он являлся гораздо быстрее и отзывчивее, чем враждебное ему божество. Твердо верили, что он охотно вступает в союз с человеком, так как этим путем легче достигает осуществления собственных своих целей.

Бешеная проповедь католической церкви о могуществе и лукавстве Сатаны, о господстве его над вещественным миром, об аде, царстве его, гораздо более заселенном, чем рай, привела к результатам, ею не рассчитанным, неожиданным и нежеланным. Там и сям пробуждаются смутные догадки, что господин мира — не Бог, но он, Сатана. Страх и ужас к нему сменяются восторгом и поклонением, и XIII век выдвигает в Европе воскресший ряд дьяволопоклоннических сект. Обвинения такого рода предъявляются люциферианам, тамплиерам, альбигойцам, катарам и т. д. Несомненно, во

многих случаях эти обвинения клеветнически возникали из религиозного фанатизма и интриг церковной политики. Но уже одно упорство и постоянство этих клевет, уже одна возможность решать ими судьбы могущественных корпораций (орден тамплиеров) и целых громадных областей (альбигойский Прованс) ясно показывают, что в веке этом религия и культ Сатаны живут. В отрицательном порядке вера эта знаменуется процессуальным гонением на ведьм; в положительном — повсеместным признанием реальности таинственных дьявольских сборищ, о которых у нас еще будет речь впереди. Тяжкая жизнь простолюдина Средних веков, зажатого в тиски между гнетом баронов и гнетом Церкви, гнала в объятия Сатаны и в глубины магии целые классы людей, обобранных, голодных, отчаявшихся, ищущих либо облегчения своим бесконечным бедствиям, либо мщения. Отдаться дьяволу было для этих горемык последним средством к спасению, значило найти хоть и страшного, но все же помощника и друга. Сатана — злодей и изверг, но все же не такой, каков был для средневекового мещанина и виллана барон или поп. Нищета, голод, тяжкие болезни, непосильная работа и жестокие истязания всегда были главными поставщиками рекрутов в армию дьявола. Несчастных, охочих продать свою душу Сатане, во множестве знали полки старинной долгосрочной службы, каторжные тюрьмы, сумасшедшие дома и ужасные учебные заведения, вроде описанной Помяловским²⁷² «бурсы». «При этой страшной порке был один приходский ученик, только что привезенный из дому, которого мамаша гладила по головке. Как он увидел такую знатную порку, так чуть не умер со страху и после порки упал в обморок. Этим он вооружил против себя учителя, который начал преследовать его и каждый раз порол жестоко. Ученику до того тяжело было жить, что он решил бежать из училища. Его поймали. Тогда он сначала хотел повеситься, но потом решил на следующую шутку. Дождался он ночи, достал перочинный нож, разрезал себе руку и своей кровью написал на бумажке: “Дьявол, продаю тебе свою душу, только избавь меня от сеченья”. С этой бумажкой он залез ночью в двенадцать часов под печь. Что там с ним было, неизвестно. Оттуда его вытащили замертво. Он говорил, что видел черта.

Начальство, узнав его проделку, высекло его под колоколом, после чего, говорят, он был снесен в больницу, где и отдал душу Богу».

Большинство делалось колдунами и колдуньями уже через тот простой факт, что вступали в полчища Сатаны и получали от него за то дары и власть в той степени, какую Сатана находил нужным и возможным уделять. Это и есть та низкопробная и договорная магия, в недрах которой равноправно объединяются и великий Фауст, и какой-либо вульгарнейший деревенский колдунишко, насылающий гусениц на поля соседей. Что касается магии высшей, повелительной, подчиняющей демонов знанием сил, более властных, чем они, эта магия — дитя Востока — считалась достоянием, по преимуществу, еврейских и сарацинских мудрецов. Были знаменитые школы, в которых она будто бы преподавалась: Саламанкский и Толедский университеты в Испании, Краковский в Польше. Знаменитейшая из школ была в Толедо: ее слушателями легенды изображают Вергилия, преобразенного из поэта в мага, Герберта (папа Сильвестр II), блаженного Эгидия из Вальядореса²⁷³, конечно, ранее его обращения, и многих других.

Первою магическою операцией, как необходимым вступлением ко всем дальнейшим, было заклинание, которым маг вызывал на свидание Сатану или кого-либо из дьяволов. Операция эта почиталась для сведущего человека нетрудною, но опасною, так как требовала мелочнейшего внимания и тщательнейшей осторожности. Обыкновенно она совершалась в полночь, но могла совершаться и в полдень, так как в этот час имеет большую силу «бес полуденный». Этот любопытный бес — акклиматизировавшийся в Европе гость из знойной Африки, потомок египетского Сета и карфагенских Ваала и Молоха. Он гораздо старше христианских бесов. В языческом Риме и Карфагене эпохи империи благочестивые люди опасались выходить из дома в часы полуденные, то есть в пору сиесты, когда все порядочные люди в южных странах закрывают в домах своих ставни и спят. Опустелые улицы становятся достоянием злых духов, и нет ничего легче, как встретить в час сиесты гуляющее среди древних развалин привидение... Африканское происхождение мифа о бесе полуденном глупо-

ко и тонко поняла Мирра Лохвицкая в своей балладе «В час полуденный»:

У окна одна сидела я, голову понуря.
 С неба тяжким зноем парило. Приближалась буря.
 В красной дымке солнце плавало огненной луною.
 Он — нежданный, он — негаданный, тихо встал за мною.
 Он шепнул мне: «Полдень близится; выйдем на дорогу.
 В этот час уходят ангелы поклоняться Богу.
 В этот час мы, духи вольные, по земле блуждаем,
 Потешаемся над истиной и над светлым раем.
 Полосой ложится серою скучная дорога,
 Но по ней чудес несказанных покажу я много».
 И повел меня неведомый по дороге в поле.
 Я пошла за ним, покорная сатанинской воле.
 Заклубилась пыль, что облако, на большой дороге,
 Тяжело людей окованных бьют о землю ноги.
 Без конца змеится-тянется пленных вереница,
 Все угрюмые, все зверские, все тупые лица.
 Ждут их храма карфагенского мрачные чертоги.
 Ждут жрецы неумолимые, лютые, как боги,
 Пляски жриц, их беснования, сладость их напева,
 И колосса раскаленного пламенное чрево.
 «Хочешь быть, — шепнул неведомый, — жрицею Ваала,
 Славить идола гудением арфы и кимвала,
 Возжигать ему курения, смирну с кинамоном,
 Услаждаться теплой кровью и предсмертным стоном?»...
 Бойтесь, бойтесь в час полуденный выйти на дорогу;
 В этот час уходят ангелы поклоняться Богу,
 В этот час бесовским воинствам власть дана такая,
 Что трепещут души праведных у преддверья рая.

Местом для заклинаний выбирались перекрестки прохожих и проезжих путей, глубины мрачных чаш, пустынные степи, старинные развалины. Заклинатель замыкался в круг, трижды очерченный по земле острием шпаги, и должен был очень внимательно следить за тем, чтобы не высунуться за эту границу хотя бы малейшею частицею своего тела, как бы ни смущал и ни выманивал его дьявол. Тут дело шло о жизни и смерти. Цезарий из Гейстербаха рассказывает, что одного священника, поддавшегося искушению выйти из круга, черт

искалечил так, что бедняга три дня спустя умер. По его же рассказу, один толедский студент вдруг увидел на границе круга красивую танцовщицу, предлагавшую ему золотое кольцо; сдуру он протянул палец, за который дьявол тотчас его ухватил и потащил в ад. Там бы и пропасть студенту, если бы не отстоял его усердными мольбами заслуженный колдун, который руководил им в обряде.

Формулы вызывательных заклинаний были многочисленны и странны, иные очень длинные, другие короче, разной действительности, и не каждая для каждого беса годилась. Если дьяволу не хотелось являться или он был не в духе, то малейшей неточности в формуле достаточно было, чтобы вызывание оказалось недействительным. Обыкновенно черт не ленив на появления к вызывающим его, за формальностями не гонится, а иногда — чтобы войти в сношение с лицом, которое его интересует, — является и когда его вовсе не звали, привязавшись просто к присловью, к «черному слову», как говорят в русском народе. Папа Григорий Великий рассказывает, что один священник сказал своему слуге: «Иди, дьявол, сними с меня сапоги!» — и тотчас же перед ним появился самолично дьявол, о котором он в ту минуту и не думал. Но иногда на дьявола находят лень и упрямство. Тогда надо усиливать и учащать заклинания, которые в конце концов должны привлечь его, если только в формулах нет недостатков. К сожалению, люди в большом волнении мало способны к точности. Может быть, именно это причина тому, что ленивые черти не являются на зов как раз тех, кому они особенно спешно нужны. Так, напрасно в 1405 году вызывал дьявола последний падуанский герцог из каррарской династии, когда Падую осаждали венецианцы, а внутри стен, быстро пожирая солдат немногочисленного гарнизона, свирепствовала чума.

Появление дьявола может сопровождаться разными чудесами и метаморфозами. Один немецкий рыцарь, историю которого рассказывает Цезарий, стоя в кругу вместе с другом своим колдуном, сначала увидел бушующее вокруг наводнение, потом заревела буря и захрюкали кабаны, и наконец, после других еще чудес, явился дьявол — ростом выше леса стоячего и столь ужасного вида, что рыцарь как побледнел от страха, так и остался таким на всю жизнь.

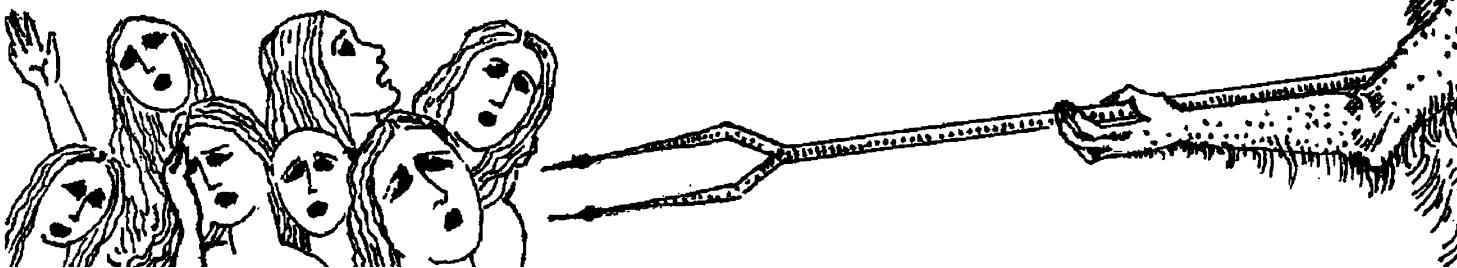
В заклинательных формулах было много слов, странных по звукам и непостоянных по смыслу, и чем страннее и непонятнее они были, тем больше силы им приписывалось. Древний эллинский мир передал в Средневековье свои амулетные формулы: абракадабра, абрахас. В первобытной мысли слово неотделимо от вещи, сливается с нею в одно. В сознании слово мгновенно вызывает идею вещи, а отсюда вера в таинственную связь между ними и как бы творческую силу слова: «Бог сказал: Да будет свет! — и бысть свет»; «В начале бе Слово». Суеверие, запрещающее называть некоторые вещи своими именами, потому что имена влекут за собою самое существо вещи, распространено между всеми народами земли. Перемена имени знаменовала перемену человека: до сих пор меняются имена иноверцев, принимающих христианство, и христиан, отрекающихся от мира для иноческого сана. Слово ясное и понятное влечет за собою представление о реальности ясной и понятной; слово темное, таинственное, сумасбродное связывается в воображении с представлением таким же темным, смутным, таинственным. Таких бредовых нечеловеческих имен и слов много в русской чернокнижной словесности — между прочим, у Сахарова²⁷⁴ в «Сказаниях русского народа». К сожалению, нельзя доверяться их подлинности, так как Сахаров много сочинял «для интересности». Гр. А.К. Толстой искусно воспользовался этим странным словарем для знаменитой фигуры колдуна в «Князе Серебряном». Впрочем, еще гораздо раньше искусно использовал подобные заклинания, только для комических целей, Аблесимов²⁷⁵ в «Мельнике — колдуне, обманщике и свате».

Магическая сила приписывалась, кроме слов, также цифрам, буквам, фигурам. Все это — наследие глубочайшей древности. Из слов, цифр, букв и фигур составлялась магическая «Книга повеления», которая давала обладателю своему способность заклинать дьяволов, повелевать ими и творить, при их посредстве, всевозможные чудеса. Обладание такими волшебными книгами приписывается решительно всем прославленным легендами чародеям.

Взять в плен демона и повелевать им возможным почиталось при посредстве некоторых драгоценных камней и трав, описания которых находятся в средневековых лапидариях

и гербариях. Арабские и еврейские предания о Соломоне, великом поработителе демонов, докатились в средневековую Европу сказаниями о демонах, замкнутых волшебниками в кольцо или склянке. Так, о знаменитом медике и астрологе Петре из Абано²⁷⁶, умершем в 1316 году в тюрьме инквизиции, рассказывали, будто он держал запертыми в пузырьке целых семь штук дьяволов да еще обладал кошельком с неразменными деньгами, которые возвращались к нему, сколько бы он их ни тратил. О Парацельсе²⁷⁷ говорили, что он заключил покорных ему дьяволов в рукоятке своей шпаги. Кроме того, с помощью магии и астрологии можно было сооружать механические снаряды, которые до известной степени даже упраздняли необходимость для мага в содействии демонов: например, искусственные головы, весьма мудро отвечавшие на заданные вопросы. Одну такую голову сделал Герберт, другую — Альберт Великий²⁷⁸, третью — Рожер Бэкон²⁷⁹; имели такого рода хитрую механику и многие другие.

Волшебники и ведьмы были неравного достоинства и могущества; они имели свою иерархию, или табель о рангах, с соответственным наделением силою. Но даже самая жалкая ведьма, самый захудалый колдунишко могли творить с помощью своего бесовского искусства удивительные деяния, побеждающие всякую человеческую власть и предусмотрительность. Компетенция колдовского могущества неопишима и неисчислима. При помощи особых напитков или влияния послушных демонов волшебник властен вынудить любовь или обратить ее в ненависть, отнять любовницу у любовника либо заставить ее летать в его объятиях в ночное время по воздуху. Он мстил своим врагам и врагам своих клиентов, накликаая на их дома пожары, а на их поля — град и бурю, на их корабли в дальних морях — крушения, на их головы — болезнь и смерть. Чтобы причинить последнюю, ему достаточно было пронзить булавкою или кинжалом восковое подобие ненавистного человека, а иные убивали просто проклятием либо даже только одним взглядом (отсюда — «дурной глаз»). Для волшебника не существовало ни дальних расстояний, ни трудных и опасных путей. На хребте дьявола он летал сам и носил других с одного края света на другой, тратя немного часов на путешествия, для которых обыкновенным смертным нужны были месяцы и годы.

Он фабриковал амулеты и талисманы на спрос всевозможного употребления, заколдовывал оружие, чтобы не боялось оно ни железа, ни огня, в одну ночь воздвигал роскошные дворцы, неприступные замки и целые города, обнесенные крепкими стенами. По одному слову его помрачался день, начинала свирепствовать лютая буря, разверзались хляби небесные, и одного же слова было ему довольно, чтобы стихии угомонились и день засиял бы краше прежнего. Стоило ему шевельнуть пальцем, чтобы целые армии цепенели от страха, либо он вызывал на них другие армии, составленные из демонов, вынырнувших из ада. В присутствии мага природа меняла все свои законы и все свое существо. Он превращал одно вещество в другое, делал из грязи золото, а золото разлагал в грязь, обращал мужчин в женщин, а женщин — в мужчин и вообще людей — в животных. Ему ведомы были самые сокровенные вещи: чтобы узнать тайну в настоящем или безошибочно предсказать будущее, ему достаточно было взглянуть в стакан с водою. И наконец, самое приятное чудо: он возвращал и себе и другим утраченную юность («Фауст»).

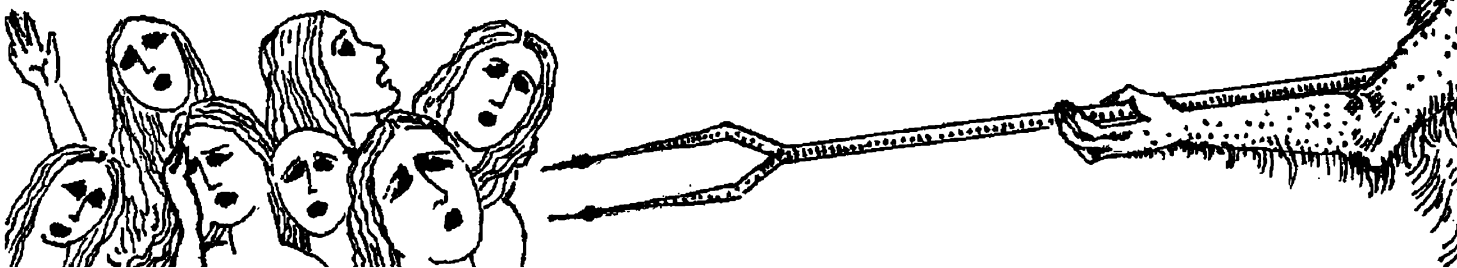
Маги высокого полета любили поражать своими чудесами разные знатные собрания, в которых они бывали почетными гостями. Альберт Великий однажды глубокою зимою пригласил к себе на обед императора со всем двором его. Стол был накрыт в саду, под сучьями обнаженных деревьев, на снегу. Приглашенные стали роптать, находя эту шутку неприличною. Но едва император и свита уселись за стол, каждый на приличное его сану место, в небе вдруг засияло летнее солнце, снег и лед растаяли в мгновение ока, земля зазеленела, деревья покрылись листьями и зацвели, а другие дали спелые плоды, и сад зазвенел нежными песнями бесчисленных птиц. Вскоре стало так жарко, что пирующие покидывали кафтаны и искали тени. Но, едва кончилась трапеза, многочисленные и нарядные слуги волшебника исчезли вместе со столом, подобно туману, и тотчас же небо потемнело, деревья обнажились и наступил такой страшный мороз, что гости, дрожа, бежали в дом, чтобы отогреться у огня.

Михаил Скотт²⁸⁰, которого Данте удостоил места в аду своем среди великих волшебников за то, что он «магических иллюзий знал игру», слыл таким же мастером мороки. Однажды,

находясь в Палермо при дворе Фридриха II, он внушением своим заставил одного рыцаря совершить огромное морское путешествие за Гибралтарский пролив, посетить неведомые чужие страны, победоносно драться в них с могучими врагами, завоевать обширное и цветущее царство, жениться, иметь многих детей — словом, пережить огромную сложную жизнь... а в действительности времени на то не ушло и часу.

Все это — переотражения с Востока. Те же темы еще цветистее развиты в «Сказках 1001-й ночи» и даже в наших русских, причем в последних всегда выступает на первый план комический элемент приключения...

Средневековая вера в магию не ослабла и в Возрождении. Террор, обрушенный на дьявольское искусство законами церковными и гражданскими, только обострял его жуткое очарование. Вера в сверхъестественное зло-добро стала всеобщей, всегдашней и ежеминутно вездесущей. Разбойничьим бандам, равно как и атаманам кондорьеров, приписывали дьявольское происхождение. Не было ни одного образованного человека, над которым не тяготело бы обвинение в волшебстве, начиная с исторических знаменитостей давно умершей древности, вроде Аристотеля, Гиппократы, Вергилия, и вплоть до современников Льва X (1475—1521) и даже позже. В магии подозревался Петрарка. Уже в середине XVII века Александр Тассони²⁸¹ попал под суд за то, что в доме у него нашли так называемого картезианского чертика, фигурку, прыгающую в стеклянной трубочке, — излюбленную детскую игрушку, известную под названием «морского жителя». Из пап римских почитались причастными к волшебству Лев III (750—816), Сильвестр II (Герберт), Бенедикт IX (ок. 1012—1055/1056), Григорий VI (ум. 1048), Григорий VII (1020/25—1085), Климент V (1264—1314). В конце XI века кардинал Бенно в своем «Жизнеописании Гильдебранта» настаивал, что в Риме была школа магии, откуда и вышел будущий Григорий VII. А от XII и XIV веков имеются подлинные письма Сатаны (сфабрикованные предшественниками Реформации), адресованные им князьям Церкви как к своим друзьям и сотрудникам. Таковую штучку, к позору католического духовенства, смастерил было — с целью обвинить французских масонов в сатанизме и волшебстве — пресловутый Лео Таксиль в самом конце XIX века...

Но столь блистательные чародеи были не более как отборною гвардией из бесчисленных полчищ мелких кудесников, колдунов и ведьм, в особенности последних. Все писатели, специалисты по демонологии, сходятся в мнении, что на одного предавшегося волшебству мужчину надо считать по крайней мере десять женщин. В настоящее время мы знаем, что это не было ошибкою дурного предубеждения, а настоящим наблюдением — только, к сожалению, бессознательным и отсюда получившим грозно-мистическое направление — над недугом истерии и истероэпилепсии, в статистике которого женщины действительно и естественно подавляюще господствуют над мужчинами.

В известные сроки колдуны и ведьмы собирались на поклон своему господину, а он задавал им пир. Каждая страна имела определенные урочища, слывшие местами подобных собраний, число участников в которых насчитывалось тысячами. Во Франции главным местом колдовских сборищ почиталась гора *Puy de Dôme* (Пюи-де-Дом). В Германии — Блоксберг, Хорсельберг, Бехтельсберг и многие другие горы. В Швеции — Блакулла. В Испании — ланды Бараона и пески под Севильей. В Италии сборище — у Беневентского орешника (*Noce di Benevento*), гора Патерно близ Болоньи, гора Спина-то близ Мирандолы. В Литве — гора Шатрия (в Шавельском уезде), в польских Карпатах — Бабья гора. В России — Лысая гора близ Киева. Впрочем, Лысые горы такой же скверной репутации имеются и в других славянских землях. Мифологи стихийной школы с А. Н. Афанасьевым во главе считают, что «Лысая гора, на которую, вместе с бабою-ягою и нечистыми духами, собираются ведуны и ведьмы, есть светлое, безоблачное небо». Славилась сборища в пустыне на берегу Иордана в Палестине и на огнедышащей Гекле в Исландии. Обыкновенно они бывали раз в неделю; в разных странах отводились для них разные дни. Но сверх того предполагалось, что у колдовского народа имеются свои большие годовые праздники, обыкновенно совпадавшие с канунами больших праздников христианской церкви. В Германии главный праздник ведьм падал на Вальпургиеву ночь.

Ведьмы и колдуны отправлялись на игрища по воздуху, натерев тело свое особыми летучими мазями, верхом на метлах,

вилах, лопатах, скамьях либо на дьяволах в образе козлов, свиней и собак. Летели они не слишком высоко над землею и во время перелета должны были остерегаться, как бы не обмолвиться Христовым именем, — если это случилось, испуганный дьявол ронял забывшегося седока наземь, не разбирая, с какой высоты. Иные хитрые черти сами провоцировали подобные восклицания в расчете погубить своих седоков. Однажды дьявол, в виде черного коня, нес по воздуху через Ла-Манш, из Шотландии во Францию, великого волшебника Михаила Скотта.

— Скажи, пожалуйста, Михаил, — задал он колдуну простодушный вопрос, — что это за ерунду бормочут себе под нос ваши шотландские старушонки вечером, перед тем как лечь в постель?..

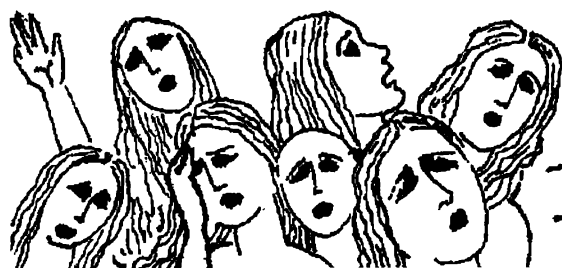
Неопытный маг, конечно, не замедлил бы осведомить любопытного черта, что шотландские старушонки читают на сон грядущий «Отче наш». А черт воспользовался бы этими двумя словами, чтобы сбросить седока своего в бушующее море... Но дьявол не на таковского напал.

— Тебе что за дело до этого, дубина? — возразил дьяволу хладнокровный шотландец. — Знай вези, куда везешь...

Церемонии, обряды и увеселения бесовских игрищ менялись в зависимости от народности и эпохи, которые о них рассказывали. Подробности их переполнены так называемые «Молоты ведьм» и «Бичи ведьм» — специальные трактаты, написанные величайшими светилами святой инквизиции на основании показаний обвиняемых в бесчисленных колдовских процессах. Сатана являлся своим подданным на троне или на алтаре в образе человека, старого козла, кабана, обезьяны, собаки — как ему нравилось, смотря по случаю. В образе человека он бывал по большей части угрюм, казался сердитым и суровым, но иногда развеселялся и, придя в дух, шутил с ведьмами, играл на музыкальных инструментах и пел песни.

И арфу он взял, и на арфе играл,
И звуками скорби наполнился зал.
И вздохи той песни росли и росли,
И в царство печали меня унесли.

Он пел о растущих над бездной цветах,
 О райских, закрытых навеки вратах;
 И был он прекрасен, и был он велик,
 В нем падшего ангела чудился лик.

Лохвицкая. Праздник забвения

Ведьмы, воздавая Сатане поклонение, опускались на колени пред ним или за ним и, в соответствии тому, прикладывались, лобызая, либо к его гениталиям, либо к заду, реже к каким-либо иным частям тела. Затем они исповедовались Сатане, сообщая ему о злодеяниях, совершенных ими в честь его со времени последнего сборища. Сатана слушал их, хвалил или порицал, принимал новеньких, перекрещивал их во имя свое и, как некий катехизатор, поучал их и вводил в свою веру. Младшие черты, окружая своего повелителя, вместе с ведьмами проделывали ряд церемоний, существо которых сводилось к пародии церковных таинств и обрядов, поруганию Святых Даров и тому подобным кощунствам. Вместо святой воды сатанослужители кропили присутствующих черною вонючею жидкостью. Собрание освещалось особого рода свечами, подсвечниками для которых служили зады ведьм, поставленных на четвереньки. Угощение на пиру состояло, по одним показаниям, из тонких и вкусных кушаний, по другим — ели мерзости, достойные адской кухни и такого же аппетита. Пожирали грудных детей либо трупы, вырытые из могил. После ужина начинался бал под звуки дьявольского оркестра. Среди танцев каждый черт хватал свою ведьму и при всем честном народе вступал с нею в плотские забавы. Однако большинство ведьм утверждало на допросах, что для них эти забавы были совсем не забавы, объятия дьявола мучительны, а не приятны и сопровождаются болезнями и даже смертью и т. д.

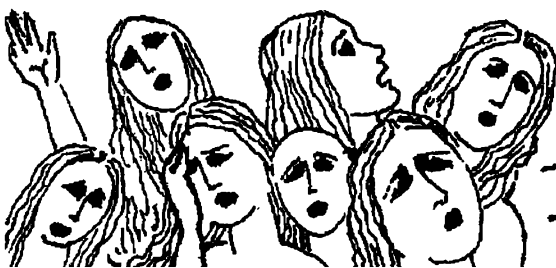
Впрочем, ведьмы встречались со своими чертями не только на игрищах. Страшные любовники часто навещали их на дому. Ведьмы ходили с чертями на прогулки, иные пары обживались совершенно по-семейному и в знак супружеской фамильярности называли друг друга уже не дьявольскими именами, но ласкательными человеческими, а иногда какими-нибудь смешными, вычурными кличками.

Черты были очень щедры на подарки своим любовницам, но, по дьявольскому своему предательству, и тут часто не могли утерпеть, чтобы не надуть: монеты вдруг оказывались сухими листьями и стружками, драгоценные камни — грязью или пометом. Беременные от дьяволов ведьмы рожали множество чудовищ, имевших иногда образ человеческий, а иногда — «неведомых зверюшек». Но, как ни бесконечно было множество ведьм на свете, ненасытным чертям все было мало. Приняв вид красивых молодцов, в одеянии рыцаря или студента, бродили они по земле, соблазняя и заманивая в свою кабалу женщин и девушек. Ведьмы, для того чтобы удобнее было обдывать свои преступные делишки, тоже любили принять чужой вид и, оборотясь (чаще всего кошкою), безнаказанно бегали по ночам, строя людям разные пакости. Иным из них случалось в этом состоянии оборотня быть ранеными или изувеченными. Назавтра, обратясь в женщину, ведьма сохраняла эту рану или увечье — и тем обнаруживала свою колдовскую натуру и преступления.

Германский бенедиктинец Иоганн Тритемий (1462—1516), замечательный ученый, богослов и историк, но и не менее замечательный мистификатор, оставил любопытную книгу, озаглавленную «Antipalus maleficiorum». В ней он поучает всех порядочных людей, как надо остерегаться ведьм и их проклятого колдовства. Способы и средства его бесчисленны и достаточно смешны, чтобы во многих из них заподозрить сатирическое двусмыслие и мистификацию. Настоящим же, воистину серьезным и действительнейшим средством борьбы с ведьмами был, по единогласному мнению всех инквизиторов, один — костер. Церковь с полной искренностью признавала страшное могущество Сатаны, ярко обнаруженное признаниями ведьм в колдовских процессах. По уверению католических писателей той эпохи, малого недоставало, чтобы Сатана увлек в проклятую науку и практику магии весь человеческий род. И в числе инквизиторов бывали такие ревностные и пронизательные фанатики, которые, предвидя это падение, охотно сожгли бы весь род человеческий, лишь бы чрез то предотвратить грех и поразить известного врага.

Преследования ведьм свирепствовали с особою силою в конце XV века и в двух последующих веках. Примеры ве-

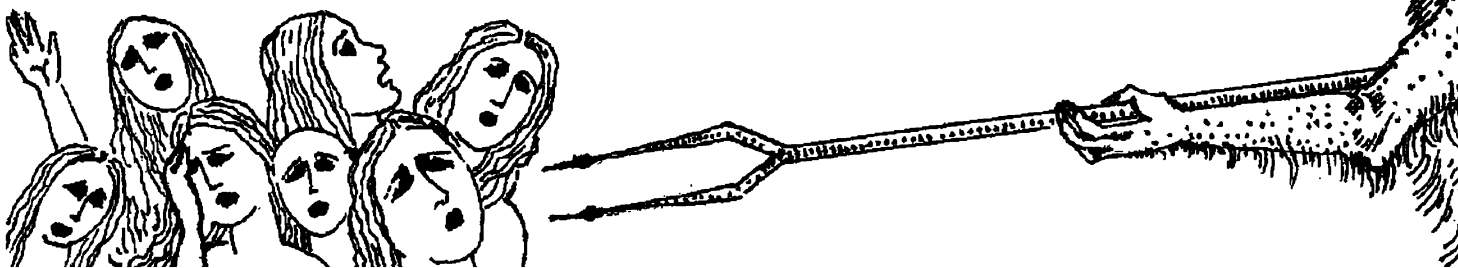
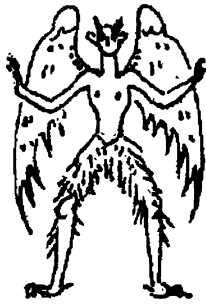
довских процессов бывали и раньше, но странным образом они умножались и росли как в числе, так и в свирепости по мере того, как время шло вперед, удаляясь от средневекового варварства и приближаясь к новой культуре Возрождения. Глубина Средневековья скептически равнодушна к волшебству. В одном капитулярии Карла Великого «занимающиеся обманчивым искусством магии» приравниваются к «упорствующим в языческом суеверии», что карается тюремным заключением и церковным послушанием, покуда виновные не покаются в своих заблуждениях и не докажут, что исправились. В другом капитулярии славный император говорит еще цельнее: «Всякий, кто, поддавшись обману дьявола, верит, по обычаю язычников, будто существуют колдуны и ведьмы, пожиратели людей, и, побуждаемый этим суеверием, предаст их сожжению или отдаст тела их на растерзание, — да будет тот повинен смерти». То есть около 800 года по Р.Х. Карл Великий считал магию ложною наукою, и, если бы инквизиторы жили в его времена, он казнил бы их смертью как человекоубийц. Агобар, епископ Лионский (ум. 840), один из самых просвещенных и либеральных умов не только средневековой, но и всех времен Церкви, порицал веру в магию как простонародное суеверие и сожалел, что невежды позволяют обманывать себя предполагаемым колдунам.

Воздушный полет ведьм, за который инквизиция вынесла столько смертных приговоров, суеверие весьма древнее, но не менее стары и мнения о нем как о бредовой мечте. В XII веке Иоанн Салисберийский²⁸² называет его дьявольским обманом; в XIII — Стефан Бурбонский, еще решительнее, — фантазией больных женщин. Сама Церковь весьма долго не применяла к обвиненным в волшебстве никаких других наказаний, кроме духовных, что поддерживалось даже папами, вроде Григория VII, который с резким осуждением запретил разбирательство в уголовном порядке дел против лиц, виновных только в пустом и глупом суеверии. Венгерский король Коломан²⁸³, владыка страны почти что варварской, тем не менее категорически заявил в одном своем указе: «Ведьм на свете нет, и, следовательно, против тех, которые себя таковыми почитают, не должно возбуждать никакого судопроизводства». С такою же решительностью выступало в XII—XIII веках против веры

в колдовство и в особенности против казней колдунов и ведьм православное духовенство на удельно-вечевой Руси. В этом отношении особенно выразительно известное слово Серапиона²⁸⁴, епископа Владимирского, выступившего с пылкой резкостью против сжигания ведьм огнем и испытания их водою:

«Краткое время радовался я за вас, дети мои, видя вашу любовь и послушанье к нашей ничтожности, и подумал, что уже утвердились вы и с радостью приемлете Божественное писание... Но вы еще языческих обычаев держитесь: в колдовство верите, и в огне сжигаете невинных людей, и тем насылаете на всю общину и город убийство; если же кто и не причастен к убийству, но мысленно с тем согласился, сам стал убийцей; или, если мог помочь и не помог — тот сам убить повелел. Из книг каких иль писаний вы слышали, будто от колдовства на земле наступает голод или что колдовством хлеба умножаются? Если же верите в это, зачем тогда сжигаете их? Молитесь вы колдунам, и чтите их, и жертвы приносите им — пусть правят общиной, ниспустят дожди, тепло принесут, земле плодоть повелят! Вот нынче три года хлеб не родится не только в Руси, но у католиков тоже — колдуны ль так устроили? А не Бог ли правит своим твореньем, как хочет, нас за грехи казня?.. Божьи законы повелевают лишь при многих свидетелях осудить на смерть человека. Вы же только в воде доказательства видите и говорите: “Если начнет утопать — невиновна, коль поплывет — то колдунья!” ...». Такой человечности и благоразумия у восточного духовенства тоже не надолго стало, и начиная с XIV века костры ведьм и колдунов учащаются и мало-помалу из права церковно-обычного переходят в законодательство. Но все же явлением постоянным, а тем более эпидемическим, как на Западе, они не стали и считаются на протяжении пяти столетий много если сотнями единиц, а не сотнями тысяч, как в землях католических и протестантских.

В XIII веке св. Фома Аквитанский, будущий непогрешимый оракул католической церкви и неугасимый светоч ее философии, объявил волшебство делом не призрачным, но реальным. В том же веке инквизиция по ересям доверяется доминиканцам, которые злоупотребляют своими полномочиями, как только могут. А папа Иннокентий IV благословляет процессуальную пытку, против которой другой папа, Николай I, за

четыре века пред тем восставал в благородных и достопамятных словах. С этих пор открывается странное и прискорбное зрелище. Церковь становится открытою покровительницею и пропагандисткою враждебного ей суеверия, льстит самым низким инстинктам черни, провоцирует их и разжигает. Смешивает преднамеренно воедино ересь с колдовством и создает чудовищное поле для юридических злоупотреблений, около которых отныне будут согласно и союзно греть руки свои невежество, суеверный страх, глупость простака и злой умысел мошенника. Начинаются процессы против ведьм; вспыхивают первые костры — и чем дальше, тем их больше. Папы — Григорий IX (1170—1241), Иоанн XXII (1244—1334) — стараются превзойти один другого в пожарах человеческого тела, которые они обобщают громким именем «войны Бога против Сатаны». Так приходит 1484 год, в котором 5 декабря папа Иннокентий VIII обнародовал свою знаменитую буллу — «*Summis desiderantes affectibus*». Это указ об инквизиции и наказ ей по вопросу о колдовстве, разъяснитель канонических и юридических норм инквизиции, по которым инквизитор становится фактически полномочным владыкою общества. Булла Иннокентия VIII открыла эру террора и скорбей, которой подобных раньше не было в истории человеческой.

Инквизитор-доминиканец Яков Шпренгер²⁸⁵ выпускает в свет свою свирепую книгу — «*Malleus maleficarum*» («Молот ведьм»). Она принимается всеми инквизиторами Европы как руководящий кодекс, а за нею следует град подражаний и продолжений — таких же безумных и ужасных книг, наставляющих в святом искусстве, как открывать ведьму, допрашивать, пытать и, наконец, изжарить на костре, вопреки всем обманам и хитростям дьявола, ее естественного друга и покровителя. Костры все множатся; папы раздувают их ужасно, в том числе даже Лев X, гуманный и блистательный Медичи, покровитель ученых и художников, восторженный любитель всяких изяществ. В одной Лотарингии сожигают за 15 лет 900 человек; в Вюрцбургском епископстве столько же — всего за пять лет; епархия Комо сожигает 100 человек в один год; тулузский парламент — 100 сразу, за один прием. Никто не уверен, что завтра обвинение в колдовстве не обрушится на него и не поведет его на почти неизбежный тогда

костер. Никто не предвидит, какой именно повод даст толчок к его обвинению в колдовстве. Ведь даже простое сомнение в существовании волшебства уже вменяется в вину, бросает в тюрьму и застенки. пытка делает чудеса, у самых закошенных и упрямых вырывает она признания в гнусном общении с Сатаной, вырывает доносы, бесконечно переплетенные между собою, тянувшиеся из судебной камеры в уstraшенный народ, подобно цепким щупальцам гигантского полипа. Сами инквизиторы порою терялись. Не один из них в ужасе ставил себе вопрос: уж не перешел ли в служение Сатане весь род человеческий? Чтобы обогнать противодействием злу распространение зла, сокращают и ускоряют порядок судопроизводства. Допросы чинятся не по существу каждого отдельного дела, а по сборникам готовых формул, так составленным, что сами вкладывают обвиняемым в уста признания в их преступлениях. Обостряются и умножаются пытки, беспощадно сожигается на кострах все подозрительное: люди и животные, мужчины и женщины, старики и дети. В некоторых местах палачи, разбитые чрезмерною работою, переутомленные, одуревшие, отказываются от исполнения обязанностей и бегут со своих должностей. Бывали инквизиторы, которые от переутомления ужасами допросов с пристрастием не выдерживали систематически повторного нервного потрясения и расплачивались за свои зверства сумасшествием: начинали сами себя подозревать в сношениях с дьяволом, гласно себя обвиняли и требовали себе костра.

Результаты такого правосудия превосходят все ожидания. Николай Реми²⁸⁶, судья в Лотарингии, восклицает в справедливой гордости: «Дело правосудия у нас так хорошо налажено, что в один год шестнадцать ведьм покончили сами с собою, только бы избежать моего суда». Протестанты в этих ужасах ничуть не уступали католикам. Лютер верил в ведьм и одобрял сожигающие их костры. Во главе особенно пылких пропагандистов этого ужасного суеверия и подстрекателей судопроизводства на отвратительнейшие свирепости первое место принадлежит королю Якову I Английскому (1566—1625), «английскому Соломону», толкователю Апокалипсиса, ученому демонологу-педанту и трусу, как всякий искренний демонман. Так-то в течение трех веков совместною работою

католицизма и Реформации были обращены в пепел даже не десятки, а сотни тысяч человеческих жизней.

В ведовском процессе суд имел пред собою не одного, но двух противников: видимую ведьму и невидимого дьявола, так как последний, естественно, не покидал свою подругу и возлюбленную в постигшей ее беде и продолжал ей, сколько мог, покровительствовать. По утверждению опытных инквизиторов, он помогал жертве лгать и мужественно переносить пытку, он отнимал память у свидетелей, затемнял соображение судей, наводил усталость на палачей. Все было от него. Если ведьма умирала под пыткой, это дьявол душил ее; если ведьма накладывала на себя руки, это дьявол толкал ее, чтобы отнять у правосудия честь и славу процесса. В гессенской деревне Линдгейм несколько женщин подверглись обвинению в том, будто бы они вырыли труп ребенка и сварили из него «ведьмовский отвар». Пытаемые по всем правилам искусства, они сознались в преступлении. Но муж одной из них оказался хлопотун: добился постановления о разрытии могилы, и трупик мнимо похищенного ребенка оказался на месте, нетронутым в своем гробу. Тогда инквизитор, ничуть не смутясь, объявляет, что тельце это — призрак, наваждение дьявола; ему же, ввиду признания виновных, нет нужды в иных доказательствах. И правосудие пошло своим ходом *ad majorem Dei gloriam*²⁸⁷, неповинные женщины были сожжены живыми.

Чтобы обезоружить коварства и обманы дьявола, в разных местностях практиковались разные средства и меры пресечения. Ведьму одевали в сорочку, вытканную и сшитую в один день; поили ее настоем разных противодьявольских веществ, кропили святою водою, окуривали дымом ладана с примесью некоторых специальных трав и т. д. В результате таких мер редко удавалось дьяволу оказать своим друзьям помощь действительную и долговременную. Сицилианский историк Фома Фацелл (1498—1570) сообщает об одном волшебнике Диодоре, который с помощью дьявола несколько раз ускользал из рук стражников и улетал по воздуху из Катании в Константинополь. Но в конце концов епископ Лев все-таки успел изловить его и сжечь в раскаленной печи.

Первым борцом против этого отвратительного суеверия и ужасных его результатов выступил в XVI веке знаменитый

Корнелий Агриппа из Неттесгейма²⁸⁸. За ним следовал и превзошел учителя ученик его Иоганн Вейер²⁸⁹. Однако в результате чрезмерной осторожности, с которой им приходилось формулировать свои мысли, оба эти мудреца сыграли двойственную роль в истории сатанизма и волшебства. Разрушая магию демоническую, они много содействовали замене ее магией мистической, и последняя была горше первой... Вслед за тем число защитников здравого смысла и человечности быстро росло, но суеверие держалось упорно, глубоко впущенными в землю корнями, и война, ему объявленная, тянулась долго. В Европе последние ведовские процессы со смертными казнями относятся к середине XVIII века. В Мексике же два костра, воздвигнутые католическим фанатизмом, загорелись еще в 1860 и 1873 годах. И сейчас, не проходит года, пишет А. Граф, чтобы не вышло в свет из-под пера какого-нибудь запоздалого неудачника-теолога книги, вопиющей о том, что весь мир в когтях дьявола и учеников его и приспешников, что мир по-прежнему полон волшебников, только еще более опасных, чем старинные, потому что они переоделись в науку, литературу, политику, а что хуже всего — дьявол, их повелитель, нашел-таки наконец способ разбить тюрьмы и застенки, в которых волшебников мучили, и погасить костры, на которых их сожигали. Немножко бы огоньку — и все еще можно было бы поправить. Как удачно формулировал один из этих воздыхателей по кострам о. К. Равиньяни²⁹⁰, «главный успех Сатаны заключается в том, что он уверил нашу эпоху, будто Сатаны нет».

Глава одиннадцатая

Враги дьявола

У Сатаны бесчисленное множество приверженцев, но и противников у него немало. Приверженцы его разделены между землею и адом, противники — между землею и небом. Приверженцы Сатаны: 1) все другие бесы; 2) все порочные люди, в особенности же колдуны и еретики. Противники: 1) все добродетельные люди, в особенности же святые (живые

и умершие), 2) все священнослужители; последние, если даже не по силе своей добродетели, то по силе сана, 3) различные ангельские чины, 4) Дева Мария, 5) Господь Бог.

Прямое участие Бога в битвах с нечистым духом редко, так как битвы эти — собственно говоря, борение лишь временное, хотя и ежеминутное. Бог спокойно ждет исполнения времен для рокового предела, который положит дьявольскому нахальству вечный конец. Покуда Он предоставляет усмирять бушующего врага, чтобы тот не слишком безобразничал, так сказать, во времени и пространстве, младшим силам светлой иерархии.

Для сражения с бесом христианин был снабжен весьма изрядно оружием, как оборонительным, так и наступательным, и как материальным, так и духовным.

Во-первых, его осеняла помощь милосердия Божия, без нее же несть спасения; во-вторых — вера и добродетель окружали его как бы стенами мощной крепости; затем следуют усердие к церковной службе, молитва, частое приобщение Святых Тайн, посты, неусыпное бдение. Ужасным для Сатаны орудием — тем более что оно всегда наготове — почиталось крестное знамение. Бесчисленное множество чертей признавалось, что пред крестным знамением никак не устоишь. Крестное знамение не только прогоняло бесов, но тушило пожары, утишало бури, излечивало больных, усмиряло диких зверей и совершало много других чудес. Большую силу имело также своевременное призывание Бога Отца, Иисуса, Девы Марии. Затем следовала святая вода. Черти почитали ее гораздо более жгучей, чем кипящая смола и расплавленный свинец адских котлов.

Воспетый Мицкевичем Твардовский заставил служившего ему дьявола выкупаться в святой воде:

Тварь нечистая не рада,
 Весь в поту холодном бес,
 Но приказ исполнить надо,
 Крякнул он и в таз полез.
 «Ну и баня! Вот так страсти! —
 Черт взвился, как из пращи. —
 Уж теперь ты в нашей власти,
 Едем в пекло — не взыщи!»

«Нет! Еще одно осталось!
Тут спасует Сатана!
Погоди, нечистый, малость, —
Вон идет моя жена!»

Колокольный звон, как символ божественных служб, призывающий верующих к молитве или хоть религиозным размышлениям, злейший враг черта: он бежит куда попало, лишь бы не слышать колокола. Поэтому колокольный звон прекращает бури, если они бесовского происхождения, и имеет много других благодетельных последствий.

Мощи святых, восторжествовавших над всеми нападениями и кознями Сатаны, помогали бесчисленному множеству других святых добиться подобного же торжества, равно как некоторые папские грамоты, носимые в ладанках на шее или зашитые в платье, а также разные амулеты. Довольно много предметов и в естественном мире, которыми можно воевать с чертом, так как он чувствует к ним острую антипатию. Из драгоценных камней таковы хризолит и агат: они обращают беса в бегство, и сапфир: он примиряет человека с Богом. Из растений — чеснок, мята и трава, называемая французами *permanable*: она дает силу повелевать демонами. Соли они также чрезвычайно боятся. В животном мире злейший враг их — вестник утра и восходящего солнца — петух. От крика его разбегается нечистая сила, хотя бывали случаи, что и не вся. Наконец, иным христианам случалось пускать против черта в ход просто собственные кулаки или добрую палку — и ничего, даже помогало. Даже так или иначе попав под власть дьявола, можно было считать свое дело не вовсе проигранным, ибо чистосердечное покаяние с суровыми епитимьями не только выручало грешника из плена, но еще могло покорить ему «под нозе» и беса-то самого.

Однако жития множества святых, от малых и средних до самых великих, свидетельствуют, что арсенал всех этих надежных орудий оказывался состоятельным далеко не всегда. Попадались черти настолько дерзкие и бесстыжие, что, передразнивая угодника, повторяли слово за словом молитвы, которыми тот думал удержать их, и даже пели псалмы. Другие нагло издевались над крестом, хотя он обыкновенно обра-

щает бесов в бегство. Третьи пускались в пляс и амурились под самым кропилом. Словом, чем сильнее была защита, тем яростнее и упорнее становились их нападения.

Из людей самыми грозными врагами Сатаны являлись святые. Они сражались с ним то ради самозащиты, то других защищая от его мерзостей. Они должны были терпеть от него много козней и докуки, но торжество над бесом было тем полнее и славнее, чем дольше и упорнее вел он свою атаку. Повестью о пакостях, учиненных Сатаною святым, и наказаниях, понесенных им же от них же, можно наполнить многие толстые тома. Угодники и угодницы, анахореты с седыми бородами и юные благочестивые девы, едва вышедшие из детства, одинаково испытывали и ковы дьявола, и торжество над ним.

Св. Антония бес тысячами досаждений — даже до побоев! — до того довел, что однажды отшельник взял да просто плюнул ему в рожу. Бес так растерялся, что поджал хвост и дал тягу. Впрочем, плевок святого мог обладать специфическими силами, которых лишен плевок обыкновенного человека. По крайней мере, епископ Донат во времена Аркадия и Гонория²⁹¹ умертвил громадного и прешрашного дракона, именно только плюнув ему в самую пасть.

Святость и сопряженные с нею способности проявлялись иногда необычайно рано. Св. Пахомий неумолимо поражал нечистого уже в самом раннем своем возрасте. Св. Сульпиций и св. Фродоберт²⁹² еще детьми отгоняли крестным знаменем беса, который мешал им ходить в школу. Другие святые тем же средством достигали еще более выразительных результатов. По рассказу Петра Преподобного, однажды проник в аббатство Ключи черт с намерением искусить одного монаха. Но приор, бывший человеком большой прозорливости и не меньшей святости, как пошел крестить нечистого, так, без всякого иного средства, загнал его в отхожее место.

Св. Сильвестр²⁹³ — тот самый, который крестил императора Константина и, по легенде, в награду за Миланский эдикт²⁹⁴ подарил ему всю Западную империю, — так этот св. Сильвестр однажды изловил беса в глубокой пещере под видом дракона, связал его веревкою и запечатал ему пасть крестным знаменем. В Ибернии св. аббат Мунна²⁹⁵ оковал беса раскаленной цепью. Другие святые действовали проще. Св. Аполлон²⁹⁶,

игумен пустыни Фиванидской, захватил беса гордости в образе маленького эфиопа и зарыл его в песок. Св. Контекст²⁹⁷ поймал суетившегося подле него блудного беса, набросив ему на шею свою епитрахиль, и провел его по городу, как собаку. Св. Иллидий²⁹⁸ заставил одного беса перенести две колонны из Трира в Аверни. Св. Прокопий Пражский²⁹⁹ заставлял чертей пахать плугом камни. Блаженный Нотчер Вальбул³⁰⁰, войдя раз ночью в церковь, застал там дьявола в виде собаки, приказал ему подождать и, взяв посох, принадлежавший ранее св. Колумбану³⁰¹, сломал его на спине нечистого. Св. Дунстан, аббат Гластонбюрийский, обошелся с чертом еще хуже. Однажды, когда он работал в своей кузнице, бес-искуситель явился ему в образе прекрасной юницы. Святой притворился, будто не узнал черта, и вступил с ним в дружескую беседу, а тем временем накалил клещи докрасна и — вдруг, среди разговора — неожиданно хватить ими беса за нос и давай таскать по кузнице с такой яростью, что тот со страха вертелся, как волчок, ревел, как буйвол, и при первой возможности улетел, как стрела. Св. Доминику черт мешал в его научных занятиях. Святой, нимало не выходя из терпения, взял из подсвечника свечу и вложил в лапу черту, приказав крепко держать ее, пока он будет читать. Заклятый дьявол вынужден повиноваться, но свеча горит, догорает — и бедный бес сжег себе все пальцы. Говорят, то же самое проделали с ним св. Антоний и св. Бернард. В более или менее подобном случае Лютер пустил в черта чернильницей. Но Лютер не был святым. Напротив, ходили о нем слухи, будто он и сам был бесовского происхождения: родился от черта, обольстившего его мать в образе золотых дел мастера. Св. Бернард Клервосский ехал раз в тележке; черт сломал ему колесо. Тем хуже для черта: святой обернул его самого колесом и заставил везти себя дальше. Подвиг необыкновенный даже для святого, но, к сожалению, заимствованный из старинной сказки германского эпоса о железном Гансе. Вот она в преломлении братьев Гримм. Едет Ганс лесом в телеге на паре волов. «Прибежал к нему страшный волк и заревел: “Я съем одного быка”. — “Нужды нет, — отвечает Ганс, — но тебе придется заместо его самому тащить воз”. Едва волк сожрал быка, как железный Ганс схватил его за шею и запряг в телегу. Немного погодя явился черт: “Я, — говорит, — изломаю у тебя ось”. —

“Пожалуй, только тебе самому придется занять ее место...”
 Черт не обратил внимания на эти слова; но едва изломал он ось, как железный Ганс схватил его за шиворот и буквально исполнил свое обещание».

Когда черти плутуют со святыми, они то и дело попадают в собственные сети. Св. Луп³⁰² стоит на молитве. Бес навел на него сильную жажду. Св. Луп приказывает подать себе кувшин свежей воды. Черт сейчас же влез в кувшин в расчете вместе с водою проникнуть в тело угодника. Но св. Луп, вместо того чтобы пить, спокойно положил на кувшин подушку с кровати и, закрестив, продержал наглого беса узником до следующего утра. Такое же точно приключение пережил с большею пользою и удовольствием для себя новгородский владыка Иоанн³⁰³. «Был у владыки круглый медный сосуд, с двумя носками, висевший на цепи в маленькой впадине с внешнею щелью для стока воды. Этот сосуд служил для владыки умывальником. Впадина затворялась дверцами от холода, проникавшего в щель. Все это и теперь показывается в Новгороде. Однажды, когда святой муж ночью стоял на молитве, бес вошел в сосуд и начал плескаться водою, чтобы прервать молитву старца праведного. Иоанн уразумел бесовские козни, подошел ко впадине, и осенил крестным знаменем сосуд; бесу некуда было выскочить; он пробил дыру в сосуде, но крестное знамение крепче меди; все-таки не выскочил бес и стал проситься; тяжело было отверженному духу под крестным знаменем. Иоанн потребовал, чтобы он превратился в коня и свозил его в Иерусалим так скоро, чтобы в одну и ту же ночь можно было воротиться в Новгород. Велика была сила крестного знамения у праведника. Бес повиновался. Он явился в образе черного коня пред келиею Иоанна. Владыка сел на него и помчался быстрее ветра по воздушному пространству. Он прибыл в Иерусалим к церкви Воскресения. Церковные двери сами собою отворились; лампы сами собою зажглись во храме; святой поклонился Гробу Христову и прочей святыне и опять сел на своего волшебного коня, и на рассвете конь принес его в Новгород. Святой отпустил беса. “Смотри же, отче, — сказал бес, — никому об этом не рассказывай! А то я тебе великую пакость сочиню!” Верно, бесовское самолюбие не могло выносить, как над ним, духом гордыни, будут смеяться и радоваться тому,

что он попался впросак»³⁰⁴. Впоследствии владыка, однако, проговорился, и бес действительно отомстил ему жестоко, хотя в конце концов был опять посрамлен... Другие святые запирали бесов подобными же способами надолго. Св. Конон Исаврянин³⁰⁵ заключал чертей в запечатанные горшки и потом закладывал их в фундамент своего дома. Урок, как запечатывать чертей, дошел к святым, как известно, еще от Соломона. К сожалению, совершенно невозможно передать шутку, которую сыграл с чертом св. Кьюпилло — угодник, которого нет ни в одном календаре, что не мешает ему быть чрезвычайно чтимым в Неаполе. И не только сыграл, а еще такие слова прибавил, что пришлось посрамленному черту со стыда сгореть!

Святые девы школили беса не хуже святых мужей. Достаточно двух примеров. Св. Юлиания³⁰⁶ отказалась вступить в брак с Евлогием, префектом Никомидии, идолопоклонником. Префект напрасно убеждал ее и грозил ей. Наконец, потеряв терпение, велел сначала сечь ее розгами, потом повесил ее за косы и лил ей на голову расплавленный свинец. Так как все это нисколько ей не повредило, он заковал ее в цепи и бросил в темницу. Здесь является к деве дьявол и, приняв образ ангела, говорит:

— О, Юлиания! Господь послал меня к тебе с разрешением поклониться идолам, чтобы ты не умерла такую постыдною смертью.

Но Юлиания обратила молитву к небу, и дьяволу пришлось снять личину и явиться в настоящем виде. Тогда мужественная девушка, чтобы нечистый впредь не морочил святых дев, связала ему лапы за спину, бросила его на пол и, сколько он ни вопил, отхлестала его тою же цепью, в которую была закована. Тут префект приказал привести Юлианию из темницы для новых пыток. Юлиания выходит, но ведет за собою на привязи и врага своего. Он плачет и молит:

— О, Юлиания! не выставляй меня на посмешище: ведь после такого срама на что я гожусь и какой же кому буду искуситель? Ведь говорят, что христиане милосердны: почему же ты не хочешь сжалиться надо мною?

Но Юлиания не внемлет, торжественно проводит беса через весь форум и наконец бросает его в отхожее место. Префект все это видел, но по безрассудству своему ничуть таким чудом

не убедился и приказал деву колесовать. Ангел сломал колесо, и дева осталась цела и невредима. Бесчисленные толпы зрителей, очевидцев чуда, благодаря этому обратились к вере Христовой, и префект, тут же на месте, приказывает обезглавить на скорую руку 500 мужчин и 130 женщин, а Юлианию погрузить в котел с расплавленным свинцом. Когда же и это не помогло, велит, уж так и быть, без новых ухищрений, ее просто обезглавить. В это время снова является дьявол, в образе юноши, и подзадоривает палачей, напоминая им поругания Юлианией идолов и его, бедного беса. Но достаточно Юлиании чуть приоткрыть глаза, чтобы черт пустился бежать без оглядки. И тогда лишь наконец небо дозволило Юлиании принять мученический венец.

Другая Юлиания (ум. 1258), настоятельница обители Монте-Корнелио, когда дьявол уж очень надоел ей, бросила его себе под ноги и топтала, как топчут виноград в точиле.

Более поэтично укротила беса одна из многочисленных св. Гертруд. В нее безумно влюбился некий рыцарь. Но она, не будучи расположена к земным радостям и не мечтая об ином браке, как с небесным женихом, ушла в монастырь. Тогда благородный рыцарь отдал все свое имущество ордену, в который вступила Гертруда, и таким образом довел себя до нищеты. Огорченный не тем, что обеднел, но тем, что ему нечего больше жертвовать в честь своей возлюбленной, рыцарь уныло бродил по полям и лесам и однажды ночью повстречал черта. Последний обещает его сделать богаче, чем был, под условием, что по прошествии семи лет рыцарь заплатит ему своею душою. Влюбленный принял условие, расписался на контракте собственной кровью и, сделавшись несметным богачом, пошел опять сорить деньгами во славу своей дамы. Между тем годы бегут, приходит условленный срок. Рыцарь идет проститься с девушкой и дает ей понять, какая судьба его ожидает. Затем, выпив стакан вина, который Гертруда ему предложила, садится на коня и, как честный должник, едет в полночь к условленному месту, где ждет его грозный кредитор. Но дьявол, едва его увидел, затрясся от испуга и, ничего не требуя, возвратил рыцарю контракт. Дело в том, что он увидал — позади рыцаря, на крупе коня — незримо сидящую св. Гертруду.

Иногда естественная вражда доходила до дуэльных вызовов, поединков и настоящих сражений врукопашную. Св. Вульстан³⁰⁷ получил вызов на борьбу от какого-то глупого черта, когда молился в церкви пред алтарем, — принял поединок и задал бесу жесточайшую трепку. Когда Сатана похитил перчатку разбойника Роллона, —

Смело на страшного гостя ударил Роллон,
Отнял перчатку свою у нечистого он...

И даже добродушный кузнец Вакула не забыл отблагодарить черта, возившего его в Петербург, несколькими добрыми ударами хворостины...

Неисчислимо добро, принесенное святыми чрез то, что они мешали дьяволу делать зло. Агиографы с важностью утверждают, что единственной помехой, воспрепятствовавшей бесам в XIV веке разорить и погубить Италию, был св. Франциск из Паолы³⁰⁸. Черт пред святым всегда на подневольном отчете: вынужден говорить то, что более всего желал бы замолчать, признаваться во всех своих секретях и планах, в злодеяниях, уже совершенных и только задуманных. Святые распознают беса, под какою бы личиною он ни скрывался, а иные — даже и незримо чувствуют по запаху. Таков, например, был св. Иларион, о котором блаженный Иероним уверяет, будто он «имел благодатный дар по запаху тела и одежд, и всего, чего кто касался, узнавать того демона или тот порок, которому был предан кто». Эта тонкость обоняния может сравниться только с чуткостью вкуса английского короля Якова I, о котором есть предание, будто он приказывал кипятить подозреваемых ведьм в котле и потом, попробовав на язык несколько капель получившегося бульона, безошибочно определял, действительно ли покойница была ведьма или сварилась понапрасну.

Когда дьявол нападает извне, то справиться с ним при помощи вышеупомянутых благословенных средств нетрудно даже не святому человеку. Но борьба осложнялась, если бес, подобно врагу, проникшему тайными путями в осажденную крепость, входил в тело человека. Последний в таких случаях не мог избавиться от беды иначе, как с постороннею помощью. Правда, Фома Кантипратийский упоминает об одном церков-

нослужителе, который самолично избавился от одержимости бесом чрез то, что сжег какого-то еретика, но это исключение. Притом не всегда же бесноватый мог иметь под рукою еретика, годного для сожжения, да и жечь еретиков было делом инквизиции, ревнивой к своим прерогативам. Обыкновенно одержимый считался вне сражения, возникающего из-за него, и битва велась не между ним и бесом, а между бесом и бойцом-специалистом, который и атаковал нечистого всеми известными ему приемами борьбы. Строго говоря, одержимый рассматривался как замок, внутри которого дьявол или дьяволы укрепились против осады и отбиваются от штурмов — увы! — часто весьма победоносно.

Способы к изгнанию бесов были многочисленны, а действительность их зависела отчасти от присущих им собственных свойств, отчасти от качеств лиц, которые пускали их в употребление. Была большая разница в том, кто произносит заклинания — простой ли священник, не имеющий за собой иных заслуг, кроме своего сана, или святой чудотворец, способный вешать плащ на солнечный луч и превращать воду в вино. Там, где первый побеждал только после долгих и утомительных хлопот, зачастую подвергаясь опасности, что бес, от которого он освобождал другого, вселится в него самого, — там святой побеждал одним жестом, словом, взглядом. Разнились и системы заклинаний. Иногда их надо было сопрягать с длинною путаницей молитв, обрядовых формул, постов и других убийств плоти, возжения свечей, курения ладаном и т. д. Иногда дело обходилось и без всего этого, по простоте. Дело в том, что не все черти оказывались одинакового характера. Одни обращались в бегство не то что при первом штурме, но даже при первом звуке военной трубы. Другие, наоборот, защищались отчаянно, именно как черти, и вытащить их из тела одержимых было едва достижимо, потому что держались они в жертвах своих, как гвозди, по головку забитые в стену. Сообразно тому многие одержимые исцелялись уже одним прикосновением к мощам какого-нибудь славного святого или глотком воды, в котором разведена была щепотка пыли с его надгробья. Так, очень помогала вода, послужившая для омовения деревянных башмаков св. Илии Пещерника. Заклинаемые святыми дьяволы обыкновенно немедленно подавали

какие-либо существенные признаки своего смятения и страха. Один черт, таившийся в брюхе больного, когда стал заклинать его св. Аппр³⁰⁹, выскочил из своего убежища через первое отверстие, какое нашел, что сопровождалось, сообщает точный описатель, большим извержением из живота. Бегство, вполне достойное столь мерзостного неприятеля.

Эразм Роттердамский³¹⁰ в своих «Беседах» весело издевается над всеми этими формулами, обрядами и сумасбродствами заклинателей. Однако его насмешки не помешали одному капуцину сочинить, уже в конце XVI века, огромную латинскую книжищу под заглавием «Бич на демонов», содержащую ужасные и могущественнейшие заклинания, а также наиболее испытанные средства, способные изгонять из тела одержимых бесом нечистую силу.

Не будем забывать, что среди наиболее испытанных средств имелась и палка, и не один бесноватый, будучи хорошо поколочен каким-либо дюжим святым, смирялся как по чуду и выздоравливал, не требуя каких-либо иных заклинаний. Большим мастером на такие исцеления был наш «протопоп-богатырь», незабвенный Аввакум.

Глава двенадцатая

Черт-весельчак

Венгерский драматург Мольнар³¹¹ представил черта фамильярным существом среди буржуазной обстановки, товарищем и добрым малым; *un diavolo dabbene*³¹², как говорят итальянцы. В этой идее много народного, а потому и интимно-понятного, чуткого, бросающего к сверхъестественной условности мост правдоподобия. Почти во всех странах и во все века народ относится к черту гораздо лучше и добрее, чем учит и требует запугивающая Церковь. Но роль победителя выпадает черту сравнительно редко, а побежденный он только противен, иногда жалок, всего же чаще смешон.

Народ любит фамильярно приближать к себе сверхъестественные силы. Первые же века христианства низвели с небес и заставили бродить по свету, принимая самое оживленное

участие в делах человеческих, не только ангелов, святых, Деву Марию, но и самого Христа и Бога Отца. Раз фамильярный антропоморфизм умел приспособить к своим представлениям даже такие сокровенные высоты, как же бы мог он обойтись, не укротив по-своему и не одомашнив дьявола, предполагаемого постоянным враждебным спутником человеческой жизни? Черт в народе резко отличен от черта богословов и аскетов. Народный черт — нечто вроде скверного соседа, незримого, полузримого или даже вовсе зримого в том или другом, большем или меньшем человекоподобии. У черта есть дом, профессия, свои занятия, нужды, хлопоты, иногда он землевладелец, иногда рабочий, он ест, пьет, курит, носит платье и обувь, иногда он впадает в долги и должен ломать голову, из каких источников уплатить, иногда он болеет, принимает скверные лекарства — во всем этом очень мало чертовского и очень много человеческого.

Одомашненный народный черт никогда не носит многозначительных, важных, торжественно-грозных имен из календаря Святого Писания или магической демонологии. Люцифер, Вельзевул, Сатана, Астарот, Бельфэгор, Мефистофель — дети и достояние «черных книг». Имена народных чертей будничные, уничижительные, смехотворные, а иногда так даже и ласкательные. В Италии — Фарфаникио (пустельга), Фистоло, Берлик, Фарфарелло (мотылек), Тентеннино (мямля, увалень), Куликкия, Тики-Таки. В Англии — Старый Ник, Старый Джентльмен, Гусберри (крыжовник). В Испании — Дон Мартин или Мартин Пиньоль. В Польше — Хохлик, Съкерка. У нас — Анчутка Беспятный и прочие. Как только литература начала находить народные основы, она сейчас же подхватила смешного и фамильярного народного черта. В так называемых макаронических поэмах черт является таким курьезным страшилищем, так дурчится, гримасничает и скачет, что свидетели этого зрелища едва живы от смеха. Народный черт совершенно чужд унылости, любит посмеяться сам и посмешить других. Св. Иероним рассказывает, что некоторый святой муж увидел однажды черта, хохочущего во всю глотку. На вопрос: чего ты? — черт отвечал:

— Да как же? Сейчас товарищ мой ехал верхом на шлейфе вон той дамы. Дама, переходя лужу, приподняла платье, — товарищ не удержался и бух прямо в грязь!

У св. Карадака³¹³ шустрый черт стянул однажды пояс с кошельком и радовался, как ребенок, покуда святой напрасно искал пропавшие вещи. Чудесно написаны шалости лукавых народных чертей в «Очарованном страннике» нашего Лескова. А совсем уж гениальную феерию народных чертей с их курьезным шабашем создал Роберт Бёрнс в своей поэме «Тэм О'Шентер», с которой не может сравняться даже пушкинский «Гусар»...

Черт далеко не всеведущий и всепроницательный гений. Напротив, он доверчив, как ребенок, — охотно принимает на веру самую дикую чепуху, в контрактах и пари его то и дело надувают, в практике жизни он круглый невежда. Он вечно пытается обмануть — и вечно обманут. Ведь даже Мефистофель и тот дал маху на контракте с Фаустом — по крайней мере в трагедии Гёте. По некоторым Отцам латинской Церкви, самое дело искупления рода человеческого было по отношению к дьяволу колоссальным обманом, в котором дьявол работал на собственную свою голову со всем слепым усердием, ему свойственным. Он-де потому так старался погубить Иисуса, что вообразил, будто получает Его душу взамен искупленных душ человеческих, — и в конце концов, как водится, остался с носом: души Иисуса не приобрел, а души человеческие потерял. Во многих средневековых сказаниях Бог забавляется, играя доверием дьявола к обещаниям и уступкам, которыми тот никак не в состоянии воспользоваться.

Точно так же обманывают черта святые, волшебники и обыкновенные смертные. Легенды Талмуда и восточных сказок о Соломоне почти дословно повторились в средневековых сказаниях о маге Вергилии, Парацельсе и т. д. Будущий маг слышит вой дьявола, заключенного силою чернокнижного искусства в тесную дыру и припечатанного заклятием: «Освободи меня, и я выучу тебя магии!..» Вергилий ломает печать, черт выходит на волю и, сдержав слово, делает поэта величайшим волшебником в мире. Перестав в нем нуждаться, Вергилий выражает сомнение: «Неужели ты мог поместиться в таком тесном заключении?» Тщеславный черт готов доказать: моментально влезает в свою старую тюрьму, а Вергилий его в ней тотчас же снова закликает — и идет себе дальше своею дорогою. Парацельс точно таким же образом извлек

черта, заключенного в дупло, выманил у него лекарство от всех болезней и золотую шкатулку и опять заколотил.

Бесчисленны сказки и легенды о надувательствах черта его должниками. Крестьянин обязуется отдать черту душу под условием, что тот выстроит ему дом, гумно либо вспашет поле, вообще исполнит какую-нибудь сложную работу прежде, чем запоют петухи. Честный черт трудится в поте лица своего, но, когда работа уже близка к концу, плут-мужик заставляет петуха петь раньше срока, и бедный черт вынужден провалиться восвояси, имея только то одно утешение, что работу, им не довершенную, уже никакою человеческою силою нельзя довести до конца: здание останется недостроенным, незапаханный кусок полосы — навсегда пустырем и т. д. Либо черт подрядится построить для какого-нибудь города мост с условием, что ему будет принадлежать душа первого, кто пройдет по мосту. Горожане мост примут, а первыми пройти по мосту пустят осла, козла или собаку, и опростоволосившийся черт должен удовольствоваться этой скромною добычей. Часто вместо души ему подсовывают тень. В Саламанке, в университете, черт читал курс магии, предупредив слушателей, что в виде гонорара он возьмет душу того, кто на последней лекции останется последним в аудитории. В роковой день студенты бросили жребий, кому быть жертвою беса. Но парень провел кредитора. Когда черт устремился на него, он закричал:

— Я не последний, профессор: есть еще один!

И указал на свою тень. Черт бросился на нее, принимая ее за человека, а студент благополучно улизнул.

Эта сказка дала сюжет известной балладе Теодора Кёрнера³¹⁴. Тему тени, проданной недогадливому черту под видом души, разработал в замечательном романе своем «Жизнь и приключения Петера Шлемиля» Адальберт Шамиссо³¹⁵.

Русский черт в житейских делах совершенный невежда и всегда обманут смертными самым жалким и нелепым образом. Достаточно вспомнить сказку о Шабарше, переложенную в стихи А. С. Пушкиным, чтобы увидеть, как ограничены умственные способности и, наоборот, велика честность русского черта: на какие детские шутки можно его поймать!.. В других сказках — дадут черту пулю вместо ореха, он добросовестно грызет; чугунного болвана принимает за человека; дается

в обман солдату, который запирает Сатану вместе со всею его командою в свой ранец и отдает пленный ад в таком виде в кузницу. Хитрый барин замучил чертей, заставляя их возить его по зыбучему болоту, и они сами никак не могли догадаться злодея своего утопить, покуда их не надоумила встречная баба. Примеры бесовской наивности в русских сказках бесчисленны. Даже в предметах по собственной своей, так сказать, профессии черт слаб, недогадлив и несведущ. «Первый винокур», но его ничего не стоит напоить допьяна, и в таком виде делай с ним что хочешь. В карты играть — православные чертей непременно обжулят, а шулера они такие плохие, что даже простоватого деда в «Пропавшей грамоте»³¹⁶ не могут обыграть сатанинской шайкой. И наконец, кто знаком с запретными русскими сказками, тот вспомнит, какими забористыми дурачествами морочат черта игривые бабенки, попадьи и прочие внучки Евы, как бы в отмщение за свою прародительницу, которую великий Змий-сатана соблазном своим лишил рая... Очевидно, черт с тех пор совершил эволюцию, обратную исторической эволюции человеческого рода: люди в несчастье поумнели, а черт нестерпимо поглупел.

Весь век торгуя душами, черт, по-видимому, совершенно не знает толку в своем товаре, и потому вместо души ему можно всучить самую невыразимую дрянь. Французский трубадур Рютбёф (XIII век) рассказывает, как глупый черт, ловя в мешок душу умиравшего крестьянина, поймал сдуру ветры, которые испустил больной, да так и остался с этой благодатью. Знаменит подобными несчастиями черт *Papierfiquiere* (Бумажный черт), историю которого рассказал Рабле. Не больше, чем с душами, везет черту в его земных женитьбах: среди пострадавших Бельфэгор, приключения которого описаны Макиавелли и Страпаролою³¹⁷, и черт известной испанской сказки, которого теща загнала в бутылку, закупорила и бросила на вершине горы.

Черти Дантова ада, встреченные поэтом в пятом рву восьмого круга, великолепная смесь обоих дьявольских начал: ужасного и смешного. То и другое перепутано в их наружности, поведении, именах. Их общее родовое имя — *Malebranche*, Скверная поросль. А частные имена: *Malacoda* (Скверный Хвост), *Scarmiglione* (Шкуродер), *Alichino* (Хлопоккрыл),

Calcabrina (Черт-Правёжник, выжимающий пользу даже из инея: равносильно русскому простонародному «с дерьма пенки снимает»), Cagnazzo (Пес Паршивый), Barbariccia (Плут-Борода), Libicosso (Скверный Южный Ветер), Dragignazzo (Ядовитый Драконишко), Ciriatto (Хрюкало), Graffiacane (Собаколуп), Rubicante (Краснорожий).

Данте оставил им жесты и мимику подонков флорентийского простонародья. Они щелкают языками и подмигивают, чтобы привлечь к себе внимание своего атамана, а атаман подает им трубные сигналы способом, о котором лучше не вспоминать. Двое из них, Аликино и Кальбарино, вступают в драку, падают сгоряча в озеро кипящего олова, и товарищи тащат их оттуда крюками.

Очень похожи на этих дантовских чертей те дьяволы-интриганы, которых выводят мистерии и моралите Средних веков и Возрождения. Главным назначением их было смешить зрителей дурачки-чудовищным видом, проказами, гримасами, комической погоней друг за другом и постоянной дракою с щедро рассыпаемыми пинками и оплеухами. Это шуты и клоуны священной сцены, столь же частые и необходимые на ней, как цинические и первобытные дураки в трагедиях Шекспира. Особенно часты такие черти-клоуны в священном театре французском, английском и немецком; реже — у итальянцев.

Французская мистерия XV века «Рождество, страсти и воскресение Господа нашего Иисуса Христа», сочинение Арнуля Гребана³¹⁸, имеет 34 574 стиха, разделенных между 303 действующими лицами, в числе которых много чертей, играющих роль смешную и жалкую. Получив сведения, что близится Искупление мира, Люцифер велит трубить сбор всем чертям; тех, кто не отвечает на призыв и ленится прийти на собрание, нещадно секут плетью, возят голым задом по всему аду, семь раз окунают в самый глубокий адский колодезь. Является Сатана. Он только что с земли, где тщетно старался хоть чем-нибудь повредить Христу. За неудачу ему немедленно задают достойную таску, хоть он и протестует, взывая к справедливости всего ада. В другой сцене Сатана, Астарот и Берик присутствуют при Вознесении Христовом, но удается видеть чудо только одному Сатане. Астарота, едва попробовал поднять глаза к не-

бу, незримая сила бросает ничком, а Берика оглушает ударом по голове. Они решают возвратиться в ад, хотя предчувствуют, что не очень-то любезно их там встретят.

В другой сцене Сатану, скованного раскаленными цепями, волочат по всему аду.

— Что, брат? трудишься в поте лица своего? — спрашивает его Люцифер.

В немецкой «Мистерии Страстей Господних» Люцифер беседует с чертями о своем падении и гордости, которая была тому причиной. Но черти ругают его и бьют: «Довольно уж нам проповедей-то!» В другой мистерии — «Воскресение Христово» (1464) — Люцифер, после того как Искупитель опустошил его царство, закован в цепи и посажен в бочку. Сатана и другие черти отправляются на ловлю новых душ, которые могли бы пополнить убыль старых. Но едва они уходят, Люцифер начинает звать их обратно и орет так громко и так долго, что у него разболелась голова. Черти вернулись, но больной Люцифер уже успел позабыть, зачем он звал их, и черти ругают его, сожалея о душах, ими тем временем потерянных. Сатана вновь отправляется на ловитву. Его так долго нет, что Люцифер начинает беспокоиться: «Уж не случилось ли с ним какого-нибудь несчастья? Да уж не убили ли его?» Наконец Сатана возвращается с душой священника — и Люцифер хохочет, удивляясь, что прежде всего попадают в ад именно те, кто должен был бы показывать другим дорогу в рай. Но хитрый священник не остается в долгу и, грызаясь слово за слово, так обрабатывает Люцифера, что тот велит отпустить его как можно скорее восвояси.

В плачевном виде выставляет черта испанская комедия XVII века «El Diablo predicador» («Черт-проповедник») ³¹⁹. Черт оклеветал монахов одного францисканского монастыря в Лукке и возмутил против них население. Бедным монахам приходится очень плохо, как вдруг с неба спускается архангел Михаил с младенцем Христом на руках и приказывает клеветнику обратить свои каверзы и возвратить оклеветанным их прежнюю репутацию.

К числу смешных чертей принадлежат дьявол Скарапино во «Влюбленном Роланде» Боярдо³²⁰ — какой-то мальчик-с-пальчик адского мира, живущий в атмосфере винного погреба

и кухонного чада, — и черти, которых Лоренцо Липпи³²¹ написал в своем «Malmantile».

Осмеяние, направленное против черта, должно было рано или поздно коснуться и некоторых явлений, тесно связанных с чертовщиною, — обрушиться на магию и ее причудливые тайны. Этот веселый скептический смех прорывается в народе бодрою сатирою как раз в период, когда учащаются процессы против колдуний и костры ведьм горят по Европе с усиленной яростью, — в XV—XVI веках. Ни у кого смех над магией не звучит так громко, как у Теофила Фоленго³²², остроумного, богатого воображением, веселого автора «Бальдо», короля макаронических поэтов. В VII макаронике этой поэмы он издевается над доминиканцами, которым вверена была инквизиция: «Вся их обязанность в том, чтобы седлать ослов для колдуний». В макаронике XXI Фоленго описывает в невыразимо смешном и непристойном виде кухню, школу и лупанар ведьм и извиняется, что кое о чем должен умолчать, так как побаивается, не послали бы его инквизиторы в пытку и на костер. В «Куртизанке» Пьетро Аретино³²³ некая Альвиджия оплакивает смерть своей хозяйки, старой колдуньи, которую только что сожгла инквизиция: «Она строго соблюдала все вечерние службы и теперь мне, своей ученице, оставила весь свой скарб и всю колдовскую утварь: пузырек со слезами любовников, сага non nata (кожа животного, добытого оперативным путем из материнской утробы), заклятия к усыплению, молодильные рецепты, черта, запертого в ночном горшке, и прочее, и прочее». В «Одержимой» Ласки³²⁴ Трафела говорит: «Когда кто-нибудь обидится до того, что начинает верить колдовству, ведьмам, духам, заклятиям, можно по справедливости сказать, что он стал гусь-гусем...»

Вообще в итальянских комедиях и повестях XV века колдуны, ведьмы и магические операции — частая тема шуток. Костры горят — чего нельзя серьезнее, а народ и демократическая литература острят. Любопытную смесь суеверия и скептицизма, ужасного и комического, смеха и страха представляет знаменитый рассказ Бенвенуто Челлини³²⁵ о том, как он выживал чертей в Колизее. Хотя подлинность записок Бенвенуто Челлини сомнительна, совершенство этого превосходного романа и верность его духу эпохи несомненны; так что его

можно смело цитировать как исторический документ. «Во время этого странного образа жизни я познакомился с сицилийским священником, человеком очень ученым, глубоко изучавшим греческую и латинскую литературу. Однажды зашел у нас разговор о некромантии; между прочим я сказал, что мне чрезвычайно хочется узнать, что это за искусство, а еще более увидеть самые его действия.

— Для этого нужна душа твердая и предприимчивая, — отвечал священник.

— Только бы представился мне случай посвятить себя в эти таинства, а твердости у меня хватит.

— Если так, я удовлетворю твоему желанию.

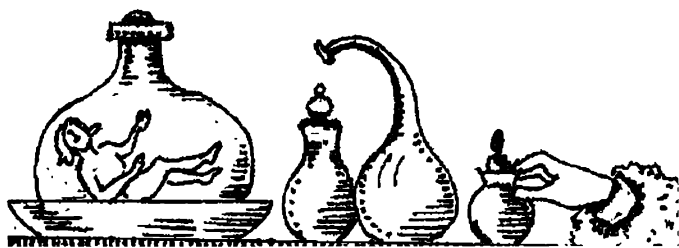
Вот мы и условились приступить к делу.

Вечером священник сделал необходимые приготовления и велел мне взять с собою одного или двух товарищей. Пригласив Винченцио Ромоли, мы отправились в Колизей. Там священник облекся в одежду некроманов и стал чертить на земле круги с чудными церемониями. Когда все было готово, он сделал в кружке двери и перевел каждого из нас туда. Потом распределил между нами занятия: приятелю своему Пистойа, пришедшему с ним, он отдал талисман, нам поручил надзор за огнем и куреньями и начал заклинания. Эта история продолжалась часа полтора. Колизей наполнился легионами адских духов; видя, что их набралось довольно много, священник обратился ко мне и сказал: «Бенвенуто, проси у них, чего хочешь». Я отвечал, что прошу их соединить меня с сицилианкою Ангеликой. В эту ночь мы не получили ответа, тем не менее я был очень доволен всем тем, что видел.

— Надо прийти вторично, — сказал некроман, — и привести невинного еще мальчика.

Я выбрал одного из моих учеников, которому было около двенадцати лет, взял с собою Винченцио Ромоли и еще Аньолино Гадди, моего приятеля. В Колизее начались все прежние проделки. Надсмотр за огнем и куреньями поручен был Винченцио и Аньолино Гадди, а мне дан был талисман с приказанием поворотить его к тому месту, куда некроман укажет. Ученик стоял под талисманом.

Священник начал свои ужасные заклинания, вызывал по именам множество демонов и именем Всемогущего, несо-

творенного, живого и вечного Бога повелевал им, употребляя еврейский, греческий и латинский языки. Скоро Колизей наполнился бесчисленным множеством демонов. По совету некрмана я снова попросил их соединить меня с Ангеликой.

— Слышишь? — возразил некрман. — Они отвечали, что через месяц ты с нею увидишься. Не робей, — продолжал он, — стой тверже: легионов гораздо более того, сколько я вызывал, притом эти самые опасные. Так как они ответили на твой вопрос, то надо обойтись с ними как можно ласковее.

Вдруг мальчик, которого я все держал под талисманом, стал в ужасе кричать, что около нас легионы страшных людей и четыре великана, порывающихся войти в круг. Некрман, дрожа от страха, всевозможными ласками старался от них освободиться. Я боялся не менее других, но старался скрыть это и ободрял товарищей. Ученик, спрятав голову между своих колен, кричал, что он умирает. Священник велел закурить *assa foetida*³²⁶; но Аньоло Гадди находился в совершенном оцепенении от ужаса: глаза у него были навывкате, он был ни жив ни мертв.

— Полно, Аньоло, — сказал я, — страх тут не у места; лучше помощи-ка нам: насыпь поскорее *assa foetida* на угли.

Мальчик мой решился поднять голову; видя, что я смеюсь, он ободрился. Дорогой он уверял нас, что два чертенка бежали перед нами и прыгали то на крыши, то с крыш. Некрман клялся, что с тех пор, как он занимается этим искусством, с ним никогда не случалось ничего подобного, уговаривал меня присоединиться к нему, обещая от некрмантии неисчислимы богатства.

— Любовные дела — пустяки, тщеславие, — говорил он, — и ни к чему не ведут.

Разговаривая таким образом, мы пришли домой. Ночью нам только и снилось, что демоны».

Хотя по натуре своей смешной черт такой же пакостник, как черт угрюмый, но он менее опасен и вреден, а потому является как бы переходною ступенью к «доброму черту».

Противоречие между самым понятием «злого духа», с одной стороны, и «добра» — с другой, казалось, должно было бы помешать народу создать идею о добром черте, в контраст или в поправку к черту злему. Но не только народ, а и богословы

не удержались от соблазна открыть двери этой примирительной идее. Добрый черт прежде всего услужлив. Он помогает людям в опасностях и нуждах совершенно добровольно, без всякого дурного намерения, не прося никакой награды или же довольствуясь самою малою. Примеров тому несть числа. Он также — существо благодарное.

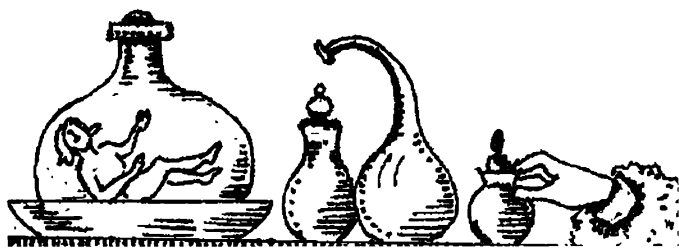
«Однажды зимою, — говорит старая немецкая хроника, — некоторый бедный черт, полузамерзший на страшном холоде, попросил приюта в доме рыцаря Бернгарда фон Штретлингера. Последний, тронувшись жалким видом черта, подарил ему плащ. Вскоре затем рыцарь отправился на поклонение святым местам. На возвратном пути он попался в плен и заключен был в тюрьму на горе Гаргано. Как вдруг является рыцарю тот самый черт, одетый в подаренный ему рыцарем плащ, и говорит:

— Я послан архангелом Михаилом, чтобы отнести тебя домой. Поспешим, потому что жена твоя собралась уже выйти замуж за другого.

И доставил рыцаря восвояси как раз вовремя, чтобы помешать незаконному браку».

Многие другие рыцари и святые путешествовали тем же способом, без малейшего участия в том магических средств. Святой Антидий³²⁷ ездил на черте в Рим, чтобы намылить голову тогдашнему папе за какой-то грешок против седьмой заповеди.

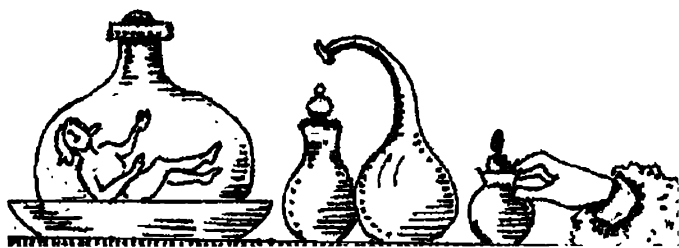
Многие черти поступали в услужение к порядочным людям и даже в монастыри. Конечно, услуги их были не всегда бескорыстными и могли быть очень опасны для хозяев. В VI веке св. Эрвей³²⁸ поймал и уличил двух таких чертей: один служил лакеем в доме графа Элено, а другой — работником в монастыре. Оба сознались, что имели злые намерения. Вальтер де Куанси описывает черта, поступившего в услужение к одному богачу: он не только пытался совратить своего господина с пути истинного, но и покушался на его жизнь. Но нет правила без исключения, и некоторые черти в услужении вели себя весьма порядочно. Один черт, определившись лакеем к рыцарю, долго служил ему с величайшею верностью и преданностью и однажды даже спас господина и супругу его от верной смерти. Раскрыв, кто был слуга, рыцарь не посмел держать его более. «Сколько я тебе должен?» Честный черт спросил

небольшую сумму и, получив, возвратил ее рыцарю с просьбой купить на эти деньги колокол для одной бедной церкви. Это — рассказ Цезария. По свидетельству Тритемия, другой черт долго служил у епископа Хильдесгеймского. В одном старом итальянском житии мы находим черта монастырским служкою; он работал с величайшим усердием и аккуратностью, отвечая трудом своим за десятерых слуг. «В одно мгновение он накрывал на стол и убирал со стола, подметал трапезную, мыл посуду и в таком же роде исполнял многие другие услуги; больше того: при первом благовесте к заутрени он брал палку и стучал в двери келий, торопя заспавшихся иноков идти в церковь на молитву». О таком же черте-служке во францисканском монастыре города Шверина рассказывает немецкий летописец Бернارد Хедерих³²⁹. Уходя из монастыря, черт в награду за честную службу попросил только то, что раньше выговорил: пеструю одежду с бубенчиками.

Добрые черти умеют быть полезными и в другом роде. Благодаря пари одного из них с архангелом Михаилом, кто выстроит церковь красивее, возник в Нормандии храм на горе Сен-Мишель. Другой был настолько великодушен, что научил св. Бернарда семи стихам из псалмов, повторяя которые ежедневно человек обеспечивает себе рай. Третий, даже без всякой о том просьбы, перенес душу больного рыцаря в Рим и Иерусалим и тем вернул ему здоровье. Все это, конечно, были черти высших степеней, черти-нобили, одаренные могуществом, соответственным их рангу. Добрые черти из адской мелочи по-мелочному и добры. По Цезарию, один черт сторожил виноградник за одну корзину винограда. Известный историк запорожской старины Д. Эварницкий³³⁰ сообщает такую легенду: «Жил когда-то между запорожцами один кузнец, да не такой кузнец, какие теперь повелись, — пьянюги да мошенники, — а кузнец настоящий, честный, трезвый человек, еще старинного завету. И ковал он коней чуть ли не на всю Сечь. Чуть свет, а он уже в кузнице, уже и “гукает” молотом. Только сколько он ни делал, сколько ни годил себе и казакам, а все бедняком был: ни на нем, ни под ним. В кузнице его всегда висело две картины: на одной срисован был Господь Иисус Христос, а на другой намалеван чертяга с рогами; первая картина прибита была на стене, что прямо против дверей,

а вторая — на стене, что над дверьми. Так вот войдет, бывало, кузнец в кузницу, то сейчас же станет лицом к иконе и помолится Богу, а потом обернется назад и плюнет черту, да и плюнет как раз в самую рожу. Вот так он и делал каждый день: Богу помолится, а черту плюнет. Однажды вот приходит к этому кузнецу парняга, здоровый, красовитый, с такими черными усами, что они так и “вылискуются” у него; а на вид несколько смугловатый. Кузнец пожаловался гостю на плохие заработки, а тот предложил ему бросить кузницу и заняться новым ремеслом: старых людей переделывать на молодых. “Неужели можешь?” — “Могу!” — “Научи меня, спасибо тебе!” — “Э, не хотелось бы мне, но жаль уж очень тебя. Так вот же что: пойдем вместе по свету, посмотришь ты, как я дело делаю, то и себе научишься”. — “Пойдем”. Вот и пошли они. Идут-идут; приходят в одну слободу и сейчас же спрашивают: “А что это, панская слобода?” — “Панская”. — “А есть тут пан?” — “Есть!” — “А что он, старый или молодой?” — “Да лет с девяносто будет”. — “Ну, вот это и наш; идем к нему”. Сторговались с паном помолодить его за тысячу рублей. Тогда тот молодой парняга взял долбню, “ошелешил” пана по лбу, изрезал его на куски, покидал те куски в бочку, налил туда воды, насыпал золы, взял весилку да и давай все это мешать весилкою. Мешал-мешал, мешал-мешал, а потом плюнул-дунул да как крикнет: “Стань передо мною, как лист перед травой!” Тут по этому слову из бочки выскочил такой молодец, что аж любо на него посмотреть, молоденький-молоденький, как будто ему лет семнадцать. Получил парняга тот деньги, часть дал кузнецу, а часть зарыл зачем-то в курган. Так переделали они в молодых еще несколько панов и паней. Вот кузнец видит, что наука того парня не особенно мудра, и говорит сам себе: “Э, кат тебя бери! Я и сам теперь могу то же самое сделать!” Положились спать. Вот только что наш парняга заснул, а кузнец поднялся да и ушел. Нашел старого пана, охочего помолодеть, и принялся мастерить, как выучился: взял долбню, убил ею пана, изрезал его на кусочки, побросал те кусочки в бочку, налил туда воды, насыпал золы, взял весилку и давай мешать. Мешал-мешал, мешал-мешал, а потом как свистнет, как крикнет: “Стань передо мною, как лист перед травой!” А оно ничего и не выходит. Он вновь мешает; мешал-мешал,

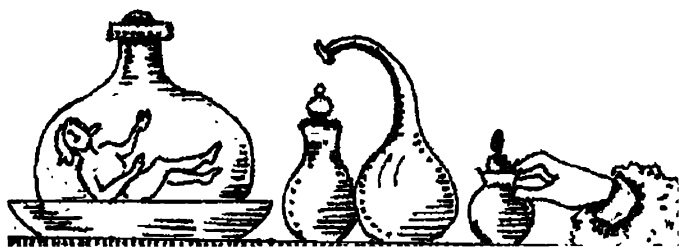

мешал-мешал — пот беднягу прошиб, и снова крикнет: “Стань передо мною, как лист перед травой!” И снова ничего не выходит. Он и в третий раз, и в третий не выходит. Что тут делать? А дети убитого пана пристают, чтобы кузнец воротил им отца, а не воротит, то в Сибирь зададут. “Погодите, — говорит кузнец, — стар он чересчур, не вскипел!” Да снова мешает. Вот уже и ночь обняла его; устал бедный кузнец, сел и задумался. Коли кто-то торк его за руку! Оглянулся кузнец, а это парняга тот с блескучими глазами и черными усиками. “Чего это ты, дядько, так зажурился?” — “Э, голубчик мой сивый, выручь из беды! До веку не забуду!” Задумался парняга, а кузнец все просит. “Ну, вот что: я тебе помогу, только дай мне один зарок”. — “Какой твоей душе угодно, такой и дам; что же именно тебе нужно?” — “Да что? Не будешь ты плевать вот на ту картину, которая висит у тебя в кузнице над дверьми?” — “Да это та, что черт на ней намалеван?” — “Та самая!..” Понял тогда кузнец, что у него за товарищ и какая у него наука... Ну, что же было делать? “Не буду, до веку не буду!” С тех пор перестал кузнец плевать черту в рожу, с тех пор люди и пословицу сложили: “Бога не забывай, да и черта не обижай”. Это сделалось между запорожцами, а от них уже и к нам перешло...»

Еще страннее просто доброго черта черт, который верует, молится, исполняет религиозные обряды. В «Житии св. Иоанна Гвальберта»³³¹ повествуется о черте, который, войдя в тело одной старушки, пел гимны, псалмы и прочее. Есть чудесный малороссийский рассказ о чертяке, который, влюбившись в одну молоденькую девушку, попавшую в ведьмы не по собственной охоте, а по наследственности от матери, не только помогает этой бедняжке развестьми, но и продает себя в жертву за нее мстительным своим товарищам... Таким образом, народному черту оказывается доступною даже высшая ступень христианской любви и готовность положить душу свою за други своя. Мало того, бывают черти, которые добрыми своими качествами превосходят людей, и зрелище человеческой подлости и жестокости приводит их в искреннейшее негодование и ужас. Так, в народной английской сказке, рассказанной Диккенсом,³³² Сатана вышел из себя от тупости и нелюдимости безжалостного могильщика Грубба. Есть литовская сказка о бесе, который никак не мог посорить

крепко любящих друг друга супругов. Старая баба взялась устроить ему это за пару башмаков и разожгла между мужем и женою ненависть и подозрения в один день. «Черт все это видел и глазам не верил; после взял он длинный шест: нацепил на один конец обещанные лапти и пару башмаков и подал их старухе издали. “Я ни за что не пойду к тебе ближе, — сказал нечистый, — не то, пожалуй, ты и меня обморочишь; ведь ты куда хитрей и лукавее меня”. Отдал ей башмаки и лапти, бросил шест и быстро исчез, словно выстрел из ружья. Рассказ этот известен и между нашим простонародьем» (Афанасьев). Бесчисленны рассказы о чертях, страдающих от злых жен, которые то выживают их злобою своею из ада на землю, то заставляют бежать с земли в ад.

Ясно, что добрый черт Средних веков — прямой потомок и ближайший родственник кротких стихийных духов древней языческой мифологии — гномов, сильфов, эльфов. Но он, так сказать, редактирован христианством, а со своей стороны вынудил у христианского богословия снисходительный компромисс, которым дьяволу открывался путь к спасению. Уже во втором, третьем и четвертом веках по Р. Х. вопрос о раскаянии дьявола занимал умы мужей Церкви, причем в пользу черта высказывались такие силы, как Иустин Философ³³³, Климент Александрийский, Ориген, а в IV веке — Дидим Александрийский³³⁴ и Григорий Нисский. Однако одержало верх противоположное мнение: что дьявол раскаяться не в состоянии и осуждение его вечно и неизменно. Начиная с IV века это догмат, суждение единственно православное. Обратное мнение — ересь. В Средние века еретическое мнение находит защитника единственно в Скотте Эригене³³⁵. Наоборот, св. Ансельм³³⁶ (1033–1109) восстает на него самую яркую полемикою, а величайший светоч богословия, св. Фома Аквинат, категорически отрицает возможность для дьявола улучшить свою природу и участь. В «Житии св. Мартина», написанном в VI веке Венанцием Фортунатом³³⁷, говорится, что дьявол, если бы мог раскаяться, то, конечно, был бы спасен, но в том-то и дело, что раскаяться он никак не может. Чтобы доказать невозможность эту и в то же время сохранить за дьяволом свободу воли, которою он одарен не в меньшей степени, чем человек, сочинялись теории странные и тонкие. Например,

утверждали, будто дьявол потому не способен к покаянию, что покаяние есть путь совершенствования от плоти к духу, а у дьявола не двойная натура, как у человека, но одна — духовная. Но народ был всегда добрее ученых и стоял, чутьем благодати, выше богословов и философов. Он просто не понимал и не принимал вечного проклятия, жалел черта, сочинял ему путь к избавлению от вечного проклятия, и — справедливо говорит Артуро Граф — если бы народ имел в том право голоса, то некоторые черти преотлично были бы спасены и оказались бы даже святыми. «Святой черт» — великолепно прозвал недавно бывший инок Илиодор³³⁸ своего сотоварища-шарлатана «старца» Григория Распутина. В этом случае народ близок к восточным идеям. Возвращение дьяволов в ангельский вид пророчит и учение раввинов, и Коран. Ад когда-нибудь потеряет свой ужас и станет святым местом.

Желание возратить себе утраченное небо и раскаяние в нелепом возмущении высказывали многие дьяволы. Об одном из них, весьма достойном сожаления, сообщает неистощимый Цезарий. В старой английской поэме дьявол сперва борется против Христа, пришедшего освободить души из ада, но, убедившись, что не в силах Ему противостать, молит: «Освободи же и меня вместе с ними!» Понятно, однако, что покаянные средства иногда приходится чертям не по вкусу и не один черт, попробовав их, отступал, махнув на судьбу свою рукою.

Св. Ипатий³³⁹ уговаривал однажды какого-то черта сотворить покаяние, но черт даже не пожелал признать себя грешником, то есть не захотел сделать даже первого шага к спасению, потому что покаяние начинается сознанием греха. В одном итальянском апокрифе о состязании между Христом и Сатаной последний упрекает Искупителя, что Он возлюбил человека более, чем его, Сатану, создание чина ангельского:

— Человека Ты искупил, а меня покинул в бездне отчаяния!

Христос возражает:

— Если я не помогаю тебе, причина тому только та, что ты сам помочь себе не хочешь. Потому и помогаю я человеку, что он сам себе помогает. Точно так же, как его, я спас бы и тебя, если бы ты догадался помочь себе: покайся, обожай меня, проси у меня милости, признай свою вину и поклонись мне, как владыке.

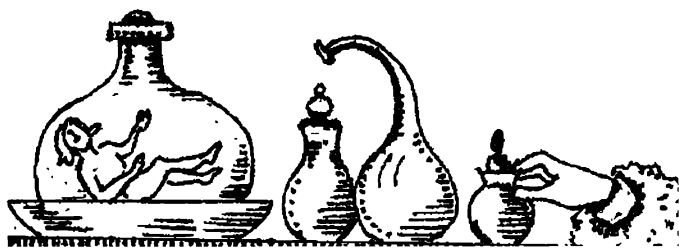

Сатана с гордостью отвечает:

— Я скорблю и сокрушаюсь о том, что пал с неба, но не потому, чтобы я хотел поклоняться Тебе или признать себя виноватым. Скорее, чем поклониться Тебе, я согласен быть брошенным на дно ада, в муки, во сто тысяч раз злейшие моих нынешних!

В древнерусской литературе всем вышеприведенным историям соответствует «Повесть о бесе Зерефере»³⁴⁰, сохранившаяся в списке конца XV или начала XVI века. Дьяволы заспорили между собою, могут ли они быть прощены от Господа Бога. Один из них, по имени Зерефер, берется узнать, как о том мыслит сам Господь, и научает одного святого подвижника вознести о том молитву. Явившийся ангел предупреждает праведника, что его обманывает лукавый бес, но так как Бог не отвергает никакого грешника, ищущего с ним примирения, то ангел сообщает подвижнику покаянный обряд, которым дьявол может возвратить себе прежнее ангельское состояние. И когда бес явился за ответом, «старец же сказал в ответ: “Вот что заповедует тебе Бог: проведи стоя на одном месте 3 года, обратись к востоку, взывая денно и ночью: “Боже, помилуй меня, древнюю злобу!” — и скажи это 100 раз. И затем еще 100: “Боже, помилуй меня, мерзость запустения!” И вновь столько же: “Боже, помилуй меня, мрачное заблуждение!” И когда сделаешь это, тогда сопричтешься с ангелами Божиими, как и прежде”. Зерефер же лживый отверг путь покаяния, громко рассмеялся и сказал старцу: “О калугер³⁴¹! Если бы я хотел назвать себя древней злобой, и мерзостью запустения, и мрачным заблуждением, то кто-нибудь из нас прежде это уже сделал бы и спасся. Ныне же не будет того, кто назовет меня древней злобой? Я даже и доныне дивен и славен, и все в страхе повинуются мне. И я сам себя назову мерзостью запустения и мрачным заблуждением? Никогда, калугер, нет! Я даже и доныне повелеваю грешниками. И сейчас так унижу себя? Никогда, калугер, не бывать тому, чтобы я себя такому бесчестию подверг”. Сказал это дьявол и тотчас стал невидим».

Черти не столь строптивого нрава, как этот, не только не интересовались путями к обращению, но даже пробовали исповедоваться. Но это редкий случай. Гораздо чаще брали они

на себя маску духовников. В этом случае они бывали очень опасны, так как развращали исповедников своею безграничною снисходительностью. В каком бы пакостном грехе ни признался человек, черт-духовник знай утешает: «Ничего! Не велика беда! Не обращай внимания!»

Каков черт в роли проповедника морали и житейской мудрости, показал Мефистофель в «Фаусте» Гёте, дьявольски мороча студента, пришедшего к Фаусту за поучением и советом о выборе карьеры... Следуя дьявольским советам, студент — во второй части «Фауста» — обратился в такого пошлейшего «приват-доцента», что самому черту стало совестно: какого вывел он «профессора по назначению»!

Собственно говоря, казалось бы, исповедь для черта совсем уж не такое трудное дело, потому что он, уже по природе своей, страшный болтун. Даже скрывая адское существо свое, этот великий любитель мистификации не удерживается от искушения потанцевать немножко на канате, ежеминутно рискуя опасностью обнаружить себя. Так, демон в «Волшебнике-чудотворце» Кальдерона³⁴², явившись моряком, потерпевшим кораблекрушение, рассказывает, под видом своей биографии, возмущение небесных духов против Бога и всю, так сказать, историческую эволюцию дьявола...

Очень часто болтливые черти рассказывали святым мужам, без всякой в том нужды и спроса, самые сокровенные и плутовские ухищрения злобы своей. Цезарий повествует, что однажды дьявол пришел-таки исповедоваться, уповая на милость Господню. Духовник, священник жалостливый и умеренный, назначил ему в епитимью всего лишь трижды в день преклонять колена и с сокрушенным духом читать молитву: «Господи Боже, сотворший мя, согреших пред Тобою, помилуй мя!» Но черт — так черт и есть: нашел, что такое унижение ему неуместно, и — тем дело и кончилось. Вильгельм из Вадингтона³⁴³, автор «Руководства прегрешений», сообщает историю другого черта, который, заметив чудотворственное действие и спасительные результаты исповеди, сам решил испытать ее силу и принес некоему святому мужу бесконечный и ужасающий список грехов своих. Но исповедь осталась без последствий, потому что хотя черт грехи сосчитал, покаяться в них он отказался.

К другим таинствам черт терпимее: они меньше уязвляют его самолюбие. В одном шведском процессе 1669 года выяснилось странное обстоятельство: на шабаше местных ведьм дьявол приглашал священника и приказывал себя крестить.

Демон, подавленный сознанием своего несчастья, а еще более ужасом пред самим собою, рыдающий о грехе совершенном, о рае, навсегда потерянном, но чувствующий, что он не способен ни просить, ни получить прощения, — Сатана Мильтона. Кому не известен знаменитый монолог его ужасного отчаяния:

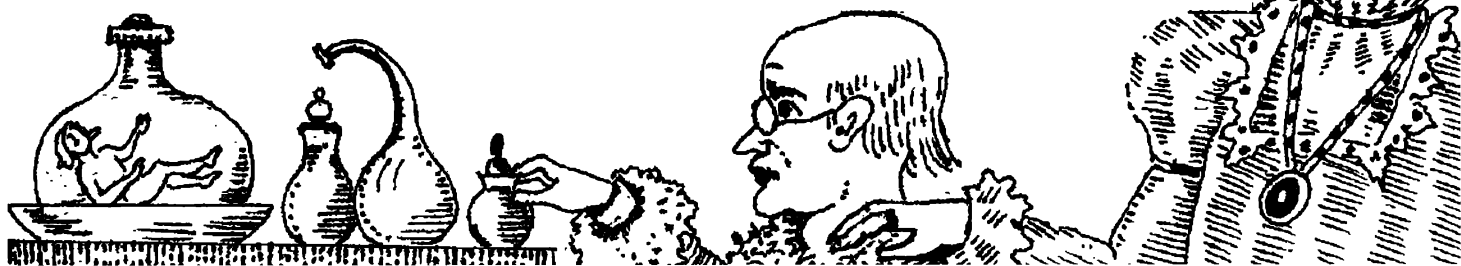
Итак — прощай, надежда; страхи все
И совести терзанья вместе с ней,
Прощайте. Безвозвратно для меня
Все доброе погибло. Зло, лишь ты
Моим отныне вечно благом будь.
Благодаря тебе, с царем небес
Я властвую над миром наравне,
И больше чем полмира, может быть,
Покорным станет власти Сатаны,
О чем узнает вскоре человек
И этот новый во вселенной мир.

(Перевод К.А. Лигского)

Не менее упрямым и свирепым являет себя Адрамелех в «Мессиаде» Клопштока. Но обоих затмевает гордый и неукротимый Люцифер Байрона, когда отвечает Каину, который напомнил ему о Боге, владыке Вселенной:

Клянуся небом, где
Лишь он царит! Клянуся бездной, сонмом
Миров и жизней, нам подвластных, — нет!
Он победитель мой — но не владыка,
Весь мир пред ним трепещет, — но не я:
Я с ним в борьбе, как был в борьбе и прежде,
На небесах. И не устану вечно
Бороться с ним, и на весах борьбы
За миром мир, светило за светилом,
Вселенная за новою вселенной
Должна дрожать, пока не прекратится

Великая нещадная борьба,
 Доколе не погибнет Адонаи
 Иль враг его! Но разве это будет?
 Как угасить бессмертие и нашу
 Неугасимую взаимную вражду?
 Он победил, и тот, кто побежден им,
 Тот назван злом; но благ ли победивший?
 Когда бы мне досталась победа,
 Злом был бы он ³⁴⁴.

Контрастом этим грозным и свирепым дьяволам являются довольно многочисленные в поэзии дьяволы-покаянники, возвращенные в рай, так сказать, на вторичную службу. Таковы Аббадона Клопштока, оплакавший смерть Иисуса на Голгофе, обращенный и искупленный Сатана в «Консуэло» Жорж Санд, «Спасенный Сатана» Альфреда де Виньи... Осталась недоконченной поэма Виктора Гюго «Конец Сатаны», имевшая сюжетом примирение Сатаны с Богом.

Глава тринадцатая

Смерть дьявола

Обращению и искуплению дьявола есть помеха, которой не предвидели богословы; дьявол умер, не выждав конца мира. Умер или умирает.

Что дьяволы смертны, утверждали еще раввины. О том, что черт может заболеть, оказаться при смерти, потом поправиться, известно из многочисленных показаний обвиняемых по ведьмовским процессам. В народных сказках, еще сохранившихся там и сям в Европе, умирающий черт — обычное действующее лицо. Достаточно напомнить о мантуанской сказке про юношу-оборотня, который, спасаясь от черта, принимает разные образы, пока не удастся ему принять вид хорька в то время, как черт замешкался в виде курицы, и, понятно, хорек задушил курицу. Вот почему, заключает сказка, и нет больше черта... Странно и многозначительно подобное утверждение в устах народа.

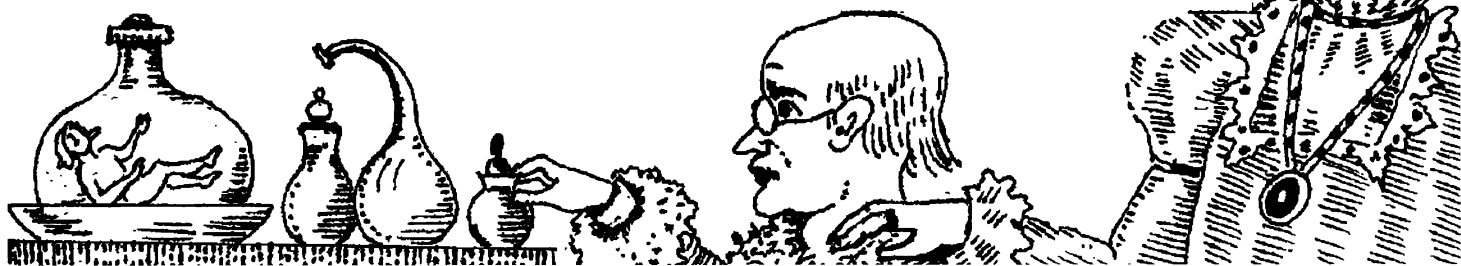
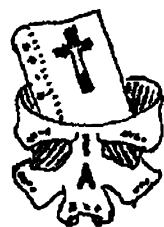
Дьявол родился из известных причин, жил и расцветал в известных условиях, приспособлялся к их медленному, но неизбежному изменению. Как всякий живой организм, он прошел все степени жизненной эволюции и умирает потому, что эволюция завершена. Функция организма закончена. Идея, которая давала ему жизнь, не в состоянии победить на обширной арене житейской конкуренции других более могучих и юных идей.

Чтобы заметить симптомы умирания черта, достаточно оглянуться вокруг себя. Он перестал быть прежним страшилищем, кознодеем и злобным чудотворцем. Куда девались чудовищные полчища, с которыми он, бывало, в ночную пору проходил равнинами или лесами либо мчался по воздуху? Где черные кони, на которых он похищал злодеев? Где пожары, бури, моровые язвы, обязанные ему своим происхождением? Сама Церковь, хотя и не может допустить, чтоб дьявол умер, вынуждена признать, что он стал гораздо смиреннее и отказался от многих прежних своих проделок.

Помысел о бесе и страх пред бесом постепенно гасли в умах не только образованного общества, но и черни, не только в городах, где эволюция идей свершается быстрее, но и в деревнях, последних приютах древних верований и пережитков. Теперь имя черта часто упоминается в обыденной речи, как побранка, присловье, ради поговорки, но за словом уже нет ни образа, ни духа. Магические обряды существуют кое-где в народе, но черт уже не принимает в них участия; а пресловутых шабашей — бесовских игр и сборищ — давно уже и след простыл. Разве сумасшедшему придет сейчас в голову вызывать черта для договора с ним о продаже души своей в обмен на богатства и почести.

В России один из последних случаев такого рода приключился в 1843 году. В местечке Белице рядовой местной конно-этапной команды Федоров, не стерпев жестоких побоев, бежал было, но в бегах сробел и сам явился с повинною в город Гродно. «При обыске Федорова караульным офицером найдена у него за обшлагом шинели написанная им от своего имени кровью записка следующего содержания:

“Рукописание сие дано в том, что я отрекся уже от матери, отца и родственников всех своих, от белого света и всего, что

есть на оном, и матушки сырой земли, от Бога и лица Его, теперь проклиная Его; а я предался нечистым духам, то есть дьяволам, за деньги и их услуги, сроком на тридцать лет, в чем и подписуюсь своею кровью мизинца левой своей руки, апреля 22 дня 1843 года Иван Федоров руку приложил, не Богу, а черту”.

На допросах при следствии и в суде подсудимый Федоров, под священническим увещанием, объяснил, что слышал от разных неизвестных людей, что если кто пожелает предаться нечистым духам и даст им написанное своею кровью из мизинного левой руки пальца рукописание, то будет иметь все, что только пожелает». Дорого обошлась злополучному Федорову его попытка войти в знакомство с нечистой силой. «Генерал-аудиториат признал, что написанная подсудимым Федоровым записка о предании себя нечистым духам заключает в себе богохуление и покушение к отступлению от православной веры; но как это учинено им единственно по легкомыслию и грубому невежеству, то, применяясь к 145 и 146 ст. 5 ч. свод. воен. постан., определил: Федорова, как за сие преступление, так и за самовольную от команды отлучку, наказать шпицрутенами, прогнав чрез пятьсот человек один раз, и отослать к духовному начальству для поступления с ним по церковным правилам, а потом обратить на службу во фронт, по распоряжению инспекторского департамента военного министерства». Любопытно заключение об этом деле Любавского³⁴⁵, опубликовавшего процесс: «Грамотность сгубила Федорова; не знай он грамоты, Федоров не мог бы написать своею кровью записку, которая судом признана была содержащею в себе богохуление». Сама Церковь, которая во время оно карала подобные грехи кострами, теперь молчит о них и старается забвением замять прошлое. Более того, она избегает много говорить и о самом черте, хотя еще сравнительно недавно пыталась держать память человеческую под гипнозом его имени, образа, могущества и ухищрений. Сравните современную проповедь с проповедью 300 лет тому назад. В последней чуть не через слово — дьявол и геенна огненная. В нынешней мельком скользнет его имя. Сравните современную архитектуру церковную и средневековую. В церкви Средних веков черт столько же необходимая фигура, как святые,

да и больше многих святых в живописи, скульптуре, в резьбе, глядит он с фресок, капителей, орнаментов, скамей, цветных окон, барельефов. В церкви современной изображение дьявола — величайшая редкость.

Никто уже, путешествуя мрачными лесами, пустынными горами, бездонными озерами или пучинами морскими, не боится вдруг попасть в предательские и убийственные лапы чертей. Если теперь безвестно пропадает закоснелый грешник, никто не предположит, что черт уволок его за волосы в ад, но полиция открывает следствие, печатаются вызовы, премии и объявления в твердой уверенности, что пропавший должен найтись живым или мертвым не на том, а на этом свете. Администрация не верит больше в людей, задушенных дьяволом в постели; женщины не боятся, что черт навяжется им в любовники и сделает их матерями, либо выкрадет их ребенка, либо напросится в кумовья, чтобы потом потребовать к себе крестника. Больные не воображают себя заколдованными и идут лечиться не к заклинателю, а к врачу. Умиравший не видит больше у одра своего черных бесов, которые, щелкая острыми зубами, таращат глаза и тянут когтистые лапы в готовности схватить грешную душу. Наилучшее доказательство, насколько пала боязнь дьявола, — совершенное уменьшение так называемой демонопатии. Психоз этот стал клинической редкостью, тогда как три века тому назад в бесноватость переходило почти каждое нервное заболевание, и в особенности истерия.

Было бы ошибочно думать, что черт погибает под рукою торжествующей цивилизации только потому, что она сознает в нем врага. Нет, он просто жертва своей ненужности, жертва сознания, что он отслужил свою службу и обречен ею на отставку, как обрекаются на слом леса, когда выстроено при помощи их здание. Наша цивилизация изгоняет из себя черта по тому же закону, по которому изгоняет она рабство, привилегии, религиозный фанатизм, божественное право и еще многое другое, с чем она борется в настоящем и что предстоит ей одолеть в будущем. Бес был главою и неотделимою частью цельного порядка вещей и идей, сложного и могущественного режима, определявшего собою церковную цивилизацию Средних веков. Борьба жизни со всем режимом отозвалась

и на черте, как на части режима, последовательно сокращая его права, покуда совсем его всяких прав не лишила. Полу-дикая нравственность, требовавшая грубой религии, изобрела в невежестве своем то пугало отрицательной совести, которое выразилось средневековым чертом. При всех злоупотреблениях католицизма идеей дьявола, которого западная Церковь вырастила в гиганта-антибога, почти что воскресив древнего Аримана, дуалистически исказив тем идею царства Божия и религией ужаса почти отменив простую, строгую, чистую доктрину Евангелий, — при всех темных последствиях католического демонизма, нельзя взваливать грех его только на произвол Церкви в лице пап, инквизиторов, монахов и профессоров на теологических кафедрах. Черт — продукт истории и в качестве такового был непобедимо жизнеспособен, покуда длились условия, вызвавшие его к жизни. Церковь, если бы даже хотела, то все-таки не смогла бы задавить и уничтожить его, так как он непрерывно возрождался в совести полудикой эпохи, которая, собственно говоря, не имела общей религии, ибо, кроме внешнего христианства, каждый еще носил в душе свое личное, наследственное или местное суеверие и только истинно его стеснялся и боялся. Вообразить себе Средние века с единою общею религией положительной идеи и без беса так же трудно, как вообразить религию низших ступеней цивилизации без идолов, оракулов и кровавых жертвоприношений. Правда, средневековый бес утвержден догматом более раннего происхождения. Но это не корень его, не рождение, но историческая встреча и усыновление, пришедшиеся так вовремя и кстати, что старинный догмат расцвел всею полностью существа своего и всем разнообразием своих возможностей. Его требовал весь характер эпохи: вся сложность ее мысли, институтов и нравов. Черт был необходим. Это так верно, что Реформация не подняла на него руки своей и приняла его таким же, как создал его католицизм.

Но этика имеет также свою эволюцию, и в более культурный век развитое чувство общественности и более зрелая нравственность порождают силу положительной совести, которая очищает религию от элемента страха, от власти совести отрицательной. И вот — час дьявола пробил. Дух отрицания сам, в свою очередь, становится добычею отрицания. Оду-

хотворение религии, устремляя мысль человеческую к идеалу надежды и любви, блаженства и мира, отрекается от грозного дуализма. «Сколько знал я и знаю христиан, — восклицает Артуро Граф, — из числа самых искренних и верующих, которые не хотели и слышать о дьяволе, решительно отвергая, чтобы Бог милосердия и любви мог присудить свою бедную тварь к вечному аду, к безысходному отчаянию, к наказанию страшному, но бесполезному — именно потому, что оно вечно... Общество в этой духовной революции, восстановившей фактическое единство благого Бога, далеко опередило церковный догмат и его служителей, застылых на давно пройденном и мохом поросшем пороге Средних веков».

Рост общественности есть рост нравственности; рост нравственности есть понижение страха вечной угрозы и повышение внутренней самоответственности. Вот почему из современных законодательств исчезает смертная казнь и многие жестокие кары, обыкновенные в прежнее время. И потому же исчезает и вера в дьявола-мучителя и в ад, полный осужденными грешниками, которым нет надежды на прощение. В Средние века судья за самую ничтожную вину угрожает смертью, а духовник адом, и оба имеют к тому основание, так как всякий другой довод был неубедителен в обществе буйном, грубом, невежественном и ничего не боявшемся, кроме смерти и загробной расплаты, воображаемой с чисто языческим материализмом. Повышение этического сознания параллельно погашает надобность и в смертной казни, и в бесе. Царство страха сменяется царством разума. Правления деспотические сменяются правлениями либеральными. Великому этическому деспоту, бесу, нечего делать в их условиях, и он исчезает, как король старого режима, бежавший от восставшего народа в бесповоротное и бесславное изгнание.

Кроме религиозно-этической эволюции, вернее сказать, как великая и самая деятельная часть ее сложного состава, выдвигается против беса наука. «Демонизм» и «наука» — два слова, выражающие две противоположности, два взаимоотрицания, два враждебных мировоззрения и мироотношения. На заре цивилизации дикарь не в состоянии уяснить себе множества явлений природы иначе, как предположив за каждым волю и разум, подобные своим, и чрез то населяя мир добрыми

и злыми существами, высшими, чем природа. Но в то же время положительный опыт труда кладет начало наблюдению повторности явлений, которое замечает, что силы природы — не волевые, а дисциплинированные, в порядке известных причин и следствий, постоянными законами. Возникает наука, и анализ ее мало-помалу сперва освобождает человека от демонического мировоззрения, а потом совершенно разрушает все здание демонизма. Водворяя на место царства произвола царство закона и необходимости, наука логически перегоняла черта с позиции на позицию, покуда не вытеснила его со всех постов и не оставила ему ни одного опорного пункта ни на земле, ни на небе. Более того, психология показала нам, как и почему родился черт, из каких элементов духа нашего он сформировался, и мы, отрицающие черта, знаем его и о нем гораздо больше, чем те века, которые в него верили. Генрих Гейне в одном своем сонете говорит, как однажды он, вызвав черта, узнал в нем одного своего знакомого. Еще вернее было бы сказать, что, приглядевшись к черту, мы обыкновенно узнаем самих себя.

Удивительное круговращение судеб в подлунном мире! Умирает и исчезает благодаря науке тот самый черт, которого еще так недавно считали ее отцом и подстрекателем. *Satis scis, si Cristum scis* — довольно тебе науки, что ты Христа знаешь. С высоты этого положения средневековая наука аскетов и попов подозрительно рассматривала всякое естественное знание, а натуралистов обвиняла в союзах и договорах с дьяволом, старым лгуном. Триумфы науки и рост новой цивилизации оплакивались и проклипались как триумф и рост дьявольской силы.

Цивилизация не забыла в победе своей этой заслуги беса и отблагодарила его устами своих поэтов, превративших дьявола в светлый и могущественный символ бесстрашного и неутомимого знания. «Дух отрицанья, дух сомненья» рушит догматы и искореняет предрассудки, бунтует мысль и страсть, поражает все виды духовной тирании и утверждает свободу, под широкими крыльями которой нарождается жизнь нового человечества. Вольтер называл своих друзей и единомышленников, в том числе Д'Аламбера и Дидро, «братьями во Вельзевуле» (*frères en Belzebouth*), против чего католические

попы решительно ничего не возражали. Мишле³⁴⁶ посвятил этому символическому Сатане свою «Ведьму» (Le Sorcière), Кардуччи³⁴⁷ прославил его в знаменитом своем могущественном гимне:

Будь славен, Сатана,
 Восстанья сила,
 Величье разума
 И мщенье мысли.
 Тебе — моления
 И дым каильный:
 Поповский Егова
 Тобой низринут.

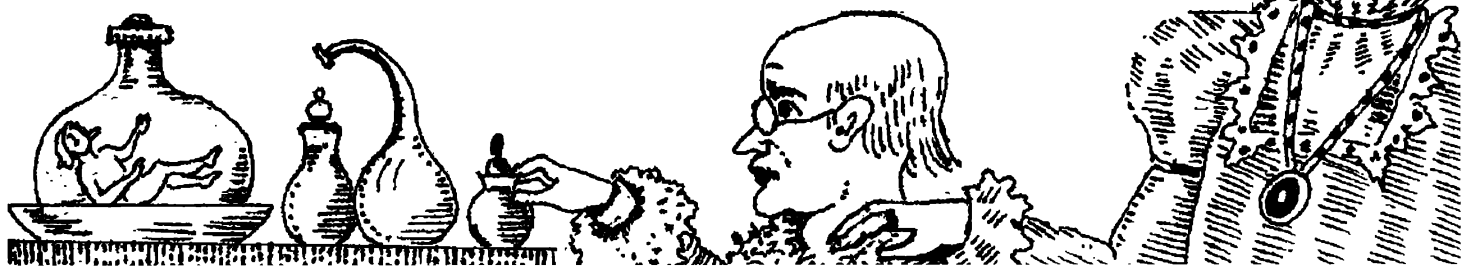
Другой поэт, Бодлер, призвал Сатану на помощь тоске своей звуками божественной молитвы:

О ты, всех Ангелов мудрейший, славный гений,
 О Бог развенчанный, лишенный песнопений!
 Мои томления помилуй, Сатана!
 Владыка изгнанный, безвинно осужденный,
 Чтоб с силой новой воспрянуть, побежденный!
 Мои томления помилуй, Сатана!
 Усыновитель всех, кто, злобою сгорая,
 Изгнали прочь отца из их земного рая!
 Мои томления помилуй, Сатана!³⁴⁸

Побежденный обращается в победителя, возвращается на небо, откуда был изгнан, и уничтожает своего вечного врага. Марио Раписарди³⁴⁹ описал эту конечную победу Люцифера удивительными стихами...

Поэтические символы и мифы неосатанического культа не могли не вызвать обратного поэтического движения. В «Армандо» Прати³⁵⁰ Сатана (Мастрагабит) умирает от истощения сил. В небольшой поэме Максима Дюкана³⁵¹ (Maxime Du Camp) «Смерть Дьявола» Сатана просит у Бога смерти, как милости, и погибает под пятою Евы, когда-то им обманутой, причем последняя совершает акт не мщения, а милосердия. В развеселой песенке Беранже дьявол умирает, отравленный св. Игнатием Лойолою, основателем ордена иезуитов. Мона-

хи и попы на сем свете от известия о смерти дьявола пришли было в великое отчаяние: кому мы теперь нужны с нашими мессами и молитвами?

Все кардиналы возрыдали:
Прощай, богатство, власть, комфорт.
Отца, отца мы потеряли!
Ах, умер черт! ах, умер черт!

Но Игнатий Лойола поправил дело, попросившись на место покойного и, в качестве наследника, устроив ад лучше прежнего. Нельзя не сознаться, что эта злая поэмка куда остроумнее русского «Воскрешения Ада», написанного приблизительно на ту же тему Л. И. Толстым с какою-то совсем не толстовскою грубостью и аляповатостью. Это едва ли не самая неудачная из всех толстовских сказок.

Черт не только умер, но в Германии Вильгельм Гауф, во Франции Фредерик Сулье издали «Замогильные записки Черта»...³⁵² *Requiescat in pace!*³⁵³

Так, в торжестве цивилизации, ведомой наукою, оправдилось слово древнего Вергилия:

Счастлив тот, кто причину явлений познал, — тем поверг он
Ужас себе под пята и напрасные рока угрозы,
И уж ничто ему жадного шум Ахерона...

Подобно тому как романтически настроенные круги общества неохотно верят смерти некоторых исторических лиц, что не раз вызывало подлоги и самозванства, так немало еще людей в современном мире, которым очень не хочется поверить в смерть такой важной исторической особы, как дьявол, и за неимением других проявлений эти добрые люди пытаются открыть его деятельность в явлениях животного магнетизма и мошенничествах спиритизма. Католическая церковь, словно нарочно для того, чтобы оправдать смешные стихи Беранже, особенно старается о поддержании жизни нечистого. В конце прошлого столетия³⁵⁴ сам папа Лев XIII³⁵⁵ публиковал нечто вроде пылкой молитвы к архангелу Михаилу, чтобы он снова взялся за страшный меч свой и, бросив военный клич на все

четыре стороны ввысь и вниз от Млечного Пути, еще раз вышел бы в поле помериться со старым врагом, которого он не доконал в первый раз, и тот теперь опять, дескать, мутит умы, и пора выбить у него дурь из головы. Итальянские газеты недели две издевались над папским воплем. Кардуччи спросил:

— Уверен ли святой отец, что старый архангел еще жив и в силах?

Артуро Граф отвечал:

— Святейший отец! Я не знаю, какой ответ на ваше приглашение последовал свыше, но — к чему тревожить покой доблестного небесного воина? Дело, начатое Христом восемнадцать веков назад, закончила цивилизация. Она победила ад и навсегда искупила нас от дьявола.

Именно этими выразительными словами туринский профессор и закончил свою знаменитую книгу «О дьяволе», положенную мною в основу этого сочинения.

Примечания

- ¹ Артуро Граф (1848—1913) — итальянский поэт, историк литературы.
- ² Порфирий (232/233—304/306) — философ-неоплатоник, теоретик музыки, астролог, математик, педагог.
- ³ Езиды — субэтнос курдов; религия езидов представляет собой сложную смесь парсизма с исламом.
- ⁴ Феодор Мопсуестийский (350—428) — епископ Мопсуетийский, раннехристианский теолог и святой несторианской церкви.
- ⁵ Франц Валери Мари Кюмон (1868—1947) — бельгийский археолог, антиковед, специалист по восточным религиям.
- ⁶ Доверенное лицо, исполняющее разнообразные поручения (устар.).
- ⁷ «Поэма Пентаура» — древнеегипетское сочинение неизвестного автора, описывающее битву в начале XIII века до н. э. между египтянами и хеттами. Сохранилась в копии, сделанной придворным писцом Пентауром.
- ⁸ Эдвард Бёрнетт Тайлор (Тейлор; 1832—1917) — английский этнолог, культуролог, исследователь религиозных обрядов и церемоний.
- ⁹ Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (155/165—220/240) — раннехристианский писатель и теолог, один из первых выразил концепцию Троицы.
- ¹⁰ Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 215) — проповедник Священного Писания среди эллинистических книжников, основоположник Александрийской богословской школы.
- ¹¹ Ориген (ок. 185 — ок. 254) — греческий христианский теолог, философ, основатель библейской филологии.
- ¹² Августин Блаженный (354—430) — христианский богослов, философ, епископ Гиппонский, один из Отцов Церкви.

- ¹³ «Роман о Розе» («*Роман Розы*») — французская аллегорическая поэма XIII века, одно из наиболее популярных в свое время сочинений средневековой литературы. Состоит из двух самостоятельных частей, написанных разными авторами в разное время и различных по духу.
- ¹⁴ Алан Лилльский (1120—1202) — французский теолог, писатель и поэт.
- ¹⁵ Тангейзер — немецкий поэт-миннезингер XIII века, ставший персонажем народных легенд и сказаний. Герой стихотворения Г. Гейне и оперы Р. Вагнера «Тангейзер и состязание певцов в Варбурге».
- ¹⁶ Брендан (Брандан) Клонфертский «Морепоплаватель» (ок. 484 — ок. 578) — ирландский полумифический монах, персонаж старинных ирландских песен и легенд, рассказывающих о семилетнем путешествии, совершенном им и его спутниками по океану в сопровождении ангела.
- ¹⁷ Вольфрам фон Эшенбах (ок. 1170—1220) — немецкий поэт-миннезингер, автор стихотворного рыцарского романа «Парсифаль», входящего в цикл романов о короле Артуре.
- ¹⁸ Димитрий Ростовский (1651—1709) — митрополит Ростовский и Ярославский, проповедник, духовный писатель.
- ¹⁹ Рассказ о Бэле и Драконе включен в Септуагинту (собрание переводов Ветхого Завета на древнегреческий язык, выполненных в III—I веках до н. э.) в качестве дополнения к Книге пророка Даниила (гл. XIV). Бэл (Вил, Ваал) — идол, которому жертвовали в огромных количествах пищу и воду.
- ²⁰ Татиан (Тациан Ассириец; 112—185) — христианский писатель-апологет, соединивший четыре Евангелия в единое повествование, или Диатессарон, которое оставалось в ходу в сирийской церкви на протяжении нескольких столетий и повлияло на становление канонического текста Нового Завета.
- ²¹ Исидор Севильский (Исидор Младший; между 560-е — 636) — архиепископ Севильи, церковный писатель и богослов, один из Отцов Церкви.
- ²² Василий Великий (Василий Кесарийский; ок. 330—379) — архиепископ Кесарии Каппадокийской, церковный писатель и богослов, один из Отцов Церкви. Ему приписывается изобретение иконостаса.
- ²³ Афинагор Афинский (ок. 133 — ок. 190) — христианский писатель-апологет, философ.
- ²⁴ Минуций Феликс (ум. ок. 210) — христианский писатель-апологет, римский адвокат.

- ²⁵ Юлий Фирмик Матерн (IV в.) — латинский христианский писатель и астролог.
- ²⁶ Иоанн Златоуст (Иоанн Хризостом; ок. 347—407) — архиепископ Константинопольский, богослов.
- ²⁷ Александр Николаевич Афанасьев (1826—1871) — русский собиратель фольклора, историк и литературовед.
- ²⁸ В издании «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» (1984—1985) сказка дается под названием «Упырь».
- ²⁹ Новелла «Легенда о горе Святого Михаила» (1882).
- ³⁰ Григорий I Великий (в православной традиции Григорий Двоеслов; ок. 540—604) — папа римский (590—604). Один из Отцов Церкви.
- ³¹ Фома Аквинский (Фома Аквинат; ок. 1225—1274) — итальянский философ и теолог, католический святой.
- ³² Николай Иванович Костомаров (1817—1885) — русский историк, публицист и общественный деятель, член-корреспондент Санкт-Петербургской АН. Автор многотомного издания «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей».
- ³³ «Сказка для детей» (1839).
- ³⁴ Спинелло Аретино (после 1346—1410) — итальянский художник. Историю о Люцифере, который явился во сне Спинелло, рассказывает также в своих «Жизнеописаниях» Джорджо Вазари.
- ³⁵ Александр Бриер де Буамон (1797—1881) — французский врач, автор ряда трудов, в том числе «О галлюцинациях» (1945).
- ³⁶ Антоний Великий (251—356) — раннехристианский подвижник и пустынный, основатель отшельнического монашества.
- ³⁷ Персонаж стихотворения Н. А. Некрасова «Влас» (1855).
- ³⁸ Сочинение ирландского бенедиктинца Маркуса (ок. 1149).
- ³⁹ В древнегреческой мифологии сторукий пятидесятиголовый великан.
- ⁴⁰ Бригитта Шведская (Биргитта; 1303—1373) — католическая святая, основательница ордена бригиттинок.
- ⁴¹ Цезарий Гейстербахский (ок. 1180 — ок. 1240) — цистерцианец, приор монастыря в Гейстербахе, богослов, писатель.
- ⁴² Алексей Константинович Толстой (1817—1875) — русский писатель, поэт и драматург, переводчик, сатирик. Член-корреспондент Санкт-Петербургской АН.
- ⁴³ Амфитеатров приводит отрывки из «Божественной комедии» Данте на языке оригинала. В настоящем издании используется перевод М. Л. Лозинского.
- ⁴⁴ Фурсей (ум. 650) — бенедиктинец, миссионер.

- ⁴⁵ Гутлак Кроуландский (667 или 673—714) — монах, один из первых святых, вышедших из среды англосаксов.
- ⁴⁶ Бригитта Ирландская (451 или 453—523) — католическая и православная святая, покровительница Ирландии.
- ⁴⁷ Глеб Иванович Успенский (1843—1902) — русский писатель, был близок к народническому движению.
- ⁴⁸ Имеется в виду «Aliscans» («Алисканс») — поэма из цикла о Гильоме Оранжском (XII век).
- ⁴⁹ Фридрих Готлиб Клопшток (1724—1803) — немецкий поэт.
- ⁵⁰ Торквато Тассо (1544—1595) — итальянский поэт XVI века, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим».
- ⁵¹ Альфред Виктор де Виньи (1797—1863) — французский поэт-романтик. Амфитеатров имеет в виду его поэму «Элоа, или Сестра ангелов» (1823), в которой Элоа слышит рассказы ангелов об удивительной красоте дьявола и решает «спасти» его своей любовью.
- ⁵² Отрывок из стихотворения А. Н. Майкова «Ангел и Демон» (1841).
- ⁵³ Марк Матвеевич Антокольский (1843—1902) — русский скульптор, академик Академии художеств.
- ⁵⁴ Эрнст фон Поссарт (1841—1921) — немецкий актер и режиссер.
- ⁵⁵ Амфитеатров приводит отрывки из «Фауста» Гёте на языке оригинала. В настоящем издании используется перевод Н. А. Холодковского.
- ⁵⁶ Мартин Турский (316—397) — епископ Тура, основатель монастырской жизни в Галлии, один из самых почитаемых во Франции святых.
- ⁵⁷ Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865—1941) — русский писатель, поэт, переводчик, историк. Амфитеатров имеет в виду его роман «Воскресшие боги» (1896).
- ⁵⁸ Райнальд (ум. 1217) — бенедиктинец, епископ Ночерский.
- ⁵⁹ Софроний Евсевий Иероним (Иероним Стридонский; 342—419 или 420) — церковный писатель, аскет, создатель Вульгаты — канонического латинского текста Библии.
- ⁶⁰ Герардеска Пизанская (ум. 1269) — жертвовательница на приюты из старинного тосканского рода, владевшего синьориями в окрестностях Пизы.
- ⁶¹ В издании «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» (1984—1985) сказка дается под названием «Вдова и бес».
- ⁶² Речь идет об одной из двух Кунигунд — о св. Кунигунде Люксембургской (980—1033 или 1039), императрице, супруге Генриха II Святого, основательнице бенедиктинского монастыря Кауфунген, или о св. Кунигунде Венгерской (1224—1292), супруге поль-

ского князя Болеслава V Стыдливового, оставшейся, с согласия мужа, в браке девицей.

- ⁶³ Фома Кантипратийский (1201—1270) — монах, писатель.
- ⁶⁴ Иоанн Дамаскин (ок. 675 — ок. 753 или 780) — христианский богослов, философ, один из Отцов Церкви.
- ⁶⁵ Аполлон Николаевич Майков (1821—1897) — русский поэт, член-корреспондент Санкт-Петербургской АН.
- ⁶⁶ Колетта (1381—1447) — католическая святая.
- ⁶⁷ Эгидий Ассизский (ум. 1262) — францисканец, сподвижник св. Франциска Ассизского.
- ⁶⁸ Ведаст (453—540) — первый епископ Арраса и Камбре, католический святой.
- ⁶⁹ «Сказание, како сотвори Бог Адама».
- ⁷⁰ Цитируется по работе А.Н. Афанасьева «Нечистая и смертная сила в верованиях наших предков».
- ⁷¹ Сильвестр II (Герберт Орильякский (Аврилакский); ок. 946—1003) — ученый и церковный деятель, папа римский (999—1003). Популяризировал арабские научные достижения, возродил использование абака, армиллярной сферы и астрологии, забытые в Европе после падения Римской империи. Ему приписывали изучение магии и общение с дьяволом.
- ⁷² Агриппа Неттесгеймский (1486—1535) — немецкий врач, алхимик, оккультист, астролог.
- ⁷³ Петр Капуанский (ум. 1214) — кардинал, папский легат во время Четвертого крестового похода, богослов.
- ⁷⁴ Бенедикт Нурсийский (ок. 480—547) — основатель первого в Европе монастырского ордена.
- ⁷⁵ «Неблагодарный сын».
- ⁷⁶ Патрик (Патрикий; V в.) — христианский святой, покровитель Ирландии.
- ⁷⁷ Готфрид (ум. 1115) — епископ Амьенский.
- ⁷⁸ Берnard Клервоский (1091—1153) — французский богослов, мистик, цистерцианец, аббат монастыря Клерво (с 1117). Имел столь высокий авторитет в церковных и светских кругах, что диктовал свою волю папам и французскому королю Людовику VII Молодому.
- ⁷⁹ Синистрари д'Амено Луиджи Мариа (1622—1701) — францисканец, автор многочисленных трудов.
- ⁸⁰ Иларий (476—558) — отшельник, основатель монастыря в Галлеате.
- ⁸¹ Антоний Печерский (983—1073) — основатель Киево-Печерской лавры, святой Русской православной церкви.

- ⁸² Зигмунд (Зыгмунт, Сигизмунд) Красинский (1812—1859) — польский поэт и драматург.
- ⁸³ Гильберт Семпрингхемский (между 1083 и 1093—1189) — бенедиктинец, основатель ордена гильбертинцев.
- ⁸⁴ Одран (ум. 452) — ирландский святой, первый ирландский христианский мученик.
- ⁸⁵ В зависимости от системы наименования чисел биллион — это миллиард или триллион. В данном случае, надо полагать, разница между числами не так уж и важна.
- ⁸⁶ Петр Достопочтенный (ок. 1094—1156) — богослов, аббат Ключнийского монастыря, который при нем стал вторым по значению после Рима центром христианской культуры. Под его руководством был осуществлен первый перевод Корана на латынь.
- ⁸⁷ Гонорий Отенский (Августодунский; ок. 1080 — ок. 1156) — монах, богослов, философ, историк, писатель.
- ⁸⁸ Луций Цецилий Фирмиан Лактанций (ок. 250 — ок. 325) — христианский писатель-апологет, философ, воспитатель императора Флавия Юлия Криспа. От гуманистов эпохи Возрождения получил почетное звание «христианского Цицерона».
- ⁸⁹ Бонавентура (ок. 1218—1274) — богослов, генерал францисканского ордена, кардинал, католический святой.
- ⁹⁰ Гвидо да Монтефельтро (1223—1298) — синьор Монтефельтро, кондотьер, имел славу хитрого и коварного политика. Данте поместил Гвидо да Монтефельтро в восьмой ров восьмого круга ада вместе с лукавыми советчиками.
- ⁹¹ Бонифаций VIII (ок. 1235—1303) — папа римский (1294—1303).
- ⁹² Жан Боден (1529 или 1530—1596) — французский политик, философ, экономист.
- ⁹³ В философии Аристотеля — внутренняя сила, потенциально заключающая в себе цель и окончательный результат.
- ⁹⁴ Якопо Пассаванти (1302—1357) — доминиканец, богослов.
- ⁹⁵ Фра Филиппо Сиенский (1339—1422) — августинец, писатель.
- ⁹⁶ Буонконте да Монтефельтро — сын Гвидо да Монтефельтро.
- ⁹⁷ В основе сюжета оперы «Волшебный стрелок» Карла Марна фон Вебера (1786—1826) легенда о юноше, заключившем договор с дьяволом. Заколдованные пули, полученные от «черного охотника» Самизеля, принесли юноше победу в стрелковом состязании, но последняя пуля смертельно ранила его невесту.
- ⁹⁸ Имеется в виду Вал Адрина — укрепление длиной 117 километров, построенное римлянами при императоре Адриане в 122—128 годах, для предотвращения набегов пиктов и бригантов с севера.

- ⁹⁹ Арсений Коневский (Коневецкий; ум. 1447) — православный монах из Новгорода, основатель Коневского монастыря, почитается как покровитель моряков.
- ¹⁰⁰ Отрывок из «Баллады, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди» английского поэта Р. Саути (1774—1843) в переводе В.А. Жуковского.
- ¹⁰¹ Иринеи Лионский (ок. 130—202) — богослов, писатель-апологет, епископ Лионский, один из Отцов Церкви.
- ¹⁰² Павел Иванович Мельников-Печерский (1818 или 1819—1883) — русский писатель, публицист, этнограф.
- ¹⁰³ Здесь и далее цитируется книга С.А. Терновского (1848—1916; историк, библиист) «Очерки по церковной географии и этнографии».
- ¹⁰⁴ Феодосий Печерский (ок. 1008—1074) — православный монах, один из основателей Киево-Печерской лавры, святой Русской православной церкви.
- ¹⁰⁵ Пахомий Великий (ок. 292 — ок. 346 или 348) — аскет, основатель общежитских монастырей в Египте.
- ¹⁰⁶ Иларион Великий (291—372) — аскет, отшельник, основатель монашества в Палестине.
- ¹⁰⁷ Пелагея Антиохийская (Елеонская, Палестинская; ум. 457) — святая, подвизавшаяся в мужском образе после принятия монашеского пострига.
- ¹⁰⁸ Джакомо Мейербер (наст. имя Якоб Либман Бер; 1791—1864) — немецкий и французский композитор. Наиболее известная опера — «Роберт-Дьявол» (1831).
- ¹⁰⁹ Руфин Аквилейский (ок. 345—410) — римский церковный писатель, богослов.
- ¹¹⁰ Франциска Римская (Франческа; 1384—1440) — монахиня, мистик, основательница конгрегации бенедиктинок-облаток, католическая святая.
- ¹¹¹ Феофан (в миру Елисей, по другим сведениям — Елеазар Прокорович; 1681—1736) — русский политический и духовный деятель, богослов, писатель, публицист, проповедник, сподвижник Петра I.
- ¹¹² Гвиберт (Губерт) Ножанский (1053, 1055 или 1064—1124) — бенедиктинец, аббат монастыря Св. Марии в Ножане, автор хроники Первого крестового похода 1096—1099 годов.
- ¹¹³ Имеется в виду «Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей» — старообрядческий трактат против самосожжения, принадлежащий Евфросину (ум. 1691).

- ¹¹⁴ Макарий Великий (Макарий Египетский; ок. 300—391) — отшельник, основатель монастыря в Нитрийской пустыне, христианский святой
- ¹¹⁵ Ари Шеффер (1795—1858) — французский художник. Амфитеатров имеет в виду его картину «Христос в пустыне, искушаемый дьяволом».
- ¹¹⁶ Имеется в виду картина И. Е. Репина «Иди за мною, Сатано» («Искушение Христа»).
- ¹¹⁷ Авраамий (Авраам) Сирийский (ок. 350 — между 422 и 444) — христианский подвижник, епископ города Карра.
- ¹¹⁸ Норберт Ксантенский (Норберт Лаонский; 1080—1134) — основатель ордена премонстрантов, католический святой.
- ¹¹⁹ Никита Затворник (Никита Печерский; ум. 1108) — епископ Новгородский.
- ¹²⁰ Михаил Владимирович Толстой (1812—1896) — русский историк церкви и специалист по агиографии.
- ¹²¹ Симеон Сиракузский (Тирский, Тревирский; ум. 1035) — византийский монах-затворник, католический святой.
- ¹²² «Почта духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами» — журнал, выпускавшийся И. А. Крыловым. Журнал представлял собой сборник сатирических новелл и публицистических фельетонов, объединенных единством композиции и наличием сквозных персонажей.
- ¹²³ Осип (Осип-Юлиан) Иванович Сенковский (1800—1858) — русский и польский востоковед, полиглот, писатель. Основатель первого русского массового «толстого журнала» «Библиотека для чтения», член-корреспондент Санкт-Петербургской АН.
- ¹²⁴ Луи Метерлинк (1846—1926) — бельгийский художник и искусствовед.
- ¹²⁵ Каков царь — такова и толпа (*лат.*).
- ¹²⁶ Имеется в виду повесть «Заколдованное место» из «Вечеров на хуторе близ Диканьки».
- ¹²⁷ Герой польских народных легенд, шляхтич, продавший душу дьяволу.
- ¹²⁸ Перевод А. М. Ревича.
- ¹²⁹ Моранд (Маранд) (ум. 1115) — бенедиктинец, как святой считается покровителем сборщиков винограда.
- ¹³⁰ Гудула (Гудила; 646 — между 680 и 714) — католическая святая, покровительница Брюсселя.
- ¹³¹ Дунстан (909—988) — архиепископ Кентерберийский, англиканский святой.

- ¹³² Маргарита Кортонская (1247—1297) — францисканка, рассказывавшая грешница, католическая святая, считается покровительницей бездомных, матерей-одиночек и пр.
- ¹³³ Юлиуш Словацкий (1809—1849) — поэт, драматург, один из основоположников польского романтизма.
- ¹³⁴ Перевод К.Д. Бальмонта.
- ¹³⁵ Ромуальд Равеннский (ок. 951—1027) — монах, основатель конгрегации камальдулов, католический святой.
- ¹³⁶ Гертруда Аостская (ум. 1358) — бегинка, мистик, стигматик.
- ¹³⁷ Кристина фон Штоммельн (1242—1312) — бегинка, стигматик.
- ¹³⁸ Симеон Столпник Младший (521—596) — отшельник, основатель монастыря на Дивной горе недалеко от Антиохии-на-Оронте.
- ¹³⁹ Эбергард Фриульский (Эврар; ок. 810—866) — маркграф и герцог Фриуля, основатель нескольких монастырей.
- ¹⁴⁰ Николай (Никлаус) из Флюэ (1417—1487) — отшельник, аскет и мистик, католический святой.
- ¹⁴¹ Роман Кондатский (ум. 463 или 464) и Лупициний (Лупикин) (ум. 480) — братья, основатели Кондатского монастыря.
- ¹⁴² Николай Толентинский (1245—1305) — августинец, католический святой.
- ¹⁴³ Иоанн Божий (наст. имя Жуан Сидаде Дуарте; 1495—1550) — основатель ордена госпиталитов (бонифратров), католический святой.
- ¹⁴⁴ Моисей Мурин (Моисей Эфиоплянин; 330—405) — христианский святой эфиопского происхождения. Моисею Мурину принято молиться об исцелении от запоев.
- ¹⁴⁵ Екатерина Вадстенская (Екатерина Шведская; 1331—1381) — бригиттинка, дочь св. Бригитты Шведской, католическая святая.
- ¹⁴⁶ Вильгельм Роскильдский (ум. 1067) — епископ, капеллан Кнуда Великого, английского (с 1016), датского (с 1019) и норвежского (с 1028) короля.
- ¹⁴⁷ Альферий (930—1050) — основатель аббатства Святой Троицы в Кава-де-Тиррени (Италия), католический святой.
- ¹⁴⁸ Антоний Падуанский (1195—1231) — францисканец, проповедник, католический святой.
- ¹⁴⁹ Доминик де Гусман Гарсес (1170—1221) — испанский монах, проповедник, основатель ордена доминиканцев.
- ¹⁵⁰ Людовик II Немецкий (ок. 804—876) — король Восточно-Франкского королевства (с 843), основатель германской ветви Каролингов.

- ¹⁵¹ Людовик I Благочестивый (778—840) — король франков и император Запада (с 814) из династии Каролингов.
- ¹⁵² Екатерина Сиенская (1347—1380) — монахиня в миру доминиканского ордена, итальянская религиозная деятельница и писательница позднего Средневековья.
- ¹⁵³ Жак Казот (1719—1792) — французский писатель, роялист. Погиб на эшафоте. Занятия мистикой послужили поводом для легенд вокруг имени Казота. Фантастическая новелла «Le diable amoureux» («Влюбленный дьявол») была написана в 1772 году.
- ¹⁵⁴ Беда Достопочтенный (Беда Преподобный; между 672—673—735) — бенедиктинец, католический святой.
- ¹⁵⁵ Александр VI (1431—1503) — папа римский с 1492 по 1503 год, меценат, любитель искусств. Отличался развратным образом жизни; ему приписываются кровосмесительные связи, отравления противников, вероломство и жестокость.
- ¹⁵⁶ Из стихотворения «Влас» А. Н. Некрасова.
- ¹⁵⁷ Хильдегарда Бингенская (1098—1179) — немецкая монахиня, аббатиса бенедиктинского монастыря Рупертсберг. Автор мистических книг, духовных стихов, песнопений, трудов по естествознанию и медицине.
- ¹⁵⁸ Цельз (ум. 1129) — архиепископ Армы в Северной Ирландии.
- ¹⁵⁹ Лев IX (1002—1054) — папа римский (с 1049), католический святой.
- ¹⁶⁰ Стефан Вонифатьев (в иночестве Савватий; ум. 1656) — протопоп московского Благовещенского собора, духовник царя Алексея Михайловича.
- ¹⁶¹ Феодорит Кирский (386 (393?) — 457) — епископ Кирский, писатель-апологет, богослов, автор «Истории Церкви» и др. произведений.
- ¹⁶² Луи Флорантен Кальмейль (1798—1895) — французский психиатр. Главный труд Кальмейля — двухтомное сочинение «О безумии с точки зрения патологии, философии, истории и права» («De la folie considérée sous le point de vue pathologique, philosophique, historique et judiciaire etc.»).
- ¹⁶³ Евстахия Падуанская (ум. 1469) — итальянская бенедиктинка.
- ¹⁶⁴ Джованни Перроне (1794—1876) — итальянский иезуит, богослов.
- ¹⁶⁵ Григорий Турский (538 или 539—593 или 594) — епископ Тура, франкский историк, автор «Истории франков» в 10 книгах.
- ¹⁶⁶ Гервасий (Гервазий) Тильбюриийский (Тильсберийский) (ок. 1150 — ок. 1222) — английский писатель, автор ряда сочинений.
- ¹⁶⁷ Кутберт Линдисфарнский (ок. 634—687) — англосаксонский монах, епископ Хексема и Линдисфарна, католический святой.

- ¹⁶⁸ Гильом (Вильгельм) Желонский (Гильом Оранский, Гильом Святой; ок. 750—812) — граф Тулузы (790—806) и маркиз Септимиании (801—806), позже бенедиктинец; популярный персонаж средневековой литературы.
- ¹⁶⁹ Сульпиций Север (363—410 или 429) — писатель, агиограф, христианский святой.
- ¹⁷⁰ Макарий Александрийский (Макарий Городской; ок. 295 — ок. 395) — монах, аскет, писатель, христианский святой.
- ¹⁷¹ В средневековой «адской» номенклатуре — демон-писец, пародирующий соответствующего ему ангела-писца и ведущий «книгу грехов».
- ¹⁷² Хильдеберт I (497—558) — король франков (с 511) из династии Меровингов.
- ¹⁷³ Готхольд Эфраим Лессинг (1729—1781) — немецкий поэт, драматург, теоретик искусства. Основоположник немецкой классической литературы.
- ¹⁷⁴ Дамаскин (в миру Дамиан Кононов; 1795—1881) — игумен Спасо-Преображенского монастыря на Валааме (с 1881).
- ¹⁷⁵ Алкуин (ок. 735—804) — аббат монастыря Св. Мартина, советник Карла Великого, богослов и поэт.
- ¹⁷⁶ Нифонт (IV в.) — епископ города Констанца на Кипре. В юности по наущению бесов вел распутную жизнь, но затем раскаялся, стал праведником-аскетом и получил особую способность видеть бесовские «козни».
- ¹⁷⁷ Франциск Ассизский (1181 или 1182—1226) — учредитель ордена францисканцев, католический святой.
- ¹⁷⁸ Сальвиан Марсельский (400—480) — христианский проповедник, писатель.
- ¹⁷⁹ Петр (Пьер) Берсюир (ок. 1290—1362) — аббат монастыря Сент-Элуа в Париже, писатель, переводчик Тита Ливия на французский язык.
- ¹⁸⁰ Михаил Пселл (1018 — ок. 1078 или позже) — византийский монах, ученый, математик, писатель, автор исторических и философских трудов.
- ¹⁸¹ Имеется в виду созданный в Византии в X—XI веках крупнейший энциклопедический словарь на греческом языке Суда (Свида, Суида). До XX века слово «Суда» считали именем автора словаря. Ныне преобладает мнение, что «Суда» возносится к греко-византийскому слову, обозначающему крепость.
- ¹⁸² Жан-Мартен Шарко (1825—1893) — французский врач-психиатр, специалист по неврологическим болезням, основатель нового учения о психогенной природе истерии.

- ¹⁸³ Шарль Робер Рише (1850—1935) — французский физиолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (1913).
- ¹⁸⁴ Жорис-Карл Гюисманс (наст. имя — Шарль-Жорж-Мари Гюисманс; 1848—1907) — французский писатель, первый президент Гонкуровской академии (с 1900).
- ¹⁸⁵ Романы «Там, внизу» (1891) и «Наоборот» (1884).
- ¹⁸⁶ Мария Александровна Лохвицкая (по мужу Жибер; псевдоним Мирра Лохвицкая; 1869—1905) — русская поэтесса. К концу 1890-х годов достигла массового признания, но вскоре после смерти была практически забыта.
- ¹⁸⁷ См. повесть Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего»: «О, это коварное существо — женщины! Я теперь только постигнул, что такое женщина. До сих пор никто еще не узнал, в кого она влюблена; я первый открыл это. Женщина влюблена в черта».
- ¹⁸⁸ Апулей (рожд. 124/125) — древнеримский писатель и поэт, философ, автор романа «Метаморфозы» («Золотой осел»), самая яркая часть которого — рассказ о любви бога Эроса и смертной красавицы Психеи.
- ¹⁸⁹ Генрих Август Маршнер (1795—1861) — немецкий композитор и дирижер.
- ¹⁹⁰ Луи Жозеф Фердинанд Герольд (1791—1833) — французский композитор.
- ¹⁹¹ Борис Александрович Фитингоф-Шель (1829—1901) — русский композитор, автор музыки к балетам и операм, в том числе к опере «Демон».
- ¹⁹² Павел Иванович Бларамберг (1841—1907) — русский композитор, публицист, педагог, автор музыкальных картин на текст поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон».
- ¹⁹³ Эдуард Францевич Направник (1839—1916) — чешский и русский композитор и дирижер, главный дирижер Мариинского театра в Петербурге; автор симфонической поэмы «Демон».
- ¹⁹⁴ Реми де Гурмон (псевдоним Жюль Делассю; 1858—1915) — французский писатель, эссеист, критик.
- ¹⁹⁵ Кристофер Марло (1564—1593) — английский поэт, переводчик и драматург-трагик.
- ¹⁹⁶ Вильям Малмсберийский (ок. 1090—1143) — английский бенедиктинец, хронист.
- ¹⁹⁷ Цезарь (Чезаре) Пуни (1802—1870) — итальянский композитор, автор церковной и театральной музыки. Балет «Мраморная невеста» («Мраморная красавица») был впервые поставлен в Париже в 1847 году.

- ¹⁹⁸ Абель-Франсуа Вильмен (1790—1870) — французский писатель и государственный деятель.
- ¹⁹⁹ Герман Контракт (Герман из Рейхенау, Герман Расслабленный; 1013—1054) — бенедиктинец, хронист, астроном, поэт и музыкант.
- ²⁰⁰ Доминик-Мартен Меон (1748—1829) — французский историк.
- ²⁰¹ Пьер Жан-Батист Легран д'Осси (1737—1800) — французский ученый, историк, писатель.
- ²⁰² Анри-Роже Гужено де Муссо (1805—1876) — французский писатель, автор книг по истории эзотерических учений, магии, тайных обществ.
- ²⁰³ Станислас де Гуайта (Гуайт; 1861—1897) — французский поэт, оккультист.
- ²⁰⁴ Пьер-Мишель-Эжен Вентра (1807—1875) — французский религиозный деятель, утверждавший, что является воплощением пророка Илии.
- ²⁰⁵ Имеется в виду Жозеф Антуан Буллян (Буллан; 1824—1893) — французский оккультист. Был обвинен в поклонении Сатане и лишен священнического сана. Прототип доктора Иоганнеса, одного из персонажей романа Ж.-К. Гюисманса «Там, внизу».
- ²⁰⁶ Эбинг Рихард Крафт (1840—1902) — немецкий психиатр, невропатолог и сексолог.
- ²⁰⁷ Жан Боден (1529 или 1530—1596) — французский философ, экономист, правовед. В книге «Демонomanия колдунов» Боден доказывает реальность существования ведьм и решает юридико-процессуальные проблемы связанных с ними судебных дел.
- ²⁰⁸ Целий Аврелиан (V в.) — римский медик, автор трактатов по медицине.
- ²⁰⁹ Томас Уолсингем (ум. 1422) — бенедиктинец, хронист.
- ²¹⁰ Морис Макарио (1811—1898) — французский психиатр.
- ²¹¹ Иордан (ум. после 551) — готский историк.
- ²¹² Мэтью Пэрис (ум. 1259), английский бенедиктинец, хронист.
- ²¹³ Амфитеатров приводит отрывок из оперы Р. Вагнера «Лоэнгрин» на языке оригинала. В настоящем издании используется перевод В. П. Коломийцова.
- ²¹⁴ В оригинале баллада Р. Саути называется «Rudiger».
- ²¹⁵ Лузиньяны — феодальный род в средневековой Франции.
- ²¹⁶ Рожер II (1095—1154) — основатель и первый король (с 1130) Сицилийского королевства.
- ²¹⁷ Вильгельм фон Каульбах (1805—1874) — немецкий живописец, один из наиболее значительных представителей немецкой исторической живописи.

- ²¹⁸ Балдуин I Фландрский (1171–1205) — первый император Латинской империи с 1204 года, граф Эно под именем Бодуэн VI де Эно и граф Фландрии (с 1195) под именем Балдуин IX Фландрский.
- ²¹⁹ Теодорих Великий (ок. 451–526) — король остготов (с 493).
- ²²⁰ Роберт I (Роберт Великолепный; ок. 1000–1035) — герцог Нормандии (с 1027); отец английского короля Вильгельма Завоевателя.
- ²²¹ Эццелино II да Романо (Эццелино Монах; 1194–1259) — синьор Вероны, Падуи и Виченцы.
- ²²² Альбертино Муссато (1261–1329) — итальянский поэт, драматург, историк.
- ²²³ Сельма Лагерлёф (1858–1940) — шведская писательница, первая женщина, получившая Нобелевскую премию по литературе (1909); речь идет о романе С. Лагерлёф «Чудеса Антихриста» (1897).
- ²²⁴ Ефрем Сирин (ок. 306–373) — христианский богослов и поэт.
- ²²⁵ Адсон из Монтье-ан-Дер (Ассон; 910 или 915–992) — аббат Клунийского монастыря, писатель.
- ²²⁶ Арнольд де Вилланова (между 1235 и 1240–1311) — испанский врач и алхимик.
- ²²⁷ Винченцо Феррер (ум. 1419) — доминиканец, проповедник, философ, богослов, католический святой.
- ²²⁸ Афанасий Великий (ок. 295–373) — богослов, архиепископ Александрийский, христианский святой, один из Отцов Церкви.
- ²²⁹ Лео Таксиль (наст. имя Мари Жозеф Габриэль Антуан Жоган-Пажес; 1854–1907) — французский писатель, автор антирелигиозных произведений. Известен прежде всего продолжавшимся двенадцать лет масштабным розыгрышем с целью дискредитировать католическую церковь. Автор книг «Дьявол в XIX веке» (в соавторстве с Карлом Хаксом), «Антихрист, или Происхождение франкмасонства» и др.
- ²³⁰ Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) — русский религиозный мыслитель, мистик, поэт и публицист.
- ²³¹ Григорий Александрович Кушелев-Безбородко (1832–1870) — русский меценат, литератор, композитор.
- ²³² Жак-Жозеф-Валантен Маньян (1835–1916) — французский психиатр.
- ²³³ Иван Павлович Мержеевский (1838–1908) — русский психиатр и невропатолог.
- ²³⁴ Роджер Ховеденский (Роджер из Ховедена; ум. 1201) — английский хронист, состоял на службе у короля Генриха II Плантагетета.

- ²³⁵ Готье (Вальтер) де Куэнси (1178—1236) — французский бенедиктинец, настоятель аббатства св. Медарда в Суассоне; поэт и музыкант, трувер.
- ²³⁶ В издании «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» (1984—1985) сказка дается под названием «Неосторожное слово».
- ²³⁷ Альберик из Труа-Фонтен (Обри Труафонтенский; ум. после 1252) — французский цистерцианец, хронист.
- ²³⁸ Аймоин Флёрийский (Эмуан из Флёри; ок. 950 — ок. 1008) — французский бенедиктинец, хронист, поэт.
- ²³⁹ Поццуоли — город-порт на берегу одноименной бухты Неаполитанского залива.
- ²⁴⁰ «Беседа трех святителей» — апокрифический памятник, построенный в форме вопросов и ответов, изложенных от имени трех виднейших церковных иерархов — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста.
- ²⁴¹ См.: Генерозов Я. К. Русские народные представления о загробной жизни на основании заплачек, причитаний, духовных стихов и т. п. // Саратовские епархиальные ведомости. 1883. № 25—30.
- ²⁴² Итальянская (немецкая) миля равна 7420 метрам.
- ²⁴³ Аркадий Иванович Свидригайлов — один из центральных персонажей романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».
- ²⁴⁴ Имеется в виду Бригитта Шведская.
- ²⁴⁵ Родерих (Родриго; ум. 711) — король вестготов, правивший в 709—711 годах.
- ²⁴⁶ Эброин (ум. 680 или 681) — дважды майордом франков в Нейстрии — в 658—673 годы и с 675 года до своей смерти. Отличался деспотизмом и жестокостью.
- ²⁴⁷ Гелинанд из Фруамона (Элиланд, Элинан; ок. 1160 — после 1229) — французский цистерцианец, хронист и поэт.
- ²⁴⁸ Генрих II Святой (973—1024) — император Священной Римской империи. Был канонизирован в 1146 году.
- ²⁴⁹ Карл III Толстый (839—888) — император Священной Римской империи (881—887).
- ²⁵⁰ Аикадр Жюмьежский (ум. 687) — бенедиктинец, аббат монастыря в Жюмьеже.
- ²⁵¹ Хродеганг (Годегранд; ум. 765) — епископ Се (Франция).
- ²⁵² Илия Пещерник (ум. 960) — отшельник, жил в пещере вблизи Семинары (Италия).
- ²⁵³ Лиутпранд Кремонский (ок. 922—972) — итальянский дипломат и историк, епископ Кремоны.

- ²⁵⁴ Иоанн XII (937—964) — папа римский (955—963), последний папа периода так называемой порнокрапии. Современники считали за многочисленные пороки воплощением дьявола.
- ²⁵⁵ Фра Филиппо да Сиена (1387—1422?) — августинец, писатель, переводчик.
- ²⁵⁶ Терза Авильская (1515—1582) — испанская кармелитка, автор мистических сочинений, создательница орденской ветви «босоногих кармелиток», католическая святая.
- ²⁵⁷ Рауль де Удан (ок. 1170 — ок. 1230) — французский трувер.
- ²⁵⁸ Пьер де Сель (Петр Келиот; ок. 1115 — ок. 1183), епископ Шартрский, писатель.
- ²⁵⁹ Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111 — 1174) — великий князь Владимирский (с 1157). Убит в результате заговора. Святой Русской православной церкви.
- ²⁶⁰ Ванька-Каин (Иван Осипов; 1718 — после 1756) — вор, разбойник, доноситель Сысского приказа, ставший героем многочисленных легенд.
- ²⁶¹ Стефан Бурбонский (ум. 1261) — французский доминиканец, историк.
- ²⁶² Отлоний (Отло) (ок. 1010 — после 1070) — немецкий бенедиктинец, писатель.
- ²⁶³ Ордрик Виталий (1075 — ок. 1142) — английский бенедиктинец, хронист, автор «Церковной истории».
- ²⁶⁴ Людвиг Уланд (1787—1862) — немецкий поэт-романтик, историк литературы.
- ²⁶⁵ Стихотворение «Рыцарь Роллон». В оригинале «Junker Rechberger» («Юнкер Рехбергер»).
- ²⁶⁶ Аврелий Пруденций Клемент (348 — после 405) — римский христианский поэт.
- ²⁶⁷ Петр Дамиани (Петр Дамиан; 1007—1072) — бенедиктинец, богослов, кардинал.
- ²⁶⁸ Григорий Назианзин (Богослов) (ок. 325—389) — богослов, архиепископ Константинопольский, один из Отцов Церкви.
- ²⁶⁹ Григорий Нисский (335—394) — богослов, философ, епископ города Ниссы в Малой Азии.
- ²⁷⁰ Имеются в виду фрески Джотто из Капеллы Скровеньи (Капелла дель Арена) в Падуе с изображением сцен Страшного суда.
- ²⁷¹ Андреа Орканья (1308— до 1368) — итальянский живописец, скульптор и архитектор.
- ²⁷² Николай Герасимович Помяловский (1835—1863) — русский писатель. Автор «Очерки бурсы», в которых нашли воплощение его воспоминания о семинарской юности.

- ²⁷³ Эгидий Ваозельский (ок. 1190—1265) — доминиканец, богослов, медик.
- ²⁷⁴ Иван Петрович Сахаров (1807—1863) — русский этнограф-фольклорист, археолог и палеограф.
- ²⁷⁵ Александр Онисимович Аблесимов (1742—1783) — русский писатель, автор либретто комической оперы «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1779).
- ²⁷⁶ Пьетро д'Абано (Петр Абанский; 1250—1316) — итальянский врач, философ и астролог.
- ²⁷⁷ Парацельс (наст. имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм; 1493—1541) — швейцарский алхимик, врач, философ, естествоиспытатель. Считается одним из основателей современной науки.
- ²⁷⁸ Альберт Великий (Альберт Кельнский, Альберт фон Больштедт; ок. 1200—1280) — немецкий философ, богослов, ученый; доминиканец, епископ Регенсбурга.
- ²⁷⁹ Роджер Бэкон (ок. 1214—1292) — английский философ, естествоиспытатель, францисканец, профессор богословия в Оксфорде.
- ²⁸⁰ Майкл Скот (Скотт; ум. ок. 1236) — шотландский ученый, математик, философ, переводчик произведений античных и арабских мыслителей.
- ²⁸¹ Алессандро Тассони (1565—1635, там же) — итальянский писатель.
- ²⁸² Иоанн Солсберийский (1115/1120—1180) — богослов, писатель, педагог.
- ²⁸³ Кальман I Книжник (Коломан I; 1070—1116) — венгерский король (с 1095) из династии Арпадов.
- ²⁸⁴ Серапион Печерский (Серапион Владимирский; ум. 1275) — русский проповедник и писатель, архимандрит Киево-Печерского монастыря, в последний год жизни — епископ Владимирский, Суздальский и Нижегородский.
- ²⁸⁵ Якоб Шпренгер (ок. 1436—1495) — доминиканец, декан Кёльнского университета. Ныне считается, что Шпренгеру в «Молоте ведьм» принадлежит лишь введение. Основной же текст написан настоятелем доминиканского монастыря в Шлеттштадте (Селесте) Генрихом Инститорисом (Крамером).
- ²⁸⁶ Николя Реми (Николаус Ремигий; 1530—1616) — французский судья, известный тем, что при его участии было присуждено к смертной казни за колдовство ок. 800 человек; автор труда «О почитании демонов», 1595).
- ²⁸⁷ «К вящей славе Божией» (*лат.*) — геральдический девиз ордена иезуитов.

- ²⁸⁸ Агриппа Неттесгеймский (наст. имя Генрих Корнелиус Неттесгеймский; 1486—1535) — немецкий врач, алхимик, натурфилософ, оккультист, адвокат.
- ²⁸⁹ Иоганн Вейер (Вир; 1515—1588) — голландский и немецкий врач и оккультист. Автор ряда сочинений, в том числе «О дьявольских наваждениях, наговорах и чародействах» (1563).
- ²⁹⁰ Ксавье де Равиньян (1795—1858) — французский священник ордена иезуитов, писатель, проповедник, апологет деятельности иезуитов.
- ²⁹¹ Имеется в виду правление с 395 года Аркадия (377—408) в Восточной Римской империи и Гонория (384—423) в Западной Римской империи.
- ²⁹² Фродоберт (ум. ок. 673) — французский бенедиктинец, основатель монастыря Мутье-ла-Сель.
- ²⁹³ Сильвестр I (ум. 335) — епископ Рима (папа римский) с 314 года, христианский святой.
- ²⁹⁴ Миланский эдикт — постановление, провозгласившее религиозную терпимость на территории Римской империи. Был принят в 313 году в Милане на встрече римских императоров Константина и Лициния и стал важным шагом на пути превращения христианства в официальную религию Римской империи.
- ²⁹⁵ Мун (Мунна, Мун из Лох-Ри; V век) — отшельник, основатель монастыря в Ирландии.
- ²⁹⁶ Аполлон (ок. 393) — египетский отшельник.
- ²⁹⁷ Контекст (ум. 510) — французский бенедиктинец, епископ Байе.
- ²⁹⁸ Иллидий (ум. 384) — епископ Клермонтский.
- ²⁹⁹ Прокопий Сазавский (Пражский; ок. 970—1053) — чешский пустынный, основатель и первый настоятель Сазавского монастыря.
- ³⁰⁰ Ноткер Заика (ок. 840—912) — бенедиктинец Санкт-Галленского монастыря (Швейцария), поэт, музыкант, богослов и историк.
- ³⁰¹ Колумбан (ок. 540—ок. 615) — ирландский монах, просветитель, поэт, проповедник-миссионер в странах Западной Европы, основатель ряда монастырей.
- ³⁰² Луп Труанский (Лупп Трикассинский; 426—478/479) — епископ Труанский.
- ³⁰³ Иоанн (XII в.) — первый новгородский архиепископ.
- ³⁰⁴ Отрывок из «Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе».
- ³⁰⁵ Конон Исаврянин (Исаврийский) (приблизительно I—II вв.) — священномученик.

- 306 Юлиания (Иулиания) Никомидийская (ок. 304) — дева, мученица.
- 307 Вульфстан (1008—1095) — епископ Вустерский, католический и англиканский святой.
- 308 Франциск из Паолы (1416—1507) — монах, основатель ордена минимов, католический святой.
- 309 Агр (ум. 507), епископ города Туля во Франции.
- 310 Эразм Роттердамский (1469—1536) — нидерландский богослов, писатель, виднейший представитель Северного Возрождения.
- 311 Ференц Мольнар (1878—1952) — венгерский писатель и драматург.
- 312 Хороший дьявол (*ит.*).
- 313 Карадок (Карадог; ум. 1124) — отшельник.
- 314 Карл Теодор Кернер (1791—1813) — немецкий поэт, драматург. Имеется в виду его баллада «Дьявол из Саламанки».
- 315 Адельберт фон Шамиссо (1781—1838) — немецкий писатель, поэт, ботаник и зоолог.
- 316 Повесть Н. В. Гоголя из «Вечеров на хуторе близ Диканьки».
- 317 Джованни Франческо Страпарола (ок. 1480 — ок. 1557) — итальянский писатель, автор сборника новелл «Приятные ночи», которые рассказывают о десяти дамах и двух кавалерах в дни венецианского карнавала.
- 318 Арнуль Гребан (1420—1471) — французский драматург, автор мистерий, органист собора Парижской Богоматери.
- 319 Пьеса испанского поэта, драматурга и историка Луиса Бельмонте Бермудеса (1587? — 1650).
- 320 Маттео Мария Боярдо, граф ди Скандиано (ок. 1441—1494) — итальянский поэт эпохи Возрождения.
- 321 Лоренцо Липпи (1606—1665) — итальянский художник и поэт, автор юмористической поэмы «Освобожденный Мальмантите».
- 322 Теофило Фоленго (1491—1544) — итальянский бенедиктинец, поэт, представитель макаронической поэзии.
- 323 Пьетро Аретино (1492—1556) — итальянский писатель, сатирик, публицист и драматург.
- 324 Антон Франческо Граццини (Антонфранческо, Антонио Граццини; псевдоним иль Ласка; 1503—1584) — итальянский поэт и драматург.
- 325 Бенвенуто Челлини (1500—1571) — итальянский скульптор, ювелир, живописец и музыкант. Далее цитируется автобиография «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции».
- 326 Зловонное снадобье (*лат.*).

- ³²⁷ Антидий (ум. 411) — епископ Безансонский, бенедиктинец.
- ³²⁸ Эрвей (Эрве, Гервей; VI век) — отшельник, слепой от рождения, один из наиболее почитаемых бретонских святых.
- ³²⁹ Бернард (Бернхард) Хедерих (1533—1605) — немецкий хронист, педагог, поэт.
- ³³⁰ Яворницкий (Эварницкий) Дмитрий Иванович (1855—1940) — украинский историк, этнограф, археолог, фольклорист, писатель, один из крупнейших исследователей истории украинского казачества.
- ³³¹ Иоанн Гуальберт (Гвальберт 995—1073) — основатель монашеского ордена валломброзианов, католический святой, считается покровителем лесничих.
- ³³² Имеется в виду «Рассказ о том, как подземные духи похитили пономаря» из «Посмертных записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса.
- ³³³ Иустин Философ (Иустин Великий, Иустин Римский, Иустин Мученик, Юстин Мученик; ок. 100—165) — раннехристианский мученик и апологет.
- ³³⁴ Дидим Слепец (Дидим Александрийский; ок. 312—398) — греческий христианский писатель, богослов, представитель александрийской богословской школы.
- ³³⁵ Иоанн Скот Эриугена (Эригена; ок. 810—877) — ирландский философ, богослов, поэт и переводчик.
- ³³⁶ Ансельм Кентерберийский (Ансельм из Аосты; 1033—1109) — богослов, философ, архиепископ Кентерберийский, католический святой.
- ³³⁷ Венанций Фортунат (между 530 и 540 — ок. 600 или 609) — епископ Пуатье, агиограф, поэт.
- ³³⁸ Илиодор (в миру Сергей Михайлович Труфанов) (1880—1952) — иеромонах, автор сочинения «Святой черт (записки о Распутине)» (1917).
- ³³⁹ Ипатий Руфианский (ум. ок. 446) — богослов, настоятель Руфианского монастыря близ Халкидона.
- ³⁴⁰ «Повесть о бесе Зерефере» — переводное византийское сказание, входившее первоначально в состав Азбучно-Иерусалимского и Сводного патериков. Самые ранние списки датируются XIV веком.
- ³⁴¹ Калогер, калугер — монах (Фасмер. Этимологический словарь русского языка).
- ³⁴² Педро Кальдерон де ла Барка (1600—1681) — испанский драматург и поэт. Драма «Волшебник-чудотворец» известна в переводе К. Бальмонта под названием «Волшебный маг».

- ³⁴³ Вильгельм из Вадингтона (XIII в.) — англо-нормандский поэт.
- ³⁴⁴ Отрывок из драмы Дж. Г. Байрона «Каин» в переводе И. А. Бунина.
- ³⁴⁵ Матвей Кузьмич Любавский (1860—1936) — российский и советский историк. Ректор Московского университета (1911—1917), академик АН СССР.
- ³⁴⁶ Жюль Мишле (1798—1874) — французский историк и публицист, представитель романтической историографии, автор глубоко субъективных трактатов об истории.
- ³⁴⁷ Джозуэ Кардуччи (1835—1907) — итальянский поэт и литературовед, лауреат Нобелевской премии (1906).
- ³⁴⁸ Амфитеатров приводит стихотворение Ш. Бодлера «Литания Сатане» на языке оригинала. В настоящем издании используется перевод Эллиса (Л. Л. Кобылинского).
- ³⁴⁹ Марио Раписарди (1844—1912) — итальянский поэт. Амфитеатров имеет в виду его поэму «Люцифер» (1877).
- ³⁵⁰ Джованни Прати (1815—1884) — итальянский поэт-романтик, политический деятель.
- ³⁵¹ Максим Дюкан (дю Камп; 1822—1894) — французский писатель, журналист.
- ³⁵² Вильгельм Гауф (1802—1827). «Извлечения из мемуаров Сатаны» (1826); Фредерик Сулье (1800—1848). «Мемуары дьявола» (1837—1838).
- ³⁵³ Да упокоится с миром! (*лат.*)
- ³⁵⁴ То есть в конце XIX века.
- ³⁵⁵ Лев XIII (1810—1903) — папа римский (с 1878).

Содержание

От автора	5
Глава первая. Родословие и эволюция Сатаны	7
Глава вторая. Физиология дьявола	26
Глава третья. Государство, силы и средства дьявола	52
Глава четвертая. Дьявол-искуситель	66
Глава пятая. Козни дьявола	83
Глава шестая. Наваждение дьявольское	101
Глава седьмая. Любовь и дети дьявола. Инкубы и суккубы	109
Глава восьмая. Ад.	143
Глава девятая. Адские муки	154
Глава десятая. Магия.	171
Глава одиннадцатая. Враги дьявола	191
Глава двенадцатая. Черт-весельчак	201
Глава тринадцатая. Смерть дьявола	220
<i>Примечания</i>	230

Амфитеатров А.

А63 Дьявол в быту, легендах и литературе Средних веков / Александр Амфитеатров. — М. : Ломоносовъ. — 2020. — 256 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-606-4

Исследование «Дьявол в быту, легендах и литературе Средних веков» стоит особняком в творчестве популярнейшего писателя Серебряного века Александра Амфитеатрова (1862—1938). Оттолкнувшись от книги итальянского профессора Артуро Графа «Дьявол», который сосредоточился на теологической литературе, Амфитеатров пошел значительно дальше своего первоисточника. Он сделал попытку изучить жизнь дьявола в человеческом сознании на всем культурном пространстве Средних веков — с того момента, как на заре христианства сложилась подробная его биография, до дней, когда идея, дававшая ему жизнь, почти изжила себя. Блестящая эрудиция позволила Амфитеатрову привлечь не только западные, но и русские источники, использовать мифологию и т. п. Он излагает родословие Сатаны, рассказывает о его физиологии и психологии, описывает дьявольские искушения, козни и наваждения, касается тонкостей бесовской магии, предоставляет слово побывавшим в аду очевидцам и приводит подробности борьбы с дьяволом духовенства.

УДК 94(4)“375/1700”

ББК 63.3(0)4

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Александр Амфитеатров

Дьявол в быту, легендах
и литературе Средних веков

Редактор Е. Кац
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Хромова

Подписано в печать 04.03.2020.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 16. Тираж 600 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300 Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8 (495) 988-63-87